

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

3 (72) • 2018

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Нырко (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; А.С. Анисимова (ответственный секретарь); В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; Е.Н. Абанина, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; В.А. Бабаков, к.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; А.А. Волос, к.ю.н., доцент; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., профессор; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина, к.ю.н.; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; Д.С. Хижняк, к.ю.н., доцент; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, д.ю.н., доцент; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; А.Н. Савенков, д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН; С.Б. Суриков, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Е.Е. Фролова, д.ю.н.; Ю.Л. Шульженко, д.и.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); С.Ф. Ударцев, д.ю.н., профессор (Республика Казахстан); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; A.S. Anisimova (executive secretary); V.A. Abalduev, Candidate of Law, Associate Professor; E.N. Abanina, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; V.A. Babakov, Candidate of Law, Associate Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; A.A. Volos, Candidate of Law, Associate Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Professor; A.Y. Salomatina, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina, Candidate of Law; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.I. Sakhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; D.S. Hizhnyak, Candidate of Law, Associate Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Doctor of Law, Associate Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; A.N. Savenkov, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of RAS; S.B. Surikov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; E.E. Frolova, Doctor of Law; Yu.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Voloshin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); S.F. Udarcev, Doctor of Law, Professor (The Republic of Kazakhstan); G. Robbers, Dr. hab. Professor (Germany); J. Zielinski, Dr. hab. Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

<i>Соловьев С.Г. (г. Миасс), Давыдова И.П. (г. Орск)</i> Обратная связь с потребителями муниципальных услуг: правовые вопросы теории и практики	8
<i>Агамиров К.В. (г. Москва)</i> Понятие и значение юридического прогнозирования	13

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Лалин Е.С. (г. Саратов)</i> Ошибки в определении понятия следственного действия «очная ставка»	18
<i>Демидова А.Г. (г. Казань)</i> Правовая политика в сфере деофшоризации предпринимательской деятельности	22
<i>Еременко О.В. (г. Астрахань)</i> Современные тенденции развития института участия прокурора в гражданском судопроизводстве	29
<i>Домченко А.Г., Токарева А.А. (г. Саратов)</i> Понятие и сущность сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в российском уголовном праве	36
<i>Грибо О.В. (г. Саратов)</i> Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда	42

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

<i>Аверин А.В., Гроза Ю.А.</i> К вопросу о независимости судей	48
<i>Чирикин В.А., Некрасова М.А.</i> Возрастание роли духовно-нравственных ценностей для современной российской государственности	55
<i>Стариков А.П., Михайлов А.Е.</i> К вопросу о содержании термина «негативные изменения психической деятельности»: правовой аспект	59
<i>Шаханов В.В.</i> Метафеномены в юридической доктрине: постановка проблемы	63

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

<i>Стромов В.Ю.</i> Юридическое образование и правовая наука в классическом университете Тамбовской области: прошлое, настоящее, перспективы	68
<i>Трофимов В.В.</i> Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации	79
<i>Богданова Э.Ю., Колызов М.И., Потапов С.А.</i> Принцип недискриминации и реализация процедуры оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве	87
<i>Булгаков В.В., Волков И.А., Хван К.С.</i> Справедливость как ценностный ориентир современной правовой политики: теоретический и практический аспекты	92
<i>Золотухин А.Д., Волчихина Л.А.</i> Эволюция процессуальной формы гражданского судопроизводства как процесс обеспечения доступности и качества правосудия по гражданским делам	96
<i>Козодаева О.И., Попова Е.А., Ююкина М.В.</i> Уголовная ответственность за организацию и содержание наркопритона: некоторые проблемы правоприменения	101
<i>Ламонов Е.В.</i> Общественная палата как институт народного представительства гражданского общества (на примере Общественной палаты Тамбовской области)	108
<i>Придворов Н.А.</i> Гуманитарный фактор чести и достоинства личности в праве	115
<i>Савина А.В.</i> О приоритетных направлениях бюджетно-правовой политики в современной России	120
<i>Сатина Э.А., Иванова Н.А.</i> Соотношение мер ответственности и мер защиты в гражданском праве России	124
<i>Самородов В.Ю.</i> Культурный аспект современной правотворческой политики (опыт осмысления проблемы)	128
<i>Захаров А.В.</i> Функции Российского государства в контексте устойчивого развития	135
<i>Липунцова А.В.</i> Правовое положение органов власти, осуществляющих государственный контроль в сфере миграции	140

<i>Белянская О.В.</i>	Реализация норм права в непосредственной форме (на примере хозяйствующих субъектов)	146
<i>Свиридов В.В.</i>	Взаимодействие социальных акторов как генеральный фактор динамики права и правовой жизни: постановка проблемы	150

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею А.П. Мазуренко	156
Памяти ученого. Николай Игнатьевич Матузов	159

CONTENT

THE POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Solovov S.G. (Mius), Davydova I.P. (Orsk)</i>	Feedback from the consumers of municipal services: legal theory and practice	8
<i>Agamirov K.V. (Moscow)</i>	Concept and value of legal forecasting	13

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

<i>Lapin E.S. (Saratov)</i>	Errors in the definition of the concept of investigative action "confrontation"	18
<i>Demieva A.G. (Kazan)</i>	The legislative policy of de-offshorization of entrepreneurial activity	22
<i>Eremenko O.V. (Saratov)</i>	The modern tendencies of institution development of a public prosecutor participation in the civil legal proceeding	29
<i>Donchenko A.G., Tokareva A.A. (Saratov)</i>	The concept and essence of the sexual exploitation of minors in the Russian criminal law	36
<i>Grabko O.V. (Saratov)</i>	Special civil in the construction contract	42

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – VLADIMIR BRANCH OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION

<i>Averin A.V., Groza Y.A.</i>	On the issue of the independence of judges	48
--------------------------------	--	----

Chirikin V.A., Nekrasova M.A.	
The increasing role of moral values for modern Russian statehood	55
Starikov A.P., Mikhailov A.E.	
On the question of the content of the term “negative changes in mental activity”: the legal aspect	59
Shakhanov V.V.	
Metaphenomenons in legal doctrine: statement of the problem	63

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION –
TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN**

Stromov V.Yu.	
Legal education and legal science in the classical university of Tambov region: the past, the present, prospects	68
Trofimov V.V.	
State-legal policy of modern Russia: from doctrine to practice of implementation	79
Bogdanova E.Yu., Koltsov M.I., Potapov S.A.	
Principle of non-discrimination and implementation of environmental impact assessment procedure in international environmental law	87
Bulgakov V.V., Volkov I.A., Khvan K.S.	
Justice as a value reference point of modern legal policy: theoretical and practical aspects	92
Zolotukhin A.D., Volchikhina L.A.	
Evolution of the procedural form of civil proceedings as a process of ensuring accessibility and quality of justice in civil cases	96
Kozodaeva O.N., Popova E.A., Yuyukina M.V.	
Criminal liability for the organization and maintenance of the drug: some problems of law enforcement	101
Lamonov E.V.	
Public Chamber as an institution of people’s representation of civil society (on the example of the Public Chamber of the Tambov region)	108
Pridvorov N.A.	
The humanitarian factor of honour and dignity of the personality in law	115
Savina A.V.	
About priority directions of budgetary-legal policy in modern Russia	120
Satina E.A., Ivanova N.A.	
Correlation of measures of responsibility and protection measures in the civil law of Russia	124
Samorodov V.Y.	
Cultural aspect of modern law-making policy (experience of understanding the problem)	128

<i>Zakharov A.V.</i>	
Functions of the Russian state in the context of sustainable development	135
<i>Lipuntsova A.V.</i>	
Legal status of the authorities exercising state control in the field of migration	140
<i>Belyanskaya O.V.</i>	
Realization of the law in a direct form (on the example of economic entities)	146
<i>Sviridov V.V.</i>	
Interaction of Social Actors as a General Factor of the Dynamics of Law and Legal Life: Problem Statement	150

PERSONALITIES

To the jubilee of A.P. Mazurenko	156
In memory of the scientist, Nikolay Ignatievich Matuzov	159

• ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

С.Г. Соловьев,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного,
административного и муниципального
права Южно-Уральского государственного
университета (национальный
исследовательский университет),
председатель Общественной палаты
Миасского городского округа, член
Экспертного совета Комитета
по федеративному устройству и
вопросам местного самоуправления
Государственной Думы РФ*

И.П. Давыдова,

*главный специалист управления
по перспективному развитию и работе
с предприятиями малого и среднего
бизнеса, торговле и наружной рекламе
Администрации г. Орск*

S.G. Solovev,

*Doctor of Law, Professor,
Head of the Constitutional,
Administrative and Municipal Law
Department of South-Ural State
University
(National Research University),
Chairman of Public Chamber in Miass
city district, Member of Expert Council
on Federal Structure and the Local
Self-Government of State Duma in the
Russian Federation Federal Assembly
solovev@femt.miass.susu.ru*

I.P. Davydova,

*Chief specialist of the Department for
perspective development and working
with the enterprises of small and average
business, trade and outdoor advertising
The administration of the city of Orsk
inna_davydova@ilst.ru*

Обратная связь с потребителями муниципальных услуг: правовые вопросы теории и практики*

***Аннотация:** статья посвящена исследованию теоретических и практических правовых аспектов системы оказания муниципальных услуг населению и функционирования в ней механизма обратных связей с потребителями соответствующих услуг. Рассмотрены проблемы в действующем законодательстве, практика оказания услуг различными муниципальными органами, а также судебная практика. Намечены направления совершенствования соответствующей нормативной базы.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление, муниципальные услуги, связи с потребителями муниципальных услуг.*

Feedback from the consumers of municipal services: legal theory and practice

***Abstract:** the article is devoted to theoretical and practical legal aspects for the delivery of municipal services to the population and functioning of mechanism of feedback with the consumers of the relevant services. Discusses problems in the current legislation, the practice of providing services to various municipal bodies and judicial practice. The identified areas of improvement of the regulatory system.*

***Keywords:** local self-government, municipal services, communication with consumers of municipal services.*

Сегодня в большинстве муниципалитетов активно проводятся различные мероприятия, направленные на создание положительного имиджа

* Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (постановление от 16 марта 2013 г. № 211), соглашение № 02.А03.21.0011.

муниципального образования. На имидж муниципалитета работает комплекс различных факторов: социальных, географических, экономических и т.д. Однако, как показывает практика, для жителей муниципалитета одним из немаловажных критериев притягательности муниципального образования является качество оказания соответствующими органами муниципальных услуг [1, с. 14].

При этом следует указать, что действующее российское законодательство определило лишь общие требования к порядку, качеству и условиям оказания муниципальных услуг, которые в своей совокупности направлены на удовлетворение потребностей населения муниципального образования. Вместе с тем в настоящее время отсутствует нормативное закрепление механизма мониторинга. Именно это обстоятельство обуславливает тот факт, что «в условиях, когда удовлетворенность получателей муниципальных услуг крайне низка, а современные технологии их предоставления не находят широкого применения в деятельности российских муниципалитетов, пока отсутствует возможность оценки эффективности внедрения отдельных управленческих технологий предоставления услуг» [2]. Необходимо согласиться также и с тем, что при отсутствии оценки качества предоставляемых муниципальных услуг у населения «пропадает ощущение обратной связи, уверенности в возможности повлиять на качество предоставления услуг» [3, с. 40–43].

Следует отметить, что в вопросе организации проведения мониторинга качества и доступности государственных услуг в большей степени преуспели государственные многофункциональные центры. Муниципалитеты же либо не организуют оценку качества оказания муниципальных услуг либо проводят ее на свое усмотрение. В связи с этим есть смысл на законодательном уровне унифицировать процесс мониторинга качества и доступности оказания муниципальных услуг, привести его к единому знаменателю, а также обеспечить возможность оценки муниципальных услуг с целью обобщения данных по удовлетворенности гражданами процессами оказания услуг.

Несмотря на положительную динамику муниципалитетов в вопросе организации процесса оказания качественных услуг населению, вовлеченность потребителя в процесс услуги обеспечена не до конца, что на практике порождает жалобы граждан – получателей услуг, что так или иначе влияет на процесс налаживания обратной связи с потребителем. Процесс оказания муниципальной услуги является сложным, основывается на требованиях действующего законодательства, что предполагает возможность возникновения спорных ситуаций, требующих защиты прав или восстановления нарушенного права заявителя на получение муниципальной услуги.

Следует указать на то, что заявитель имеет право на досудебное обжалование решений, действий (бездействия) должностных лиц и (или) муниципальных служащих в процессе оказания услуги, а также на судебную защиту своих прав на основании ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Сегодня процесс работы с обращениями граждан Российской Федерации нормативно урегулирован в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Однако важно помнить, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №

210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» также устанавливает возможность досудебного обжалования и, более того, устанавливает сокращенный срок в отличие от срока, установленного Федеральным законом от 2 мая 2006 г., срок рассмотрения обращений – 15 дней. Подобный факт еще раз доказывает пристальное внимание законодателя к процессу оказания услуг населению и отдает приоритет по срокам обработки жалоб граждан – получателей услуг. При этом на законодательном уровне отсутствует разграничение понятий обращение гражданина, связанное с процессом оказания услуги, и иное обращение гражданина. В связи с этим считаем целесообразным внесение изменений в содержание терминологии Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» путем дополнения его понятием «жалоба гражданина (получателя государственной или муниципальной услуги)».

Обратимся к правовой позиции судов по вопросу применения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Так, Арбитражный суд города Москвы в октябре 2014 г. рассмотрел дело № А40-108873/2014, в котором Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) по городу Москве в ЮЗАО сумело убедить суд в том, что оно имело право рассматривать жалобу на нарушение срока предоставления государственной услуги по правилам, установленным в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4].

Позиция Арбитражного суда г. Москвы по данному делу свелась к тому, что жалоба не содержала нужных доводов, требуемых п. 5 ст. 11.2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». В связи с этим жалоба была рассмотрена в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» устанавливает общие требования к порядку обжалования процесса оказания услуг. Во всех остальных случаях, не урегулированных общими положениями, применяется Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

По этому вопросу позиция Конституционного Суда Российской Федерации заключается в том, что рассмотрение обращений граждан с учетом п. 2 ст. 2 Федерального закона № 210-ФЗ и Постановления Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» является муниципальной услугой, требующей разработки и принятия соответствующего административного регламента.

В силу ст. 3 Федерального закона № 210-ФЗ нормативное правовое регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением муниципальной услуги по приему граждан и рассмотрению обращений

граждан, осуществляется и в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Таким образом, регламент предоставления муниципальной услуги по приему граждан и рассмотрению обращений граждан должен соответствовать требованиям Федерального закона № 59-ФЗ.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Исследовав правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в части предоставления муниципальных услуг, О.С. Соколова отмечает тот факт, что наиболее частыми являются обращения граждан в суды общей юрисдикции «по вопросу, касающемуся возможности отказа от выпуска универсальной электронной карты. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, граждане имеют возможность отказаться от использования универсальной электронной карты, выбрать банк для оформления банковского приложения к данной карте, а оспариваемые указанные виды деятельности не выходят за пределы полномочий органов власти, установленные ст. 71–73 Конституции Российской Федерации» [5].

Действительно, несмотря на растущий интерес к изучению в научных кругах проблемы оказания услуг населению органами власти, актуальность изучения вопроса мониторинговой деятельности органов местного самоуправления как варианта обратной связи с получателями муниципальных услуг весьма высока.

Проблема проведения мониторинга качества и доступности оказания муниципальных услуг является ключевой на этапе модернизации работы муниципалитета в сфере оказания услуг населению. Об этом свидетельствует и правоприменительная практика, в том числе практика судов, которая складывается из решений по делам о нарушениях прав граждан, в том числе и по вопросам организации предоставления муниципальных услуг. Несмотря на то, что Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» принят в 2010 г., в настоящее время выработана обширная судебная практика по вопросам его реализации.

Анализ судебной практики применения Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» позволил выявить и такой способ защиты прав заявителей муниципальных услуг, как прокурорское реагирование. Так, в решении Овюрского районного суда Республики Тыва говорится, что заместитель прокурора Республики Тыва обратился с иском по факту проведенного мониторинга на предмет соблюдения органами местного самоуправления требований законодательства о доступности информации о деятельности органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Результаты проверки выявили отсутствие размещенных в сети «Интернет» отдельных административных регламентов и стандартов качества оказания муниципальных услуг, что противоречит ст. 13 Федерального закона № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [6].

Мониторинг качества и доступности муниципальных услуг призван выявлять соблюдение требований норм законодательства, позволяющего

заявителям муниципальных услуг получать полную, достоверную и актуальную информацию об услуге. Речь идет о наличии информационных стендов, размещении информации на официальных сайтах органов местного самоуправления и подведомственных учреждениях, о размещении информации на Портале государственных услуг.

Безусловно, судебная практика призвана совершенствовать правоприменение. Однако нормативные пробелы и противоречия необходимо устранять. Первоочередной задачей на пути совершенствования нормативной основы проведения мониторинга качества и доступности муниципальных услуг является восполнение пробела в законодательстве. В связи с этим есть смысл законодательно закрепить право органов местного самоуправления на утверждение перечня показателей для оценки качества и доступности муниципальных услуг, исходя из вопросов местного значения.

В этих целях предлагается дополнить ст. 18.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» п. 3: «перечень показателей для оценки качества и доступности муниципальных услуг утверждается в порядке, установленном местной администрацией».

Сегодня высказано немало предложений по оптимизации процедуры оказания муниципальных услуг и повышению их качества, среди которых самым распространенным является предложение о проведении общественного мониторинга полезности и качества муниципальных услуг [7, с. 40–46]. Исследования в области проведения мониторинга качества оказания муниципальных услуг выявили так называемые факторы неудовлетворенности потребителей качеством услуг, в числе которых низкое качество процесса их предоставления в целом; слабая оперативность и доступность; сложность процесса предоставления услуги; некачественная информация о порядке и процедуре предоставления услуги; низкая культура обслуживания потребителей [8]. Подобные факторы еще раз доказывают необходимость проведения мониторинга качества услуг с целью исключения негативных оценок эффективности деятельности муниципалитета.

Основными факторами, способствующими формированию негативных отзывов на качество и доступность государственных и муниципальных услуг, стали преобладание бумажного формата взаимодействия с потребителями и отсутствие полноценного межведомственного электронного взаимодействия. Поэтому на законодательном уровне необходимо разработать единую систему оценки качества и доступности оказания государственных и муниципальных услуг с едиными целевыми показателями эффективности и индикаторами. Следует сформировать также систему ответственности лиц, отвечающих за оказание государственных и муниципальных услуг, нарушение требований к порядку оказания таких услуг, и выработать практику привлечения к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения в указанной сфере.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в настоящее время есть потребность в формировании нового законодательства в сфере оказания государственных и муниципальных услуг, основой которого должен стать Федеральный закон «О мониторинге качества и доступности государственных и

муниципальных услуг», объединивший в себе нормативную основу проведения мониторинга качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг, порядок его организации и проведения, компетенцию органов, в обязанности которых входит проведение мониторинга, ответственность лиц, допустивших нарушение требований законодательства в сфере оказания государственных и муниципальных услуг населению.

Список литературы:

1. Соловьев, С.Г. О системе целей российского местного самоуправления // Представительная власть – XXI век. – 2017. – № 1. – С. 12–16.
2. Филиппов, Д.В. Развитие организационно-управленческих технологий предоставления муниципальных услуг в крупном городском округе: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Д.В. Филиппов. – Новосибирск, 2009. – URL: <http://rudoocs.exdat.com/docs/index-220957.html> (дата обращения: 09.08.2014).
3. Реброва, Н.П. К вопросу о совершенствовании предоставления государственных и муниципальных услуг / Н.П. Реброва, А.М. Степанова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2014. – № 2(10). – С. 40–43.
4. Храмова, Н. Арбитражная практика: Жалобу на качество государственной услуги нужно оформлять правильно. – URL: http://rusrim.blogspot.ru/2016/03/blog-post_19.html (дата обращения: 19.07.2016).
5. Соколова, О.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере персональных данных. – URL: <http://zakonios.ru/?p=17535> (дата обращения: 19.07.2016).
6. Решение Овюрского районного суда Республики Тыва от 12 июля 2016 г. № 2-445/2016 2-445/2016 М-437/2016 М-437/2016 по делу № 2-445/2016. – URL: <http://sudaet.ru/regulat/doc/W2BE7Ttrushd> (дата обращения: 19.07.2016).
7. Кайль, Я.Я. Предоставление муниципальных услуг и «столичных» городах субъектов ЮФО: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 40–46.
8. Лукина, В.А. Социальная сущность и качество услуг организациям и населению, оказываемых органами государственного и муниципального управления (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук / В.А. Лукина. – М., 2011. – URL: http://www.ranepa.ru/files/docs/aspirant/lukina_va.pdf (дата обращения: 09.08.2017).

К.В. Агамиров,

*кандидат юридических наук,
доцент, старший научный сотрудник
сектора теории права и государства
Института государства и права РАН*

K.V. Agamirov,

*Candidate of Law, Associate professor,
Senior research associate sector of the theory
of the law and state of Institute of State and
Law, Russian Academy of Sciences,
agamirov@yandex.ru*

Понятие и значение юридического прогнозирования

Аннотация: актуальность статьи обусловлена значимостью перспективно-долгосрочного подхода к управлению социально-правовыми явлениями и процессами, прогнозирование развития которых служит фундаментом текущего, среднесрочного и долгосрочного планирования законодательства. Цель статьи – показать роль юридического прогнозирования как важнейшего вида социального прогнозирования, представляющего собой теоретический и практический процесс в социально-правовой сфере, направленный на выявление тенденций развития правовой системы

на заданную перспективу и выработку предложений по ее совершенствованию. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает вывод о том, что, являясь средством непрерывного правового реагирования на преобразования в социальной среде, осуществляя регулятивный и пострегулятивный контроль за отклонениями правовых явлений и процессов от заданных параметров, юридическое прогнозирование определяет комплекс целеустановок для практической работы по модернизации всей правовой системы.

Ключевые слова: правовые явления и процессы, юридическое прогнозирование, прогнозирование и планирование правотворческой деятельности, правовое поведение, правовая политика, правовое регулирование.

Concept and value of legal forecasting

Abstract: the relevance of article is caused by the importance of perspective and long-term approach to management of the social and legal phenomena and processes which forecasting of development serves as the base of the routine, medium-term and long-term planning of lawmaking. Article purpose — to show a role of legal forecasting as the most important type of the social forecasting representing the theoretical and practical process in the social and legal sphere directed to identification of tendencies of development of legal system on the set prospect and development of offers on her improvement. Implementation of the tasks has been reached by means of general scientific (dialectic, the analysis, synthesis) and the private and scientific (legalistic, comparative and legal) methods. The author draws a conclusion that, being means of continuous legal response to transformations in the social environment, exercising regulatory and post-regulatory control of deviations of the legal phenomena and processes from the set parameters, legal forecasting defines a complex of purpose for practical work on modernization of all legal system.

Keywords: legal phenomena and processes, legal forecasting, forecasting and planning of law-making activity, legal behavior, legal policy, legal regulation.

Юридическое прогнозирование — это систематическое исследование перспектив развития правовых явлений и процессов на трех уровнях: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом; отраслей, институтов и норм; правового поведения. Таким образом, юридическое прогнозирование охватывает как нормативную систему, так и правовое поведение как действие по реализации закона, претворение его в жизнь. Такой подход отражает необходимость комплексного рассмотрения проблемы юридического прогнозирования и роль человеческого фактора во всех областях социальной сферы [1, с. 17; 2, с. 13].

В качестве сквозного элемента правовой системы юридическое прогнозирование исследует правовые явления и процессы прошлого, не урегулированные правом социальные явления и процессы, действующие правовые явления и процессы, тенденции и перспективы развития действующих правовых явлений и процессов; желательное развитие действующих правовых явлений и процессов; осуществляет регулятивный и пострегулятивный контроль за отклонениями действующих правовых явлений и процессов от надлежащих параметров; выявляет ценностные характеристики действующих правовых явлений и процессов для системной модернизации и долгосрочной стратегии развития всего общества (пострегулятивный эффект); определяет комплекс целеустановок для практической работы по модернизации всей правовой системы.

Таким образом, юридическое прогнозирование способствует определению перспектив развития правовой политики, выявлению узких мест в законодательстве и разработке предложений по их преодолению [3, с. 1; 4].

Методологической основой юридического прогнозирования являются диалектические законы развития и взаимосвязи явлений. Теория социального

предвидения является важнейшим научным фундаментом для прогнозирования всех социальных явлений и процессов, юридических в частности. Методология юридического прогнозирования определяет его принципы как важнейшие отправные начала при исследовании будущего правовой системы, среди которых особое место занимает принцип сквозной непрерывности, означающий постоянный мониторинг всех частей правовой и социальной систем.

Юридический прогноз, ставший известным организациям и лицам, результаты деятельности которых он предсказывает, оказывает обратное воздействие на объект прогнозирования – стимулирует действия, способствующие (или, напротив, препятствующие) их осуществлению. Таким образом, происходит самоосуществление (или саморазрушение) прогноза, т.е. реализация ранее прогнозного срока либо в более полной и совершенной форме в случае восприятия его как ценности, желательного или должного результата. Кроме того, получив прогноз поведения тех или иных субъектов права, само общество (организации, специальные службы) может и должно принять соответствующие меры, чтобы не допустить осуществления прогноза отклоняющегося поведения и способствовать еще более активному проявлению прогнозируемого правомерного поведения.

Важный вопрос методологии юридического прогнозирования – количественные и качественные характеристики в правовых прогнозах. Характер юридических прогнозов зависит от уровней будущего. Для ближайшего и более-менее отдаленного будущего они выступают и как количественные характеристики. Для сверхбудущего юридические прогнозы могут быть только качественно определенными. Следует подчеркнуть, что юридические прогнозы затруднены в силу недостатка информации статистически количественного характера, поэтому, скажем, экстраполяция как важнейший метод при использовании такой информации в этом случае ограничена. Методика прогнозирования в праве предполагает наличие и разумное использование конкретных методов юридического прогнозирования. Значение методов юридического прогнозирования трудно переоценить. Можно располагать содержательной и качественной прогнозной информацией и при этом не знать, как ее использовать для составления прогноза.

Специалисты насчитывают порядка ста пятидесяти методов прогнозирования [5–8]. Не все из них активно используются, многие не подходят для целей юридического прогнозирования. Задача состоит в том, чтобы определить наиболее приемлемые для специфических задач юридического прогнозирования методы, которые можно было бы активно применять как при исследовании стратегии развития законодательства в целом, так и при прогнозировании в отраслях права и правового поведения в частности.

Юридическое прогнозирование всегда предшествует юридическому планированию. Они различаются по способам оперирования информацией о будущем правовой системы. Прогноз в праве – это вероятностное описание возможного или желательного развития того или иного правового явления. Планирование в праве – это директивное решение, предусматривающее комплекс мероприятий по развитию законодательства. Прогнозные оценки всегда выступают в качестве научного обоснования планов.

Прогнозы в области законодательства, изучение его тенденций на основе анализа экономических и социальных процессов — основа разработки планов законодательной деятельности и крупных законодательных актов на долгосрочную перспективу. Именно поэтому прогнозирование и планирование правотворческой деятельности являются ее организующим началом, придающим правотворческой политике предрекательный и системный характер, содействующим достижению стратегических целей и решению тактических задач в сфере правотворчества [9, с. 53–54; 10, с. 35] и преодолению дисбаланса в системе российского законодательства [11].

Автор определяет юридическое прогнозирование как устойчивую систему, затрагивающую возможности не только теоретического, но и практического регулирования социально-экономической действительности. В связи с этим следует выделить с прогностической позиции велед за действующим (позитивным) правовым регулированием прогнозируемое (перспективное) правовое регулирование, основанное на правовых моделях будущего правовой системы.

Юридическое прогнозирование служит не только вектором развития теории права и правовой системы в целом, но и механизмом выявления возможности оптимизации процессов управления государством и социально-экономической средой. Это предполагает необходимость отраслевого правового прогнозирования, нацеленного на выявление и урегулирование конкретных политических, экономических, социальных и духовных проблем. Процесс прогнозирования отраслевого законодательства подразумевает разработку прогностической модели определенного законодательного акта. Конструкция такой модели состоит из концепции акта (обоснование необходимости его принятия, предмет правового регулирования, положения, отражающие основное содержание); структуры акта; целей и задач акта; средств по достижению целей и задач акта (политическое, социально-экономическое и идеологическое обеспечение акта); возможных последствий принятия акта. Юридическое прогнозирование на уровне правового института предполагает прогнозирование целей, достигаемых нормой права, эффективности механизма действия нормы и обеспечивающих средств по выполнению задач, стоящих перед нормой.

Таким образом, юридическое прогнозирование представляет собой не только непрерывный, но и сквозной процесс, пронизывающий все законотворчество. Именно поэтому эксперт-прогнозист призван быть широкопрофильным специалистом в области законотворческой деятельности. Он обязан одинаково хорошо разбираться в проблемах федерального, регионального и местного значения, соответственно, владеть законодательной техникой при подготовке принятия (изменения, дополнения, отмены) федеральных, региональных нормативных правовых актов и актов органов местного самоуправления.

При разработке планов законодательных работ самостоятельным направлением следует признать прогностический этап законотворческой деятельности, который состоит из определенных стадий. Этап прогнозирования является фундаментом правового регулирования новых общественных отношений, видоизмененных или дополненных правоотношений, и от того, в какой мере он будет научно обоснован, зависит качество и эффективность нормативных правовых актов.

С учетом президентского законопроекта № 398393-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (в части включения в направления деятельности РАН вопросов прогнозирования основных направлений научного, научно-технологического и социально-экономического развития РФ)» [12] представляется перспективной возможность образования на базе Института государства и права Российской академии наук междисциплинарного и межотраслевого Центра юридического прогнозирования, который будет заниматься разработкой теории, методологии и организационных структур прогнозирования процессов в социальной и правовой сферах, формированием и ведением прогностического банка данных общественных отношений, объективно нуждающихся в правовом регулировании, построением правовых моделей и подготовкой предложений по совершенствованию законодательства, полученных в результате прогностических исследований, для направления законодательным органам на предмет включения в план законодательных работ.

Список литературы:

1. Агамиров, К.В. Прогнозирование правовых рисков: в 2 т. / К.В. Агамиров. – М.: Русийне, 2018. – Т. 1. – 328 с.; – Т. 2. – 332 с.
2. Агамиров, К.В. Прогнозирование правового поведения / К.В. Агамиров. – М.: Библио-глобус, 2017. – 400 с.
3. Малько, А.В. Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 1. – С. 8–14.
4. Малько, А.В. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / А.В. Малько, Н.И. Матузов, К.В. Шундилов; под ред. А.В. Малько. – М.: Дело, 2008. – 40 с.
5. Abramson, A.G. Techniques of forecasting // *Business Forecasting in Practice*. – N.Y.: J. Wiley & Sons, 1956. – P. 40–77.
6. Dauten, C.A. *Business cycles and forecasting* – 3d ed. / C.A. Dauten, L.M. Valentine. – Cincinnati: South-western Pub. Co., 1968. – 646 p.
7. Sahlö, K.C. Technology foresight – past and future // *Journal of Forecasting*. – 2003. – Vol. 22. – P. 79–82.
8. Madnick, S. *Technology Forecasting using data mining and semantics: third & final annual report* / S. Madnick, W.L. Woon, A. Henschel (et al.). – Cambridge, 2011. – 130 p.
9. Арзамасов, Ю.Г. Правотворческая политика в современной России: курс лекций / Ю.Г. Арзамасов и др. / под ред. А.В. Малько. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2013. – 342 с.
10. Матузов, Н.И. Принципы правовой политики в Российской Федерации // *Правовая политика: словарь и проект концепции* / под ред. А.В. Малько. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2010.
11. Белоусов, С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Белоусов. – Саратов, 2015. – 505 с.
12. О внесении изменений в Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части расширения целей деятельности, основных задач и полномочий Российской академии наук): законопроект от 24 февраля 2018 г. № 398393-7. – URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/398393-7> (дата обращения: 20.08.2017).

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

Е.С. Лапин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной
юридической академии

E.S. Lapin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of Saratov State Law
Academy
k_kriminal@ssla.ru

Ошибки в определении понятия следственного действия «очная ставка»

Аннотация: в статье показаны часто встречающиеся ошибки в попытках дать определения понятию «очная ставка». Актуальность темы статьи обусловлена тем, что успех в расследовании преступлений во многом зависит от правильного понимания средств получения и проверки доказательств, которыми являются следственные действия, в том числе очная ставка. Цель статьи — уточнение сущности этого следственного действия через критическую оценку имеющихся взглядов по данному вопросу. Для достижения поставленной цели использовался метод логического анализа и сравнительно-правовой метод. Авторам был сделан вывод в виде точнее сформулированного определения понятия «очная ставка».

Ключевые слова: сущность очной ставки, сущность допроса, эффект присутствия на очной ставке, существенные противоречия в показаниях, определение очной ставки.

Errors in the definition of the concept of investigative action "confrontation"

Abstract: the article shows especially often and long-standing mistakes in the formulation of the definition of the concept of confrontation. The relevance of the topic of the article is conditioned by the fact that success in the investigation of crimes largely depends on the correct understanding of the means of obtaining and verifying the evidence, which are investigative actions, including confrontation. The purpose of the article was to clarify the essence of this investigative action through a critical assessment of the available views on this issue. To achieve this goal, we used the method of logical analysis and a comparative legal method. The author made a conclusion in the form of a more precise definition of the concept of confrontation.

Keywords: the essence of confrontation, the essence of interrogation, the effect of presence at the confrontation, vitals contradictions in the testimony, the definition of confrontation.

Так сложилось, что определение очной ставки в отечественной специальной литературе с самого начала давалось и в настоящее время дается не верно. Это тот самый случай, о котором можно сказать, что хорошо известное, не является до конца познанным. Чтобы обосновать наше утверждение придется вести полемику с неопределенно большим числом ученых-юристов.

Исходя из содержания ст. 452 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (УУС) [1], очная ставка была предусмотрена только между свидетелями. Она производилась для «разъяснения противоречий в их показаниях, от которых зависело дальнейшее направление следствия» или, говоря современным языком, для разрешения существенных противоречий, выявленных ранее в ходе допросов лиц, которые вовлекались в процесс для содействия следствию. При этом участвовать в очной ставке могли не только двое, но и более свидетелей, что являлось ошибкой.

Представляется интересным разъяснить вопрос (вскрыть законодательный мотив), почему проведение очных ставок по УУС вообще не допускалось между обвиняемым и свидетелем, обвиняемым и потерпевшим, а также между обвиняемыми. Этому, по нашему мнению, имелись веские доводы криминалистического и уголовно-процессуального характера. Очная ставка между обвиняемым и потерпевшим или свидетелем, как правило, проводилась с целью доказать обвиняемому, что он говорит неправду и чтобы потерпевший (свидетель) изобличил его во лжи путем взаимных показаний. Такая ситуация на очной ставке могла приобрести характер допроса обвиняемого, посредством которого следователь получал признательные показания или признание какого-то факта путем таких действий, которые граничили с психологическим давлением, что противоречило закону. Обвиняемый не свидетель, от которого следователь вправе был требовать показания и только правдивые под угрозой уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, вплоть до отрицания очевидных и точно установленных фактических данных.

Умелость следователей тогда и теперь состояла и состоит в том, чтобы установлением неоспоримых доказательств, в частности с помощью допроса свидетелей, опровергнуть ложные показания обвиняемого, которые не соответствуют истине, скрывают действительную обстановку совершенного преступления. Для установления объективной истины по делу следователь располагает всевозможными способами, кроме тех, которые направлены именно от обвиняемого признания в совершенном им преступлении. Во всяком случае, таким способом, как считали тогда, не могла являться очная ставка, которая, как правило, в отношении обвиняемого оказывалась принудительным психологическим воздействием на него. Что касается отказа от очной ставки с обвиняемыми, то в этом случае опасались так называемой стачки или, говоря современным языком, сговора между ними; это явно проистекает из содержания ст. 407 УУС.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу 1922 г. [2] и вскоре сменившего его Кодекса 1923 г. [3] правила, касающиеся очной ставки, предусматривали возможность проведения в ходе предварительного расследования очных ставок уже не только между свидетелями (ст. 137, 163, 290 УПК РСФСР 1923 г.), но и между обвиняемыми, а также обвиняемым и свидетелем. Как видим, круг участвующих в деле лиц, с которыми возможно было производить очную ставку, расширился. Определение данного процессуального действия звучало так: «Очная ставка, т.е. одновременный допрос двух (или более) лиц в присутствии друг друга, применяется в целях устранения противоречий в показаниях этих лиц, данных при отдельных допросах» [4, с. 235]. Такое совершенно некорректное определение очной ставки в той или иной редакции закрепится и будет присутствовать во всех последующих советских и современных российских учебниках и иной юридической литературе. Некорректность приведенного определения, помещенного в первом отечественном учебнике криминалистики (1935), помимо ошибок, что очная ставка возможна между двумя (и более) лицами и что нет указания на точное условие ее проведения, а именно наличия не просто противоречий, а существенных противоречий, заключается в указании, что очная ставка есть допросы.

Приведем несколько примеров определения очной ставки в настоящее время в качестве демонстрации неправильного определения рассматриваемого процессуального действия, направленного на собирание и проверку доказательств.

«Очная ставка – это одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц, производимый для устранения существенных противоречий в их показаниях» [5, с. 437]. Данное определение крупных ученых-криминалистов не выдерживает никакой критики. В нем, например, присутствует грубейшая ошибка, которую не делают даже обучающиеся. Разве можно говорить об очной ставке, не добавив после слов «двух ранее допрошенных лиц» слова «в присутствии друг друга». Поскольку «одновременно допрашивать» можно в разных помещениях. Такое определение исключает эффект присутствия на очной ставке [6, с. 101], который является психологической особенностью этого процессуального действия, когда одному лицу трудно отстаивать свои ложные показания перед другим лицом, говорящего правду, глядя ему в глаза.

Один из пионеров отечественной криминалистики В.И. Громов, увлекавшийся лингвистическими изысканиями, в очень популярной в свое время книге «Дознание и предварительное следствие», выдержавшей пять изданий, писал: «Очная ставка, как показывает самое происхождение этого древнерусского речения, состоит в том, что *два человека* (курсив наш. – Е.Л.) ставится перед очу друга, глаз на глаз, "на одну доску", как говорили в старину» [7, с. 155].

Следующее определение принадлежит группе ведущих ученых по криминалистике и судебной экспертизе. «Очная ставка – это одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц об обстоятельствах, в отношении которых они дали противоречивые показания» [8, с. 607]. В нем, в частности, не сделан важный акцент на наличие непременно существенных противоречивых показаний, которые настолько значимы, что от их разъяснения зависит правильное установление обстоятельств по делу, входящих в предмет доказывания. С.А. Шейфер пишет о таковых противоречиях, что они «являют противоположное по содержанию освещение обстоятельств предмета доказывания, числа и роли соучастников и другие противоречия, которые могут повлиять на конечные выводы следователя» [9, с. 100].

Третье определение принадлежит одному из известных отечественных правоведов Александру Борисовичу Соловьеву, посвятившему немало работ по уголовно-процессуальным и криминалистическим аспектам следственных действий и очной ставке в частности. В одном из своих трудов он пишет, что можно «определить очную ставку как самостоятельное следственное действие, проводимое путем поочередного допроса двух лиц в присутствии друг друга из числа свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых с целью устранения в их показаниях существенных противоречий, имеющих значение для установления истины по спорным обстоятельствам и, в конечном счете, для принятия законного и обоснованного итогового решения по уголовному делу» [10, с. 12]. Если отбросить загромождающие определение юридические сентенции о необходимости установления «истины по спорным обстоятельствам» и значении этого для «обоснованного итогового решения по уголовному делу», мы имеем формулирование сущности очной ставки как допроса двух лиц. Именно

в этом пункте едины все современные ученые-юристы, давая определение очной ставки, который, как мы предполагаем, одними из первых озвучили профессора П.И. Люблинский и Н.Н. Полянский. В 1924 г. они писали про очную ставку, что это тогда, когда «два или несколько свидетелей одновременно подвергаются допросу об одних и тех же обстоятельствах» [11, с. 213].

Необходимо отметить, что есть и другая, отличная от приведенных выше формулировка определения понятия очной ставки. Увы, она оказалась не воспринятой. «Очная ставка, – писал И.Н. Якимов в 1925 г., – есть сведение двух лиц для взаимного предъявления ими друг другу своих показаний в тех частях, в которых они не согласуются, “разносятся”, Делается <она> только для выяснения обстоятельств, влияющих на ход дела...» [12, с. 351].

Таким образом, ученые-юристы по сей день пользуются неверным, алогичным определением очной ставки, вот уже на протяжении почти 100 лет не видя явной неправильности, заключающейся в том, что не может одно следственное действие (очная ставка) производиться путем другого следственного действия (допроса). Не может одно отдельное следственное действие состоять из другого отдельного следственного действия и даже двух, как в нашем случае. Логическая ошибка, допускаемая значительным числом авторов прошлых лет и учеными современности, кроется в том, что они разделили следственное действие на сущность и форму, оставив первое и отбросив второе. Между тем согласно диалектическому учению форма существенна, а сущность оформлена. Действительно, очная ставка по своей сущности то же самое, что и допрос, – получение показаний. Однако она помимо своей сущности, такой же, как и у допроса, имеет свою, отличную от него форму, которая и делает ее отдельным следственным действием. Поэтому про очную ставку в соответствии с уголовно-процессуальным законом можно сказать, что она есть особая форма допроса, но по определению не является им, т. к. не осуществляется посредством него. Вследствие этого, очная ставка – это получение показаний с использованием ее сущности с допросом.

Итак, очную ставку следует определять как поочередное получение показаний от двух из определенного законом круга лиц в присутствии друг друга, ранее при допросах которых были обнаружены существенные противоречия.

Список литературы:

1. Устав уголовного судопроизводства, высочайше утвержденный 20 ноября 1864 г. // Полн. собр. законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. От № 41319–41641. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – 1867. – № 41476. – С. 215–306.
2. Об Уголовно-процессуальном кодексе: Постановление III Сессии ВЦИК Советов от 25 мая 1922 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1922. – № 20–21, ст. 230.
3. Об учреждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК Советов от 15 февраля 1923 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1923. – № 7, ст. 106.

4. Криминалистика: учебник для слушателей правовых вузов: в 2 кн. / под ред. А.Я. Вышинского. — М.: Советское законодательство, 1935. — Кн. II: Техника и тактика расследования преступлений. — 272 с.
5. Ищенко, Е.П. Криминалистика: учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; под ред. Е.П. Ищенко. — М.: КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2003. — 748 с.
6. Соловьев, А.Б. Эффект присутствия на очной ставке // Следственная практика: сб. ст. — М.: Юридическая лит., 1968. — Вып. 77. — С. 101–108.
7. Громов, В. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений. Руководство для органов дознания и народных следователей. — 3-е изд., перераб., испр. и доп. / под ред. и с предисл. Н.В. Крыленко. — М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. — 364 с.
8. Аверьянова, Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. — 928с.
9. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М.: Юрлитинформ, 2004. — 184 с.
10. Соловьев, А.Б. Очная ставка: метод. пособие. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 160 с.
11. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Текст и постатейный комментарий с приложением алфавитно-предметного указателя / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. — М.: Право и жизнь, 1924. — 376 с.
12. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. — Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. — М.: ЛексЭст, 2003. — 496 с.

А.Г. Демиева,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права Казанского (Приволжского)
федерального университета*

A.G. Demieva,

*Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of
civil law under Kazan (Privolzhsk) Federal
University
ademieva@bk.ru*

Правовая политика в сфере деофшоризации предпринимательской деятельности

***Аннотация:** в статье рассматривается правовая политика в сфере деофшоризации предпринимательской деятельности. Цель статьи — привлечь внимание юридического сообщества к правовой политике, направленной на установление контроля за предпринимателями, осуществляющими свою деятельность посредством использования офшорных территорий (зои). В работе использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, исторический метод. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, деофшоризация предпринимательской деятельности невозможна без эффективной политики правового регулирования путем реформирования законодательства; во-вторых, существующие нормативно-правовые акты, направленные на деофшоризацию предпринимательской деятельности являются разрозненными, в них отсутствует единая последовательность системы реформирования; в-третьих, в процессе реформирования законодательства необходимо учитывать специфику предпринимательской деятельности и проводить межотраслевую реформу законодательства; в-четвертых, обосновывается необходимость принятия Концепции деофшоризации предпринимательского законодательства и раскрывается ее содержание.*

***Ключевые слова:** правовая политика, предпринимательская деятельность, офшоры, предпринимательское законодательство, межотраслевое регулирование.*

The legislative policy of de-offshoreization of entrepreneurial activity

Abstract: the article discusses the problem of legislative de-offshorization of entrepreneurial activity. The article's purpose is to draw the legal community's attention to the state's regulations, aimed at establishing control over entrepreneurs conducting business in offshore territories (zones). The following research methods were employed: analysis, synthesis and historical method. The author concludes the following: first, de-offshorization of entrepreneurial activity is impossible without an effective policy of legal regulation by reforming legislation; second, the existing normative and legal acts aimed at de-offshored businesses are fragmented, as they lack a unified sequence of the reform system; third, in the process of reforming the legislation, it is necessary to take into account the specifics of entrepreneurial activity and to carry out interbranch reform of legislation; fourth, there is a necessity of adopting the Concept of de-offshorization of business legislation and its content is disclosed.

Keywords: legal policy, entrepreneurial activity, off-shores, business legislation, cross-sectoral regulation.

Развитие предпринимательского сектора является одной из приоритетных задач государства. Поэтому государство посредством проведения правовой политики, принимает необходимые меры, направленные на совершенствование механизмов правового регулирования предпринимательского законодательства, которые выражаются в форме принятия различных нормативно-правовых актов: законов, постановлений, указов, концепций, программ и стратегий. Стремительное развитие общественных отношений, как справедливо обращает внимание И.Н. Исаков, определило основную задачу правовой политики – эффективное обустройство правовой жизни общества. Эту задачу можно объяснить тем, что правовая политика осуществляет всю совокупность политического и правового воздействия на процессы создания и реализации права [1, с. 13]. По своей сути, правовая политика, как отмечает Н.В. Исаков, есть способ организации правовой жизни общества, которая выражается в правовых актах и правоотношениях, определяет специфику и уровень правового развития общества [2, с. 10]. С одной стороны, правовая политика — это часть общегосударственной политики, связанной с четким установлением правил в различных сферах, где регулируются сложные отношения, требующие научно обоснованного законодательства, а с другой — это большой и всепроникающий пласт политической сферы, связанный с целенаправленным действием норм права [2, с. 15].

Проблема деофшоризации предпринимательского законодательства появилась относительно недавно и находится в плоскости политики правового регулирования государства, являясь при этом одной из актуальных тем, обсуждаемых в современной юридической науке. Существенное значение в правовой политике имеет метод регулирования. Как пишут профессор З.Ф. Сафин и профессор М.Ю. Челышев, этот метод представляет собой «путь», выступает как систематизированная совокупность шагов, действий, которые необходимо предпринять, чтобы решить определенную задачу или достичь определенной цели [3, с. 140]. При комплексном исследовании сути правовой природы предпринимательского законодательства, необходимо отметить, что правоотношения, в которые вступают предприниматели, являются неоднородными, поэтому и используются методы гражданско-правового и административно-правового регулирования.

Профессор Н.И. Матузов отмечает, что «общее представление о правовой политике, ее сущности, принципах, функциях, приоритетах сложилось... необходимо продолжить работу над анализом реальности: состояние правовой политики и методов ее реализации, результатов, эффективности, дальнейшего совершенствования» [4, с. 9]. Правовая политика концептуально определяет дальнейшее направление развития экономики страны и взаимосвязанного с ней предпринимательского законодательства посредством совершенствования юридических механизмов. В современной истории Российской Федерации известны примеры, когда правовая политика являлась основой для правовых реформ административного и гражданского законодательства. Одним из таких примеров можно назвать Отчет Всемирного банка — Doing Business [5].

В последние два десятилетия Россия, как отмечает Ю.Г. Кошель, сталкивается с нехваткой капитала, который уходит из страны в формах, которые исключают его из национального процесса воспроизводства, что крайне негативно отражается на социально-экономическом развитии. Вывоз капитала оказывает дестабилизирующее влияние на развитие национальной экономики [6, с. 4]. Данное обстоятельство объясняется тем, что государство в Основном законе страны — Конституции Российской Федерации предоставило право каждому свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [7]. Гражданский кодекс Российской Федерации, регулируя гражданско-правовые отношения, предусматривает, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора [8]. Поэтому существующие рыночные условия способствовали тому, что предприниматели с целью оптимизации юридических и налоговых рисков стали осуществлять деятельность, используя офшорные территории (зоны). О.Л. Педун, формулируя определение офшора, указывает, что офшор — страна либо территория, где созданы выгодные условия для нерезидентов — юридических лиц иностранных государств с условием, что они не будут заниматься хозяйственной деятельностью на данной территории [9, с. 23–24].

По данным Министерства финансов Российской Федерации, существует 42 офшорные территории [10], среди которых наибольшую популярность у российских предпринимателей получили: Белиз, Бермуды, Гонконг, Гибралтар, Панама и Сейшелы. Названное количество офшорных территорий (зон) не является статичным, оно постоянно модернизируется как отечественным регулятором — Министерством финансов Российской Федерации, так и международными организациями, речь о которых пойдет ниже.

Правовая природа офшоров позволяет нам обозначить основные критерии, такие как:

- 1) упрощенная процедура государственной регистрации коммерческих юридических лиц;
- 2) полная конфиденциальность информации о бенефициаре и о директоре (или совете директоров) компании;
- 3) предоставление льготного режима налогообложения;
- 4) отсутствие валютного контроля и валютного регулирования;

5) «мягкое» корпоративное законодательство, в котором отсутствуют требования о необходимости проведения ежегодного аудита или формирование ревизионной комиссии.

Офшорные территории (зоны) представляют собой проявление недобросовестной конкуренции по отношению к странам с традиционной юрисдикцией. Некоторые предприниматели, используя офшоры, пытаются «уйти» от оплаты налогов, создавая мнимые и притворные сделки с аффилированными и подконтрольными им лицами. Именно по этим причинам международным сообществом были приняты меры, направленные на борьбу с офшорами, образованы международные организации Organisation for Economic Cooperation and Development [11] (Организация экономического сотрудничества и развития) и The Financial Action Task Force [12] (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), основные задачи которых — выработка рекомендаций государствам офшорных территорий, в которых предусматривается необходимость проведения реформ внутреннего законодательства [13], направленные на повышение прозрачности деятельности компаний, создание публичного реестра бенефициара и директоров компании. Эти рекомендации являются эффективным способом повлиять на законодательство офшорных территорий (зон). Некоторые государства принимают и выполняют их [14].

Проблема офшоров в России приобрела колоссальные масштабы. В послании Президента к Федеральному собранию Российской Федерации в 2013 г. В.В. Путин отметил, что по оценкам экспертов в 2012 г. через офшоры прошли российские товары общей стоимостью 11 миллиардов долларов — это пятая часть всего нашего экспорта... За этими цифрами — выводы капиталов, которые должны работать в России, прямые потери бюджета страны [15].

Сложилась ситуация, когда предприниматели, зарегистрированные на территории Российской Федерации, стали осуществлять свою деятельность внутри страны, но через аффилированные компании, зарегистрированные в офшорах. Так, например, масштабная сделка с объемом более 50 млрд долларов по продаже долей в компании ТНК-ВР прошла вне российской юрисдикции, хотя продавцы известны — это российские граждане, а покупатель — одна из крупнейших российских компаний [15].

Государством был принят комплекс мер, направленных на усиление национального законодательства. А.П. Коробова пишет, что правовая политика представляет собой деятельность государства в сфере правового регулирования. Специфика этой деятельности состоит в выработке и (или) претворении в жизнь правовых идей стратегического характера, т.е. идей, определяющих направления развития общества в целом [16, с. 7]. Таким образом, комплекс принятых мер должен представлять направление развития общества. Для этого государством были приняты следующие меры:

во-первых, в Налоговый кодекс РФ были внесены дополнения, согласно которым были установлены признаки «контролируемой иностранной компании». Основным недостатком, как справедливо отмечает М.Н. Садчиков, явилось то, что законодатель не дал прямого определения контролируемой иностранной компании [17, с. 142]. В то же время дефекты правотворчества негативно сказываются на эффективности правовой

политики. Под контролируемой иностранной компанией законодатель понимает иностранную организацию при соблюдении двух условий: 1) организация должна быть не налоговым резидентом Российской Федерации; 2) лицом, контролирующим организацию, должно быть физическое (или юридическое) лицо — налоговый резидент Российской Федерации [18]. Аналогичная ситуация сложилась, когда законодатель определил признаки, но не раскрыл само понятие «контролируемые лица». Контролирующим лицом иностранной организации являются: 1) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации составляет более 25 %; 2) физическое или юридическое лицо, доля участия которого составляет более 10 %, при условии, что доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами Российской Федерации, в организации составляет более 50 % [18];

во-вторых, был принят Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предоставивший амнистию физическим лицам, которые ранее в нарушение налогового и валютного законодательства не предоставили информацию о своих открытых банковских счетах за пределами Российской Федерации;

в-третьих, в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» были внесены дополнения, согласно которым юридическое лицо обязано регулярно, но не реже одного раза в год обновлять информацию о своих бенефициарных владельцах и документально фиксировать полученную информацию [19].

На примере названных законов сделаем вывод, что государство проводит политику правового регулирования, направленную на деофшоризацию предпринимательского законодательства и регулирование предпринимательской деятельности. Так, Н.В. Исаков пишет, что правовая политика воплощается в правоприменительных актах... в правоприменении, как и в правотворчестве, оправдано говорить как о стратегии и тактике государственного управления процессами властной реализации юридических норм. Она выражает линию государства в сфере реализации права. Отличительной характеристикой современной правовой политики в сфере реализации права является расширение правоприменительной деятельности, зарождение ее новых форм и методов [2, с. 23].

Очевидно, что совершенствование законодательства по анализируемой проблематике не завершено. Данный вывод подтверждается тем, что необходимость реализации комплекса мер по деофшоризации экономики, обеспечивающих условия, которые необходимы для перехода под российскую юрисдикцию сделок, совершаемых между российскими компаниями, и повышение привлекательности российской юрисдикции в целом для бизнеса определены как основные направления деятельности Правительства Российской Федерации [20].

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает повышение эффективности политико-правовых институтов и обеспечение исполнения

законодательства Российской Федерации, направленной на создание условий, при которых российским компаниям было бы выгодно оставаться в российской юрисдикции (а не регистрироваться в офшорах) и использовать для разрешения споров российскую судебную систему [21; 22].

Мы считаем, что на некоторые моменты, не учтенные в процессе правовой политики деофшоризации предпринимательской деятельности, нужно обратить внимание. Модернизация законодательства, как пишет В.В. Гришина, должна проводиться качественно, ведь качество нормативного правового акта является одним из факторов, определяющих уровень качества правового регулирования и правовой системы в целом [23, с. 11].

Принятые нормативные акты по деофшоризации предпринимательского законодательства не имеют своего единства и последовательности. Они лишены основы – базового государственного акта, который бы определил направление развития правовой политики по рассматриваемой проблеме. Таким актом, на наш взгляд, должна стать Концепция деофшоризации предпринимательского законодательства.

Безусловно, что Концепция деофшоризации предпринимательского законодательства должна иметь межотраслевой характер. Концепция может базироваться на проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года [24], которая представляет собой фундаментальную работу, предложенную юридическому сообществу и подготовленную коллективом авторов во главе с профессором А.В. Малько. Структура Концепции должна состоять из введения, двух разделов и заключения.

Введение – информация об офшорных территориях (зонах), их основные признаки, актуальные проблемы, которые требуют проработки и тенденции развития деофшоризации предпринимательского сектора.

В разделе I «Основные положения» необходимо закрепить терминологические определения: офшорная территория (зона), контролируемые иностранные компании, контролируемые лица, конечный бенефициар, цели, задачи и механизмы правового регулирования, направленные на деофшоризацию предпринимательского законодательства.

В разделе II «Содержание политики правового регулирования» определить основные направления, которые необходимо предпринять государству по деофшоризации предпринимательского законодательства.

Заключение – предусмотреть метод оценки эффективности применяемой Концепции и предложения по совершенствованию предпринимательского законодательства.

Политика правового регулирования в виде Концепции должна стать основным документом, посредством которого государством будут проводиться реформы, направленные на улучшение законодательства.

Список литературы:

1. Исаков, И.Н. Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации: теоретико-правовой аспект: автореф. ... канд. юрид. наук / И.Н. Исаков. – М., 2010. – 26 с.
2. Исаков, Н.В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики: автореф. ... д-ра юрид. наук / Н.В. Исаков. – Ростов н/Д, 2004. – 42 с.

3. Сафин, З.Ф. О методологии цивилистических исследований / З.Ф. Сафин, М.Ю. Чельшев // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 6. – С. 140–150.

4. Матузов, Н.И. Правовая политика как важнейшая проблема российской юридической науки // Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2004. – С. 9.

5. Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») «Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»: распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102163716&intelsearch=doing+business> (дата обращения: 27.11.2017).

6. Кошель, Ю.Г. Бегство капитала как фактор дестабилизации национальной экономики: автореф. ... канд. экон. наук / Ю.Г. Кошель. – М., 2009. – 25 с.

7. Конституция РФ (ч. 1, ст. 34) от 12 декабря 1993 г. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2017).

8. Гражданский кодекс РФ (ч. 1, ст. 421) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.

9. Пелун, О.Л. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: автореф. ... канд. юрид. наук / О.Л. Пелун. – М., 2005. – 26 с.

10. Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны): приказ Министерства финансов РФ от 13 ноября 2007 г. № 108н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 50.

11. Organisation for Economic Cooperation and Development. – URL: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 27.11.2017).

12. The Financial Action Task Force. – URL: <http://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 27.11.2017).

13. Доклад ОЭСР Политика для улучшения жизни. – СПб., 2013. – URL: <http://www.oecd.org/tax/SG-report-G20-Leaders-StPetersburg.pdf> (дата обращения: 27.11.2017).

14. Юридический обзор законодательства Сейшел. Фаза 1. – OECD. – 2011, январь. – URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/global-forum-on-transparency-and-exchange-of-information-for-tax-purposes-peer-reviews-the-seychelles-2011_9789264096929-en#page1 (дата обращения: 27.11.2017).

15. Послание Президента РФ В.В. Путина к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. № 282.

16. Коробова, А.П. Правовая политика (Понятие, формы реализации, приоритеты в современной России): автореф. ... канд. юрид. наук / А.П. Коробова. – Самара, 2000. – 36 с.

17. Садчиков, М.Н. Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112). – С. 142–146.

18. Налоговый кодекс РФ (ч. 1, ст. 25.13) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3824.

19. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 33, ч. 1, ст. 3418.

20. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года : утв. Правительством РФ 31 января 2013 г. — URL: <http://www.government.ru> (дата последнего обращения: 27.11.2017).

21. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 47, ст. 5489.

22. Об утверждении Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 1, ст. 13.

23. Гришина, В.В. Теоретический анализ проблем правового воздействия на качество нормативно-правовых актов // Право и политика. — 2007. — № 10, С. 11–17.

24. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года. — URL: <http://www.igfran.ru/filials/> (дата обращения: 29.11.2017).

О.В. Еременко,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Астраханского филиала
Саратовской государственной
юридической академии*

O.V. Eremenko,

*Candidate of Law,
Associate Professor of the Civil Law
Discipline Department of the Astrakhan
branch of the Saratov State Legal Academy*

Современные тенденции развития института участия прокурора в гражданском судопроизводстве

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с процессуальным положением прокурора в гражданском судопроизводстве. Цель статьи – изучение современных тенденций развития института участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Реализация поставленной цели и задач была достигнута при помощи общенаучного (системно-структурного) метода, а также часткоучных (формально-юридического, сравнительно-правового, правоинтерпретационного) методов. Автором исследован ряд проблемных вопросов, касающихся роли прокурора в защите прав граждан в современном гражданском судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** прокурор, диспозитивность, состязательность, полномочия прокурора, квалифицированная юридическая помощь, защита прав граждан.*

The modern tendencies of institution development of a public prosecutor participation in the civil legal proceeding

***Abstract:** the relevance of the article is determined by theoretical and practical significance of questions, connected with a public prosecutor procedural position in the civil legal proceeding. The article aim is studying of modern tendencies of institution development of a public prosecutor participation in the civil legal proceeding. The aim and task achievement was reached with the help of the following methods such as general scientific (systematic structural), and also private scientific (technical, comparative lawful, law interpretive) and others. The problem questions as a role of the public prosecution in the defense of citizens rights in the modern civil legal proceeding were examined by the author.*

Keywords: a public prosecutor, permissive rule, adversarial character, a public prosecutor power, skilled legal help, defense of citizens rights.

В условиях диспозитивности и состязательности современного гражданского процесса прокурор является самостоятельным субъектом правоотношения, отнесенным к числу лиц, участвующих в деле, и имеет служебную заинтересованность в исходе дела.

Тем не менее, руководствуясь именно принципом диспозитивности, «ГПК РФ было значительно сокращено участие прокурора в гражданском процессе» [1, с. 69]. Такое ограничение в какой-то мере представляется логичным, основанным на современных тенденциях развития гражданского судопроизводства, но одновременно вселяет определенные опасения.

Обратим внимание на то, что многие ученые негативно оценивают снижение роли прокуратуры в гражданском процессе.

М.С. Шакарян справедливо отмечала, что в условиях, когда государство не может обеспечить реализацию конституционного положения о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи в предусмотренных законом случаях бесплатно, то ограничение участия прокурора, осуществляющего правозащитную функцию в гражданском судопроизводстве, преждевременно [2, с. 93].

Л.Ю. Егорова также пишет о преждевременности сокращения полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве в условиях низкого прожиточного уровня подавляющей части населения и считает это неоправданным [3, с. 3].

Уместно привести мнение М.И. Волкова: «В России многие люди просто боятся обращаться в суд с жалобами на незаконные действия руководителей коммерческих структур. У них нет денег на адвокатов, сил годами ходить в суд по своему иску, желания бороться с ветряными мельницами. Мало того что после этого не найдешь работу, можно потерять гораздо большее... В этих условиях наличие у прокурора надзора за исполнением законов всеми этими органами и организациями, а также право предъявлять и поддерживать иски в суде от имени государства в защиту законных интересов граждан — объективная необходимость» [4, с. 4].

В юридической литературе можно встретить и суждения, отрицающие необходимость участия прокурора в гражданском процессе в целом, а не только в отношении защиты прав граждан.

И.Л. Петрухин говорит, что прокурор должен обращаться в суд для защиты лишь общественных и государственных интересов, а граждане могут защищать свои интересы самостоятельно или через адвокатов [5, с. 207].

В. Похмелкин вообще полагает, что участие прокурора в рассмотрении судами гражданских дел — это «юридический атавизм» и что прокурор вообще не нужен в гражданском процессе [6, с. 6].

Таким образом, одни ученые полагают, что полномочия прокурора в гражданском процессе должны быть расширены, ему необходимо обращаться в суд в защиту прав граждан без каких-либо ограничений. Другие, напротив, им возражают, настаивая на ограничении права прокурора на предъявление

иска в защиту интересов гражданина, а некоторые считают данный институт чуждым гражданскому процессу.

В настоящее время согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; о защите семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защите, включая социальное обеспечение; обеспечении права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охране здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечении права на благоприятную окружающую среду; образовании.

Некоторые ученые, исследующие проблему участия прокурора в гражданском процессе, предлагают снять все ограничения на обращение его в суд по гражданским делам.

К примеру, К. Амирбеков полагает, что прокурор должен обладать правом на обращение в суд в защиту любого гражданина без каких-либо условий [7, с. 4].

Аналогичного по сути мнения придерживаются А. Цалиев и О. Качмазов, которые считают, что ч. 1 ст. 45 ГПК РФ и п. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре не должны содержать абсолютно никаких изъятий из права на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов хотя бы в ближайшей перспективе. В подтверждение своих доводов они пишут: «Мы не приветствуем искусственно подгоняемые радикальные изменения законодательства, скопированные у стран с развитой демократией без учета специфики современного российского общества, уровня правовой культуры» [8, с. 13].

Однако следует отметить, что для многих европейских стран данный институт в рамках гражданского судопроизводства вообще отсутствует, а европейские органы, основываясь на соответствующих документах [9], все-таки признают, что в дополнение к существенной роли, которую прокуроры играют в системе уголовной юстиции, некоторые государства — участники Совета Европы могут предусматривать участие прокурора в гражданском и административном секторах по историческим и экономическим причинам, а также по соображениям эффективности, но их роль всегда должна быть неключительной (принцип неключительности) [10].

Отвечая отрицательно на вопрос о целесообразности снятия всех ограничений на участие прокурора в процессе, свяжем это прежде всего с расширением в современный период развития гражданского процессуального законодательства границ диспозитивности и состязательности, независимости судей. Как верно отмечается в юридической литературе, свои отношения судом прокурор должен строить на основе строжайшего соблюдения

принципов состязательности и равенства прав сторон, независимости судей и подчинения их закону [1, с. 71].

Поэтому более логичным все-таки представляется не полное снятие ограничений на участие прокурора в процессе, а лишь конкретизация оснований его участия в процессе. Как следствие, возможно некоторое расширение круга его полномочий.

В связи с этим вспомним меткое выражение Н.А. Чечиной, которая писала: «Кодексы должны быть наиболее полными сводами процессуального законодательства... Полнота содержания кодексов обеспечит удобство в пользовании как широким слоям населения, так и практическим работникам прокуратуры и юстиции» [11, с. 81].

Полагаем, что конкретизация оснований участия в процессе прокурора послужила бы важнейшей гарантией реализации процессуальных норм, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Их единообразное понимание, удобство применения могли бы способствовать обеспечению надлежащей защиты прав участников гражданского судопроизводства и прежде всего заинтересованных лиц, содействовать усилению их процессуальных гарантий.

По нашему мнению, роль прокурора в гражданском процессе представляется как одна из гарантий соблюдения законности при осуществлении правосудия по гражданским делам, а также защиты прав и законных интересов граждан, нуждающихся в социальной поддержке, малоимущих, а также государственных и общественных интересов.

В науке гарантирующая роль прокурора по защите прав граждан и организаций в гражданском и арбитражном процессе находит признание у многих ученых и практиков.

Гарантирующий характер участия прокурора в гражданском судопроизводстве отмечает М.И. Эриашвили. Она пишет, что участие прокурора в процессе является одной из существенных гарантий вынесения судами всех инстанций законных и обоснованных решений, определений и постановлений [12, с. 3]. Похожей позиции придерживается Е.В. Ерохина [13].

М.С. Арсанукаева и В.М. Капицын считают, что участие прокурора в процессах по гражданским делам продолжает оставаться важной гарантией эффективной охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций Российской Федерации. Тем самым поддерживается и усиливается превенция закона (как материальных, так и процессуальных норм), повышаются уровень состязания сторон в процессе, качество принимаемых судом решений [14, с. 25].

Учитывая гарантирующий характер обращения прокурора в суд в защиту прав и свобод граждан, считаем целесообразным согласиться с мнением таких известных ученых-процессуалистов, как Л.А. Грось, В.А. Никонов, высказывающих идеи некоторого расширения круга полномочий прокурора, принимающего участие в гражданском деле.

Действительно, механизм защиты прав граждан, в том числе посредством участия прокурора в гражданском процессе, должен работать надежнее и

эффективнее. Однако, к сожалению, во многих работах либо не указывается, какими делами следует дополнить общий перечень дел, по которым прокурор должен принимать участие, либо предложения идут в разрез с реализацией принципов состязательности и равноправия сторон.

Трудно согласиться с мнением отдельных ученых о необходимости включения в перечень оснований для обращения прокурора в суд по гражданским делам такие дела, которые затрагивают имущественные права гражданина, например, об устранении препятствий в пользовании земельным участком, о признании права на объект недвижимого имущества, о защите наследственных прав и т.д. [15, с. 18].

По нашему мнению, не следует впадать в крайность и бесконтрольно расширять возможности прокурора на обращение в суд. На данном же этапе решить вопрос о возможности расширения полномочий прокурора можно посредством детализации существующих оснований на обращение прокурора в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

В частности, к основаниям обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан можно было бы также отнести низкий уровень дохода (например, ниже прожиточного минимума). Тем самым будут обеспечены реальные имущественные гарантии защиты прав и законных интересов социально незащищенных групп населения.

Тем не менее в действующем ГПК РФ отсутствует непосредственное указание на возможность прокурора обратиться в суд в защиту прав малоимущих граждан.

Расширение полномочий прокурора в этой части объясняется, на наш взгляд, и тем, что в настоящее время пока еще не созданы надежный механизм и дополнительные гарантии защиты прав малоимущих граждан на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи. Тем самым положение ст. 48 Конституции РФ, закрепляющее право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, остается нереализованным, поэтому в полной мере не проявляет своих гарантирующего действия и принципа состязательности и равноправия сторон.

Альтернативной замены прокурору в аспекте защиты прав и законных интересов малоимущих граждан в гражданском судопроизводстве не найдено до настоящего времени. На сегодняшний момент мы можем констатировать, что прокурор все еще «остаётся единственным органом, доступным для социально уязвимых слоев населения — малоимущих, престарелых, инвалидов, лиц, страдающих психическими заболеваниями, не имеющих возможности обратиться к адвокату либо в юридическую консультацию» [16, с. 16].

В Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященных актуальным вопросам реализации прокурорами полномочий на обращение в суды общей юрисдикции с исками (заявлениями) в качестве уважительных причин, также названы: наличие у истца малолетнего ребенка (детей), необходимость осуществления постоянного ухода за больным членом семьи, тяжелое материальное положение, не позволяющее воспользоваться услугами адвоката, и др. [17, с. 17].

Представляется, что вряд ли данные рекомендации расходятся с принципами исключительности и защиты прав человека, которые, по мнению Европейского Суда по правам человека, делают приемлемым участие прокурора в гражданском судопроизводстве.

Вместе с тем считаем целесообразным дачу разъяснений по рассмотренному выше вопросу и со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также оценку данных предложений законодателем.

Поддерживая некоторое расширение полномочий прокурора на обращение в суд по вопросам защиты социальных прав граждан, отметим, что такое усиление роли прокурора в гражданском судопроизводстве должно носить исключительный характер и касаться именно защиты прав социально незащищенных и уязвимых групп населения.

В одном из решений ЕСПЧ [18] было указано, что сам по себе факт выступления прокурора в качестве истца по гражданскому делу не может повлечь спор как таковой в соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод [19]. Для решения вопроса о том, нарушено ли равноправие сторон в процессе, необходимо выяснить, какую роль в судебном разбирательстве играл прокурор на самом деле.

Кроме того, ЕСПЧ неоднократно указывал на то, что государства вправе наделять прокуроров правом защиты именно государственного интереса (принцип защиты государственного интереса) и что защита прав и интересов уязвимых общественных групп, не способных защитить свои права, может быть исключительной причиной вмешательства прокурора (принцип защиты прав человека) [20]. Следует также отметить такие доводы ЕСПЧ, как роль прокурора в гражданских и административных процедурах не должна быть доминирующей; участие прокурора в гражданском и административном секторах должно во всех случаях иметь обоснованную и признаваемую цель [10].

Таким образом, важность и целесообразность участия прокурора в гражданском процессе обусловлена историческими, экономическими и социальными причинами. Его деятельность в гражданском судопроизводстве способствует надлежащей и эффективной защите прав и законных интересов граждан и организаций, усилению их гарантий. Следует положительно оценить некоторые расширения полномочий прокурора по вмешательству в частно-правовые отношения в гражданском процессе. Однако установление безграничных полномочий прокурора на обращение в суд по гражданским делам также считаем недопустимым.

Список литературы:

1. Туманова, Л.В. Гражданское процессуальное право: учеб. пособие / Л.В. Туманова, И.А. Владимирова, С.А. Владимирова; под ред. Л.В. Тумановой. — М.: ТК Велби ; Проспект, 2006.
2. Алехина, С.А. Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев [и др.] ; под ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби ; Проспект, 2004.
3. Егорова, Л.Ю. Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / Л.Ю. Егорова. — М., 2006.

-
4. Волков, М.И. Органы прокуратуры и гражданское судопроизводство России: история и современность // История государства и права. — 2008. — № 5.
 5. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. — М., 2003.
 6. Похмелкин, В. Участие прокуратуры в рассмотрении гражданских дел — юридический атавизм // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 6.
 7. Амирбеков, К. Общий надзор в условиях реформирования судопроизводства // Законность. — 2003. — № 9. — С. 4.
 8. Цалиев, А. Правозащитная функция органов конституционной юстиции и прокуратуры / А. Цалиев, О. Качмазов // Законность. — 2010. — № 8. — С. 13.
 9. Резолюция Парламентской Ассамблеи 1604 (2003) «О роли прокуратуры в демократическом обществе, регулируемом верховенством права». — URL: <http://www.gesproc.gov.ru>
 10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2009 г. «Дело "Бацанина (Batsanina) против Российской Федерации"» (жалоба № 3932/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2010. — № 2.
 11. Чечина, Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. — 1960. — № 3. — С. 81.
 12. Эриашвили, М.И. Участие прокурора в гражданском процессе: монография / под ред. Н.М. Коршунова / М.И. Эриашвили. — М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2002. — С. 3.
 13. Ерохина, Е.В. Лишение родительских прав и восстановление в родительских правах: прак. пособие // СПС «КонсультантПлюс». 2009.
 14. Арсанукаева, М.С. Защита прокурором прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в гражданском судопроизводстве / М.С. Арсанукаева, В.М. Капицын // Российский судья. — 2007. — № 7. — С. 25.
 15. Крутиков, М. Участие прокурора в гражданском процессе / М. Крутиков, Л. Исаева // Законность. — 2006. — № 1. — С. 18.
 16. Иванов, А.Л. Защита прокурором прав и законных интересов граждан в российском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Иванов. — М., 2009. — С. 16.
 17. Семенова, А.А. Участие прокурора в разбирательстве гражданских дел по искам о признании недействительными приватизации и иных сделок по отчуждению жилых помещений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 4. — С. 17.
 18. Решение Европейского суда по правам человека от 10 июня 2004 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 77062/01 "Галина Ивановна Чернышева (Galina Ivanovna Chernysheva) против Российской Федерации"» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2005. — № 2. — С. 90–105.
 19. Конвенция по защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 19 марта 1985 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 20, ст. 2143.
 20. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Менчинская против Российской Федерации» (Menchinskaya v. Russia), жалоба № 42454/02 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2009. — № 12.
-

А.Г. Донченко,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного и уголовно-
исполнительного права Саратовской
государственной юридической академии

А.А. Токарева,
магистрант кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

A.G. Donchenko,
Candidate of Law, Associate Professor of
Criminal and Penitentiary Law of Saratov
State Academy of Law
donchenko.sgap@mail.ru

A.A. Tokareva,
Undergraduate of Department of the theory
of Criminal and Penitentiary Law of
Saratov State Academy of Law
alena.tokareva.2016@mail.ru

Понятие и сущность сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в российском уголовном праве

Аннотация: статья посвящена проблемам понимания сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Исследуются доктринальные подходы к определению данного понятия, проводится анализ его закрепления в международных правовых актах и в актах национального законодательства. Предлагается в законодательство Российской Федерации включить термин «сексуальная эксплуатация», уточнить его признаки, прийти к единообразию в терминологии при разграничении понятий «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних» и «сексуальные злоупотребления несовершеннолетних». Авторами дается собственное определение сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, под которой предлагается понимать одну из форм эксплуатации человека, осуществляемую помимо либо против воли несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно с его (ее) согласия в целях удовлетворения физиологических или психологических потребностей субъекта эксплуатации или иного лица, а также получения для него или третьих лиц финансовой или иной выгоды от использования сексуальных свойств несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация, сексуальные злоупотребления, несовершеннолетние, уголовный закон, уголовно-правовая доктрина.

The concept and essence of the sexual exploitation of minors in the Russian criminal law

Abstract: the article deals with the problems of understanding of sexual exploitation of minors. The authors studies the doctrinal approaches to this definition, analyses consolidation of the concept of "sexual exploitation" in international legal acts and acts of national legislation. It is offered to include on the term «sexual exploitation» in the Russian Federation, to clarify its signs, to come to the uniformity of terminology for the demarcation of «sexual exploitation of minors» and «sexual abuse of minors». Based on this analysis, the authors proposes his own definition of sexual exploitation of minors which he suggests defining as the one of the forms of exploitation of a person, carried out in addition to or against the will of a minor, as well as his (her) consent in order to meet the physiological or psychological needs of the exploitation subject or other person, and as well as receiving financial or other benefits for him or others from using the sexual characteristics of a minor.

Keywords: sexual exploitation, sexual abuse, minors, criminal law, criminally-legal doctrine.

За последнее десятилетие проблеме преступности в сфере сексуальной эксплуатации несовершеннолетних было посвящено немало работ зарубежных и российских исследователей. Однако нельзя утверждать, что данная тема в теории уголовного права разработана достаточно полно. Прежде всего, необходимо обратить внимание на отсутствие до настоящего времени единого подхода к формированию понятия «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних». Кроме того, отсутствует достаточная ясность относительно

совокупности критериев, отражающих ее сущность, и перечня деяний, содержащих признаки такого посягательства в отношении несовершеннолетних.

Понятие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних не раскрывается и в международных документах. Значимая на сегодняшний день Конвенция Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» [1] как основной документ, регулирующий отношения по борьбе с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних на международном уровне, лишь определяет виды преступлений, которые отвечают содержанию данной категории.

Обращаясь к уголовному законодательству Российской Федерации, следует сказать, что оно вообще не упоминает сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, определение сексуальной эксплуатации встречается лишь в контексте более широкого понятия «эксплуатация человека». Так, в примечании 2 к ст. 127¹ УК РФ под эксплуатацией человека понимается использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние. Необходимо отметить, что данное понятие по российскому уголовному законодательству относится исключительно к ст. 127¹ УК РФ, относительно других преступлений сексуального характера оно не конкретизируется. Отсутствуют подобные разъяснения и в практике Верховного Суда РФ.

Для того, чтобы уяснить, что следует понимать под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, необходимо обратиться к общему понятию сексуальной эксплуатации человека. Нормы международного права содержат неоднородные определения данного термина. Так, Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации, сексуальных надругательств со стороны персонала ООН 2007 года определяет сексуальную эксплуатацию как «любое злоупотребление или покушение на злоупотребление уязвимым положением, властью или доверием в сексуальных целях, включая, в частности, приобретение денежной, социальной или политической выгоды от сексуальной эксплуатации другого лица, но не ограничиваясь вышесказанным» [2].

Модельный закон о противодействии торговле людьми, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ в 2008 году, дает следующее определение: «Сексуальная эксплуатация человека – извлечение материальной или иной выгоды посредством принуждения другого лица, в том числе путем злоупотребления его уязвимым положением, к оказанию услуг сексуального характера или к совершению иных действий сексуального характера, включая его использование для занятия проституцией...» [3].

Единство мнений относительно данного феномена отсутствует и в доктрине уголовного права. По мнению одних авторов, термин «сексуальная эксплуатация» прежде всего базируется на понятии финансовой выгоды [4, 5 и др.]. Другая группа авторов дает более широкое толкование анализируемому понятию, стараясь не связывать его только с извлечением финансовой выгоды [6–8 и др.].

Обобщая изложенное в части определения понятия сексуальной эксплуатации человека, можно утверждать, что это сложное явление, в

отношении которого целый ряд нормативных и доктринальных определений, не соотносящихся друг с другом.

Аналогичная ситуация сложилась и относительно содержания понятия «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних». В теории уголовного права существует несколько позиций: одни авторы характеризуют его исключительно с точки зрения финансовой выгоды, другие – толкуют его более широко. Например, по мнению М.М. Бабаева, сексуальная эксплуатация несовершеннолетних – это приносящее доход систематическое использование детей для занятия с третьими лицами проституцией и иными возмездными сексуальными занятиями либо для участия в качестве объекта при изготовлении порнографической продукции, совершаемое независимо от характера волевого отношения объекта эксплуатации к занятиям такого рода [9, с. 87]. Д. Финкельхор под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетнего понимает, в свою очередь, злоупотребление беспомощностью ребенка для удовлетворения собственного сексуального влечения или в коммерческих целях [10].

Проанализировав приведенные определения, считаем нужным признать верной точку зрения тех авторов, которые в качестве целей сексуальной эксплуатации указывают: удовлетворение личных физиологических и психологических потребностей индивида, улучшение своего материального положения и получение финансовой или иной выгоды. Не представляется возможным до конца согласиться с теми определениями, где в качестве обязательного признака сексуальной эксплуатации указывается «использование сексуальных свойств человека против его воли» [4, с. 4] и «удовлетворение чьих-либо потребностей путем принуждения» [6].

По нашему мнению, подобные условия представляются по меньшей мере недостаточно обоснованными, прежде всего, в фактическом отношении. Закрепление в качестве обязательного признака отсутствия согласия потерпевшего на использование его сексуальных свойств не позволяет с необходимой полнотой охватить реальный круг деяний, всецело подпадающих под признаки сексуальной эксплуатации. Правоприменительной практике известны многочисленные случаи, когда указанные деяния совершаются не против и не помимо воли несовершеннолетнего, а вполне добровольно с его стороны. Таковы, например, факты получения сексуальных услуг несовершеннолетнего, согласившегося удовлетворить чужие потребности за вознаграждение (подарок), или же привлечение несовершеннолетних для использования в зрелищных мероприятиях порнографического характера, что достаточно часто происходит с согласия подростка. Более того, критикуемая точка зрения входит в прямое противоречие с целым рядом положений и норм, содержащихся в тех международно-правовых документах, в которых сказано, что добровольное согласие жертвы не должно рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего ответственность за сексуальную эксплуатацию.

Анализируя определения сексуальной эксплуатации, нельзя не отметить, что некоторые из них, в том числе приведенные в международно-правовых актах, отождествляют термин «сексуальная эксплуатация» с термином «сексуальные злоупотребления». По нашему мнению, такой подход нельзя признать верным, поскольку в Конвенции Совета Европы «О защите детей

от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» [1] данные категории разграничиваются. Согласно ст. 3 названной Конвенции, «сексуальная эксплуатация и сексуальные злоупотребления в отношении детей» включают действия, указанные в ст. 18–23 настоящей Конвенции. Статья 18 содержит перечень деяний, которые следует относить к сексуальным злоупотреблениям: занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который не достиг установленного законом возраста для занятия деятельностью сексуального характера; занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, когда используются принуждение, сила или угрозы; либо имеет место злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка; или имеет место злоупотребление его особо уязвимым положением. Следовательно, к формам сексуальной эксплуатации несовершеннолетних относятся деяния, содержащиеся в ст. 19–23 Конвенции: преступления, касающиеся детской проституции, детской порнографии, участия ребенка в порнографических представлениях, совращение и домогательство с сексуальными целями.

Кроме того, считаем ошибочной точку зрения тех авторов, которые предлагают употреблять понятие «сексуальная эксплуатация», подразумевая, что она носит исключительно коммерческий характер. При этом под коммерческой сексуальной эксплуатацией понимают сексуальное насилие или эксплуатацию взрослым человеком и оплата деньгами или натурой ребенку или третьему лицу/лицам [11]. Полагаем целесообразным употреблять понятие «сексуальная эксплуатация», при этом имея в виду, что она может быть двух видов: коммерческая и некоммерческая, поскольку сексуальная эксплуатация не всегда предполагает получение именно строго финансовой выгоды. Например, совращение детей или домогательство в отношении них с сексуальными целями осуществляются для удовлетворения именно сексуальных потребностей, а не для извлечения прямой прибыли.

Таким образом, основной разграничивающий фактор между понятиями «коммерческая сексуальная эксплуатация» и «сексуальная эксплуатация» заключается в степени обязательности или необязательности получения материальной прямой выгоды. Коммерческая сексуальная эксплуатация всегда предполагает получение материальной прибыли в качестве дохода от эксплуатации потерпевшего. Сексуальная эксплуатация имеет двойственный характер в этом плане и может, в частности, предполагать получение пользы иного характера, необязательно выраженной в денежном эквиваленте.

Применительно к законодательству РФ необходимо отметить, что в 2013 г. Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений», поэтому в российском праве под сексуальной эксплуатацией следует понимать те виды деяний, которые обозначены в ст. 19–23 данной Конвенции. Однако в УК РФ выделяются только следующие формы сексуальной эксплуатации в качестве отдельных составов преступлений: развратные действия (ст. 135 УК РФ); торговля людьми (п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ); вовлечение в занятие проституцией (ч. 3 ст. 240 УК РФ); получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК РФ); организация занятия проституцией (п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 241 УК РФ); незаконные изготовление и оборот

порнографических материалов или предмет либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции (ч. 2 ст. 242 УК РФ); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ).

В связи с этим возникает ряд проблем, которые препятствуют формированию должных и обоснованных уголовно-правовых средств противодействия сексуальной эксплуатации несовершеннолетнего в российском праве. Одной из таких проблем для правоприменителя остается то, что факты сексуальной эксплуатации весьма сложно квалифицировать. Данные общественно опасные деяния, как правило, носят сложный многоэпизодный характер, поэтому могут быть квалифицированы как преступления по ряду статей УК РФ, содержащихся в разных разделах и главах. Например, если установлен факт вовлечения несовершеннолетнего в проституцию или торговлю несовершеннолетними в сексуальных целях, подобные деяния можно квалифицировать как торговлю людьми (ст. 127¹ УК РФ) или вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). Данные статьи находятся в главах 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ.

Подход, когда формы сексуальной эксплуатации криминализируются в рамках различных, часто не связанных друг с другом деяний, характерен и для большинства уголовных законов зарубежных государств. Во многом это можно объяснить различными трактовками возраста сексуального согласия, возраста вступления в брак, а также различиями культурного и религиозного характера.

Проведенное исследование понятия и сущности сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в российском уголовном праве позволяет сформулировать вывод о том, что в настоящее время отсутствует единое нормативное (при этом как международное, так и национальное) и доктринальное определение термина «сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего», что в итоге затрудняет борьбу (в том числе на международно-правовом уровне) с данным явлением, а также неизбежно сказывается на качестве уголовно-правовых средств противодействия сексуальной эксплуатации несовершеннолетнего в российском праве.

На основании вышеизложенного предлагаем следующее определение понятия сексуальной эксплуатации несовершеннолетних:

Сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего (несовершеннолетней) — одна из форм эксплуатации человека, осуществляемая помимо либо против воли несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно с его (ее) согласия в целях удовлетворения физиологических или психологических потребностей субъекта эксплуатации или иного лица, а также получения для него или третьих лиц финансовой или иной выгоды от использования сексуальных свойств несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Представленное понятие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних следует изложить в ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [12]. Указанный закон регулирует отношения, возникающие в связи с реализацией основных гарантий прав и законных интересов ребенка в Российской Федерации и в

статье 1 содержит перечень понятий, использовавшихся в нем, — «торговля детьми», «эксплуатация детей», «жертва торговли детьми и (или) эксплуатации детей». В связи с этим понятие сексуальной эксплуатации несовершеннолетних дополнит названный закон, что позволит унифицировать нормы российского уголовного права с нормами международных правовых актов по анализируемой проблеме. Кроме того, такое решение вопроса позволит прийти к единообразию терминологии при разграничении понятий «сексуальная эксплуатация» и «сексуальные злоупотребления», а также с иными сходными понятиями, что в итоге повысит качество уголовно-правовой оценки деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS N 101) (Заключена в г. Лансароте 25.10.2007) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 7, ст. 632.
2. Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержке жертвам сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств со стороны персонала ООН: принята Генеральной Ассамблеей ООН от 21.12.2007). — URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/issues/sexualexploitationdocs.shtml> (дата обращения: 01.02.2018).
3. Модельный закон о противодействии торговле людьми: принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.2008 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. — 2008. — № 42. — С. 301–353.
4. Смирнов, Ю.П. Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.П. Смирнов. — М., 2010. — 196 с.
5. Ковалева, М.А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Ковалева. — СПб., 2006. — 21 с.
6. Овсянникова, А.А. Сексуальная эксплуатация как форма насилия над несовершеннолетними // Вестник Владимирского юридического института. — 2013. — № 3. — С. 82–86.
7. Ерохина, Л.Д. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе / Л.Д. Ерохина, М.Ю. Буряк. — М., 2003. — 432 с.
8. Буряк, М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Буряк. — Владивосток, 2005. — 246 с.
9. Бабаев, М.Ю. Теоретические и прикладные проблемы предупреждения сексуальной эксплуатации женщин и детей / М.М. Бабаев, В.И. Коваленко. — М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. — 160 с.
10. Finkelhor, D. Child sexual abuse: New theory and research / D. Finkelhor. — N.Y. Free Press, 1983.
11. Стокгольмская декларация : принята на первом Всемирном конгрессе против сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях 27–31 августа 1996 г. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/499039123> (дата обращения: 01.02.2018).
12. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // Российская газета. — 1998. — № 147.

О.В. Грабко,*Судья Двенадцатого арбитражного
апелляционного суда***O.V. Grabko,***Judge of the Twelfth arbitral Tribunal court
of appeal*

Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда

Аннотация: в статье рассмотрены особенности контроля и надзора заказчика за выполнением работ по договору строительного подряда. Авторам дана характеристика особенностей публично-правового надзора и частноправового контроля в рамках реализации договора строительного подряда. Кроме того, рассмотрено соотношение договорного контроля в подрядных правоотношениях, с одной стороны, и требований не вмешиваться в деятельность подрядчика, с другой.

Ключевые слова: публично-правовой надзор, частноправовой контроль, строительный подряд, правоотношения.

Special civil control in the construction contract

Annotation: the paper discusses the features of control and supervision of the customer for the performance of work under the contract of construction. The author gives the characteristics of the public-legal supervision and private-legal control in the framework of the construction contract. In addition, the ratio of contractual control in the contract legal relations on the one hand and the requirements of non-interference in the activities of the contractor on the other.

Keyword: public-legal supervision, private-legal control, construction contract, legal relations.

Контроль и надзор заказчика за выполнением работ по договору строительного подряда. Осуществление заказчиком специального договорного гражданско-правового контроля по договору строительного подряда следует признать неотъемлемым условием надлежащего исполнения обязательств по данному договору, т. к. согласно п. 1 ст. 748 ГК РФ законодатель определяет следующие направления контроля и надзора за выполнением строительных работ: 1) за ходом и качеством выполняемых работ; 2) за соблюдением сроков их выполнения (графика); 3) за качеством предоставляемых подрядчиком материалов; 4) за правильностью использования подрядчиком материалов. Вследствие этого сущность контроля и надзора сводится к тому, что указанные функции заказчика позволяют ему оперативно, до сдачи всего объема строительных работ, проверить, соблюдены ли необходимые технологии производства, а также оценить качество выполнения работ.

В цивилистической литературе обращается особое внимание на наличие контрольно-надзорных функций у заказчика, что рассматривается в качестве безусловного преимущества договора строительного подряда перед, например, договором участия в долевом строительстве [1, с. 151–180].

Анализ судебной-арбитражной практики, а также цивилистической литературы по этому вопросу позволяет заключить, что, несмотря на довольно понятное изложение законодателем правила о контроле и надзоре заказчика за выполнением работ подрядчиком, хозяйствующие субъекты по-разному подходят к решению вопросов о возможности, условиях и правовых последствиях осуществления заказчиком гражданско-правового контроля. Так, остается остро дискуссионным вопрос о влиянии контроля и надзора заказчика на

решение вопроса о претензиях по качеству выполненных работ. Кроме того, вызывает многочисленные дискуссии и сложности практического плана проблема подписания акта о приемке заказчиком строительных работ, что квалифицируется правоприменителем как предпосылка потери права заказчика сослаться в будущем на недостатки, которые могли быть выявлены в ходе осуществления контроля. Исследователи не пришли к единому мнению о том, является ли осуществление контроля и надзора правом заказчика или его обязанностью. Современная цивилистическая наука не разрешает в полной мере названные проблемы.

Прежде всего вызывает серьезные сомнения удачность соединения в ст. 748 ГК РФ одновременно контрольной и надзорной функций заказчика без соответствующего уточнения оснований и последствий применения каждой из них. В данном случае трудно не согласиться с утверждением, что «надзор в большей степени связан с административными функциями органов государственной власти, закрепленными в соответствующих правовых актах, а не с конкретными обязательственными отношениями в области подрядных работ» [2, с. 151]. В этом отношении мы разделяем мнение А.П. Сергеева о том, что «использование в ст. 748 ГК РФ терминов "контроль" и "надзор" является избыточным и не таит в себе никакого смысла, так как в рассматриваемой сфере ими обозначается одно и то же понятие» [3, с. 446].

Поддержки заслуживает точка зрения О.Г. Ершова, которая заключается в том, что «на законодательном уровне не выдержан единый подход к терминологии, поскольку термины "контроль" и "надзор" в равной степени применяют для оценки как публичных, так и частных отношений» [4, с. 35].

Действительно, анализ научно-исследовательской литературы по этому вопросу также позволяет прийти к выводу о смещении понятий «контроль» и «надзор», в результате которого происходит подмена этих понятий и, как следствие, отождествление частноправовых и публично-правовых начал в регулировании договора строительного подряда [5, с. 15–24; 6, с. 17–41; 7, с. 43–68; 8, с. 23–24].

Для обеспечения терминологической чистоты, которая должна характеризовать не только научное исследование, но текст нормативно-правового акта, понятия «контроль» и «надзор» необходимо четко разграничивать по сферам регулирования. Так, термин «надзор» следует применять исключительно к публичным отношениям, характеризуя им полномочия или функции государственных органов, а также методы регулирования градостроительной деятельности, в основе которых лежат властные полномочия уполномоченных органов по обеспечению всеми участниками строительства требований законов и иных нормативных актов, технических регламентов и актов технического нормирования. Что касается термина «контроль», то им следует характеризовать частные правоотношения, имеющие в качестве своего основания гражданско-правовой договор строительного подряда, представляющие собой координацию поведения должника со стороны кредитора в процессе выполнения строительных работ с целью надлежащего исполнения договорного обязательства.

Из сказанного следует, что публично-правовой «надзор» и частноправовой «контроль» могут быть дифференцированы по объектам, субъектам, а также содержанию правоотношений, возникающих в ходе их осуществления. Так, объектом строительного надзора следует признать действия всех субъектов строительства на предмет их соответствия обязательным строительным требованиям и нормативам, а объектом гражданско-правового контроля по договору строительного подряда — исключительно действия контрагента при исполнении им договорного обязательства на предмет его надлежащего исполнения.

В свою очередь субъектами публичного надзора в сфере строительного подряда являются уполномоченные органы государственной власти, а субъектом гражданско-правового контроля — сторона гражданско-правового обязательства, которая характеризуется наличием корреспондирующих другой стороне прав и обязанностей.

Наконец, в содержание надзора входит деятельность, связанная прежде всего с возможностью применения мер публичной ответственности в случае совершения правонарушения в процессе осуществления строительной деятельности. Содержанием же гражданско-правового контроля следует считать возможность применения мер гражданско-правовой ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего обязательства, основанного на договоре строительного подряда.

Таким образом, ст. 748 ГК РФ нуждается в корректировании, поскольку в частных отношениях речь может идти только о гражданско-правовом контроле заказчика за действиями подрядчика в ходе исполнения им обязательств по договору строительного подряда.

Соотношение договорного контроля в подрядных правоотношениях и требование невмешательства в деятельность подрядчика. Условие договора строительного подряда о возможности осуществлять контроль заказчиком выполнения работ подрядчиком предназначено для согласования круга вопросов, которые собственно и подлежат контролю, для решения такой проблемы, как: является ли этот контроль обязательным либо осуществляется по усмотрению заказчика, а также для определения форм и порядка осуществления контроля.

При этом согласно правилу п. 1 ст. 715 ГК РФ заказчик наделен правом проверять ход и качество работы в любое время. Согласимся с утверждением А.Е. Шерстобитова о том, что проверка хода и качества выполняемых подрядчиком работ является одной из форм контроля заказчика за процессом изготовления, переработки (обработки) вещи или выполнения другой работы, т.е. за производственным процессом, поскольку это дает возможность определить перспективы надлежащего исполнения договора подряда в целом [9, с. 241].

Важно отметить, что специальная регламентация такого условия непосредственно в договоре является неотъемлемой гарантией поддержания баланса интересов кредитора и должника по договору строительного подряда, поскольку позволяет избежать возможных в будущем разногласий при осуществлении со стороны подрядчика контрольных функций. При этом

стороны при выборе данной договорной конструкции должны исходить из того, что ограничение или исключение права заказчика на контроль хода и качества работ является недопустимым. Кроме того, контрагентам рекомендуется, пользуясь диспозитивными нормами, самостоятельно определять в договоре конкретный перечень дополнительных вопросов, которые вправе или обязан контролировать заказчик, а также формы и порядок такого контроля. В противном случае между сторонами могут возникнуть разногласия относительно форм и порядка осуществления заказчиком гражданско-правового контроля. Более того, контроль заказчиком дополнительных вопросов, кроме тех, которые перечислены в законе, может быть квалифицирован как вмешательство в самостоятельную деятельность подрядчика (п. 1 ст. 715, п. 3 ст. 703 ГК РФ).

Отмеченная сложность во многом детерминирована тем обстоятельством, что в гражданском законодательстве отсутствует как понятие «вмешательства в деятельность подрядчика», так и его критерии, что, на наш взгляд, следует признать упущением в правовом регулировании гражданско-правового контроля по договору строительного подряда. При этом в условиях отсутствия легальной дефиниции спектр мнений исследователей относительно понятия и содержания рассматриваемой категории, чрезвычайно разнообразен.

Так, А.Е. Шерстобитов утверждает, что понятие «вмешательство в деятельность подрядчика» подразумевает, что «ни сам заказчик, ни третье лицо по его поручению не вправе выполнять всю работу или ее часть вместо подрядчика» [9, с. 242]. Подобный взгляд находит подтверждение и в судебной-арбитражной практике. Например, в Постановлении ФАС Центрального округа от 21 марта 2007 г. по делу № А14-5808/2006/258/12 указано: судами установлено, что заказчик без предварительного уведомления подрядчика, действуя самостоятельно, своими силами и в своем интересе, взял на себя обязанность подрядчика по выполнению определенного объема работ. Подрядчик в свою очередь от выполнения работ в данной части не отказывался. При этом судом принято во внимание уведомление, которым заказчик известил подрядчика о том, что довоз грунта производить не нужно. Своими действиями заказчик в нарушение п. 1 ст. 715 ГК РФ безосновательно вмешался в деятельность подрядчика, в связи с чем требование заказчика о соразмерном уменьшении стоимости работ в указанном случае обоснованно признано судом неправомерным [10].

Ранее к подобному выводу пришел и ФАС Поволжского округа, который в своем Постановлении от 5 июня 2008 г. по делу № А65-28047/07 отметил, что суд правомерно ссылается на п. 7.4 договора, согласно которому возмещение убытков поставлено в зависимость от расторжения договора, однако договор сторонами формально не расторгнут. Действия ответчика по поручению выполнения работ другому подрядчику обоснованно расценены судом как нарушение ст. 715 ГК РФ. Ответчик не представил суду достоверных доказательств того, что вновь привлеченный подрядчик выполнял работы по устранению недостатков в работах, выполненных истцом, следовательно, суд обоснованно отказал во взыскании убытков с истца [11].

На наш взгляд, запрет на вмешательство заказчика в деятельность подрядчика включает в себя в качестве составного элемента недопустимость выполнения заказчиком или третьим лицом, привлеченным заказчиком, всей или части работы вместо подрядчика. При этом рассматриваемый запрет носит более масштабный характер и включает в себя и иные элементы, а именно: недопустимость дачи указаний о последовательности выполнения подрядчиком работ, о способе выполнения работ, о порядке использования материала, о выполнении дополнительных работ, не содержащихся в условиях договора строительного подряда.

Таким образом, для устранения конкуренции таких признаков договора подряда, как осуществление гражданско-правового контроля со стороны заказчика и одновременная недопустимость вмешательства в самостоятельную деятельность подрядчика, необходимо внести дополнения в ст. 715 ГК РФ, указав, например, общие признаки действий, которые являются вмешательством заказчика в деятельность подрядчика.

Как правило, реализация контрольных функций заказчика осуществляется в следующих формах: либо в виде запроса у подрядчика сведений и документации, касающихся вопросов, подлежащих контролю, либо в виде непосредственного осмотра и проверки выполняемой работы, а также материалов и оборудования, предоставленных подрядчику. Благодаря реализации контрольных функций в подобных формах заказчик своевременно получает необходимую информацию, например, о том, что подрядчик не приступил к работе или выполняет ее ненадлежащим образом, в ненадлежащий срок, что дает основания для отказа от исполнения договора и возмещения убытков (п.п. 2, 3 ст. 715 ГК РФ). Таким образом, можно утверждать, что гражданско-правовой контроль в рамках договора строительного подряда может быть классифицирован по стадии проведения на предварительный, текущий и последующий, а по объему проведения — на непосредственный и опосредованный.

Резюмируя вышеизложенное, скажем, что в правоотношениях строительного подряда необходимо различать публично-правовой «надзор» и частно-правовой «контроль» по следующим критериям: по объекту (действия всех субъектов строительства на предмет их соответствия обязательным строительным требованиям и нормативам и исключительно действия подрядчика при исполнении им договорного обязательства на предмет его надлежащего исполнения); субъектам (уполномоченные органы государственной власти и заказчик как сторона гражданско-правового обязательства); правовым последствиям (применение мер публично-правовой ответственности за совершение правонарушения в процессе осуществления строительной деятельности и гражданско-правовых санкций за неисполнение или ненадлежащее договорное обязательства).

Список литературы:

1. Лавров, В.В. Природа прав дольщиков на объект долевого строительства // *Опыты цивилистического исследования: сб. ст.* / Д.В. Гудков, И.И. Зикун,

А.А. Зябликов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Шербаков. — М.: Статут, 2016. — С. 151–180.

2. Куличев, Р.Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд. — М.: Юстицинформ, 2016. — 192 с.

3. Сергеев, А.П. Комментарий к ст. 748 / Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практ. коммент. (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов и др.; под ред. А.П. Сергеева. — М.: Проспект, 2010. — 992 с.

4. Ершов, О.Г. Контроль и надзор заказчика за выполнением строительных работ // Вестник арбитражной практики. — 2012. — № 5. — С. 32–37.

5. Бутаева, Е.М. Организующие субъекты, взаимодействующие в сфере градостроительной деятельности // Правовые вопросы строительства. — 2009. — № 2. — С. 15–24.

6. Кайль, А.Н. Участник долевого строительства и застройщик: кто на что имеет право и за что отвечает? // Жилищное право. — 2009. — № 11. — С. 17–41.

7. Кайль, А.Н. Актуальные вопросы урегулирования споров в долевом строительстве // Жилищное право. — 2009. — № 10. — С. 43–68.

8. Кузнецов, Д.В. Некоторые вопросы участия в долевом строительстве жилья // Государственная власть и местное самоуправление. — 2009. — № 6. — С. 23–24.

9. Шерстобитов, А.Е. Комментарий к статье 715 ГК РФ // Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Н.В. Бандурина, А.В. Демкина, Л.Г. Ефимова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2011. — Т. 2. — 421 с.

10. Постановление ФАС Центрального округа от 21 марта 2007 г. по делу № А14-5808/2006/258/12 / Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2018).

11. Постановление ФАС Поволжского округа от 5 июня 2008 г. по делу № А65-28047/07 / Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2018).

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ РАНХиГС
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ •**

А.В. Аверин,

*доктор юридических наук, профессор
кафедры теории и истории государства
и права Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ*

Ю.А. Гроза,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ*

A.V. Averin,

*Doctor of Law,
Professor of Chair of the theory and
history of state and law of Vladimir branch
of RANEPa at the Russian President
avaverin@mail.ru*

Y.A. Groza

*Candidate of Law,
Associate Professor of chair of the Theory
and History of State and Law of Vladimir
branch of a RANEPa at the Russian
President
groza.y@mail.ru*

К вопросу о независимости судей

***Аннотация:** статья посвящена проблеме независимости судей, занимающей центральное место в теоретико-правовом осмыслении правосудия. Авторы отмечают, что сущность проблемы современного отечественного судопроизводства, требующей научного-практического осмысления, заключается в том, что на современном этапе проводимой судебной реформы реализация правоприменительного принципа «единообразия судебной практики» осуществляется в ущерб другому немаловажному правовому принципу, характеризующему правосудие, а именно принципу индивидуализации. Эта мысль иллюстрируется конкретными примерами судебной практики; на их же основе даются варианты решения проблемы.*

***Ключевые слова:** право, правосудие, судопроизводство, независимость судей, правоприменительные установки, законность, справедливость.*

On the issue of the independence of judges

***Abstract:** the article is devoted to the problem of the independence of judges, which occupies a central place in the theoretical and legal interpretation of justice. The authors note that the essence of the problem of modern domestic legal proceedings requiring scientific and practical understanding is that at the present stage of the ongoing judicial reform the implementation of the law enforcement principle of "uniformity of judicial practice" is carried out to the detriment of another important legal principle characterizing justice, namely, the principle of individualization. This idea is illustrated by concrete examples of judicial practice; on their own basis, solutions are given.*

***Keywords:** law, justice, justice, independence of the judiciary, law enforcement, law and justice.*

Проблема независимости судей занимает центральное место в теоретико-правовом осмыслении правосудия как фундаментальной категории права. Неудивительно, что соблюдению в отечественной правоприменительной деятельности конституционного принципа правосудия — независимости судей, уделяется самое пристальное внимание со стороны общества и государства. Результаты проведенных многочисленных научных исследований различных аспектов важнейшего критерия правосудия — независимости

судей — позволяют четко представить факторы (внешние и внутренние, объективные и субъективные, естественные и искусственно сформированные, очевидные и скрытые, кратковременные и длительные по времени воздействия и иные в зависимости от критериев деления), оказывающие на судебную систему в целом, на какую-либо ее часть или на отдельного судью влияние, которое в той или иной степени может характеризоваться как посягательство на независимость судей при отправлении ими правосудия.

Вместе с тем среди многочисленных факторов, влияющих на независимость судей при отправлении правосудия, есть фактор, которому правоведы не уделяют того внимания, которого он заслуживает. При этом очевидно, что феномен недостаточности внимания, уделяемого правовой наукой данному фактору, вовсе не связан с научной недобросовестностью или социальной пассивностью научного сообщества. Одна из основных причин существования данного феномена видится том, что конституционный принцип независимости судей, закрепленный в ст. 120 Конституции РФ, довольно часто воспринимается аксиомой, повторяемой чуть ли не в качестве теоретико-правовой мантры.

Между тем человеческая история не знает примеров существования такого социального института как суд, который был бы независим от государства. Зависимость суда от государства — имманентное свойство любой политико-правовой системы. Вопрос состоит лишь в том, в какой степени и в каких формах проявляется эта зависимость и как она влияет на общественные отношения, на динамику развития социальных институтов, на взаимодействие государства с обществом, на определение в конечном счете того уровня ценности, которую для данного государства в данное время представляет конкретная личность, ее права и законные интересы. Это положение в полной мере относится и к отечественному судопроизводству: как к истории его возникновения, становления и развития, так и к современным условиям его существования.

Кроме того, с учетом безусловных проявлений системных закономерностей в жизни социума было бы ошибочным предполагать, что баланс интересов личности, общества и государства формируется либо сам по себе, либо по воле государства. Между этими интересами существует постоянная, невидимая, но чаще вполне осязаемая конкуренция. В результате этой борьбы складывается фактическое соотношение уровня реализации интересов, которое постоянно испытывает на себе влияние интересов личности, общества и государства.

В такой ситуации одна из важнейших функций государства — создание условий и поддержание внутренней безопасности — может послужить катализатором действий, приводящих к изменению баланса интересов в ущерб интересам личности при том условии, если право как гарант социальной стабильности и безопасности субъектов права данной правовой системы игнорируется государством пусть даже в целях достижения сиюминутной выгоды для государства или общества. В связи с этим не теряет своей ценности мысль, высказанная Иеремией Бентамом более 250 лет назад:

«... Всякая узурпация, ставящая власть выше закона, как бы ни была полезна по непосредственным последствиям, во всяком случае должна внушать страх за будущее. Добро, какое может сделать произвольно действующая власть, имеет границы и границы тесные; истекающее же из нее зло и страх от зла, каким она может угрожать, не имеют границ: в этом случае опасность витает безразлично над всеми» [1, с. 319–470]. В ином переводе с французского языка эту же мысль цитирует И.А. Покровский: «Всякая стоящая над законом власть угрожает будущему, как бы полезны ни были ее первые деяния. *Порожденное произволом благо не может выйти за узко очерченные рамки, тогда как зло его безгранично, а потому и угроза, которую он несет в себе, также не имеет пределов* (курсив наш. — А.А., Ю.Г.)» [2, с. 108].

Применительно к теме настоящей статьи мысль И. Бентама емко характеризует существующую проблему отечественного судебного правоприменения. Сущность проблемы современного отечественного судопроизводства, требующей научно-практического осмысления, заключается в том, что на современном этапе проводимой судебной реформы реализация правоприменительного принципа «единообразия судебной практики» осуществляется в ущерб другому немаловажному правовому принципу, характеризующему правосудие, а именно принципу индивидуализации.

Очевидный правоприменительный перекокс связан с тем, что формальная независимость судей на практике (при принятии окончательного решения по уголовным делам) проявляется в виде тотальной зависимости судей от политико-правовых и идеологических установок, официально обозначенных Президентом РФ. При этом правоприменительные установки, обозначенные Президентом РФ и ориентирующие органы правопорядка, прокуратуру, суды на последовательную и бескомпромиссную борьбу с преступностью, являются настолько своевременными, насколько верными и социально ценными. Эти установки следует всячески поддерживать, избегая кампанейщины и системных перегибов. Однако современное отечественное судопроизводство не лишено указанных недостатков.

В частности, по «знаковым» делам при назначении наказания подсудимому результат предсказуем и с безысходностью представляет собою реальное лишение свободы независимо от личности преступника и любых данных, которые в обязательном порядке должны признаваться смягчающими наказание обстоятельствами. К «знаковым делам» относятся преступления, борьба с которыми в приоритетном порядке провозглашена на государственном уровне. В настоящее время к таким делам (среди прочих) отнесены преступления коррупционной направленности.

В качестве иллюстрации фактически сложившейся в России практики уголовного судопроизводства по «знаковым делам», когда общая политико-правовая установка на местах приводит к явным «перегибам», проявляющимся в игнорировании судами принципов индивидуализации наказания, предлагается изложение части текста кассационной жалобы по одному уголовному делу, рассмотренному в г. Владимире.

«Ошибки, допущенные судами 1-й и 2-й инстанции, касаются вопросов права, поскольку они непосредственно связаны с нарушением принципов права и основных положений и принципов уголовного судопроизводства.

В частности, судами обеих инстанций нарушен уголовно-правовой принцип справедливости, в нарушение п. 2 и 3 ст. 1 УПК РФ судами *допущено отступление от принципов уголовного судопроизводства*, закрепленных в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, а также не учтены требования ч. 2 ст. 297 УПК РФ.

Приговором Октябрьского районного суда г. Владимира от 17 октября 2017 года М. признана виновной в совершении 37 преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и ей назначено наказание за каждый из 36 эпизодов в виде лишения свободы сроком на 2 года со штрафом в размере 30.000 руб., с лишением права заниматься педагогической деятельностью сроком на 3 года, по тридцать седьмому эпизоду — в виде лишения свободы сроком на 3 года со штрафом в размере 120.000 руб., с лишением права заниматься педагогической деятельностью сроком на 3 года, а по совокупности преступлений к лишению свободы сроком на 4 (четыре) года со штрафом в размере 300.000 (триста тысяч рублей), с лишением права на педагогическую деятельность сроком на 6 лет.

В соответствии с п. 4 ст. 389.15 УПК РФ, на основании ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ приговор в отношении М. подлежал изменению в части назначенного наказания, которое является необоснованно суровым, а потому несправедливым.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор, снизив дополнительное наказание до 3 лет.

Анализ судебных аргументов в пользу несправедливого по своей суровости приговора не выдерживает ни логической, ни правовой критики.

Критика с точки зрения логики

Суд при назначении наказания М. учел тот факт, что обстоятельств, отягчающих наказание подсудимой, нет, однако есть значительный перечень смягчающих, а также требующих учета в интересах М. иных обстоятельств, а именно (*стиль приговора сохранен*):

- активное способствование расследованию всех преступлений;
- изобличение и уголовное преследование соучастников преступной деятельности;
- признание вины в совершении преступных деяний;
- раскаяние в содеянном;
- пенсионный возраст;
- наличие заболеваний;
- инвалидность 3 группы.

Суд также учел, что М.

- ранее не судима;
- к административной ответственности не привлекалась;
- под наблюдением психиатра и нарколога не состоит;
- по месту жительства и месту осуществления трудовой деятельности во Владимирском государственном университете характеризуется положительно.

Рассуждая логически, если по делу нет обстоятельств, отягчающих наказание подсудимой, но есть целый комплекс самостоятельных обстоятельств,

смягчающих наказание подсудимой, которые в совокупности сами по себе вполне могут обосновывать возможность применения, в том числе и требований ст. 64 УК РФ, то при выборе из санкции статьи, предусматривающей альтернативные наказания, а именно три вида штрафа и лишение свободы, логично предположить, что выбор должен остаться за наказанием, не связанным с лишением свободы.

Логическое обоснование судом принятого решения дано в предпоследнем и последнем абзаце стр. 13 приговора. Суд указал, что при решении вопроса об избрании М. вида наказания за каждое из совершенных преступлений учитываются следующие обстоятельства:

- характер и степень общественной опасности каждого преступления;
- наличие смягчающих наказание обстоятельств;
- личность виновной;
- влияние назначенного наказания на ее исправление.

Очевидно, что из перечисленных обстоятельств второе, третье и четвертое не только не обосновывают необходимость выбора из альтернативных наказаний самого строгого, но, напротив, противоречат такому выбору.

Однако в связи с тем, что характер и степень общественной опасности каждого преступления, совершенного М., имеет альтернативную санкцию, суд попытался обосновать необходимость выбора максимально строгого вида наказания следующими целями:

- восстановлением социальной справедливости;
- исправлением осужденной;
- индивидуальной превенцией.

Таким образом, из текста приговора следует, что единственным обоснованием выбора максимально строгого вида наказания из альтернативных санкций суд указал *«характер и степень общественной опасности каждого преступления»*.

Вместе с тем сущность каждого преступления представляет собой *получение М. взятки в размере 2.000 (двух тысяч) рублей за один экзамен (12.000 рублей за 2 экзамена на 3 человек)*.

Из этого следует, что суд *«характер и степень общественной опасности каждого преступления»*, совершенного М., оценил таким образом, что за каждую тысячу рублей, полученную М. за один экзамен, она при наличии альтернативных санкций *«оказалась достойна»* одного года лишения свободы.

Таким образом, *«характер и степень общественной опасности каждого преступления»* стоимостью в 2 000 рублей на фоне существующих примеров реальной коррупции оказалась столь великой, что социальная справедливость *«вынудила»* суд отправить в места лишения свободы большую и довольно зрелую женщину, нуждающуюся в лечении ряда тяжких, в том числе хронических, заболеваний.

Критика с правовых позиций

Суд рассмотрел настоящее дело в порядке ст. 317.7 УПК РФ в отношении подсудимого, с которым была заключена досудебное соглашение о сотрудничестве.

Согласно ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ по усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

Наличие указанных альтернатив законодатель связывает с необходимостью формирования у лиц, совершивших преступление, активной жизненной и правовой позиции, направленной на оказание содействия правоохранительным органам в вопросах борьбы с преступностью.

М. на начальном этапе следствия заняла активную и продуктивную гражданскую позицию, заключила досудебное соглашение о сотрудничестве, сделала явку с повинной в отношении преступления, которое не было известно органам предварительного следствия, и активно участвовала в изобличении иных лиц, его совершивших.

Суд обязан был учесть среди обстоятельств, смягчающих наказание М., сделанную ею явку с повинной.

Суд второй инстанции, отклоняя требование защиты о необходимости учета явки с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание М., проявил свою недостаточную осведомленность по делу, поскольку сослался на события (пояснения Л. и результаты проведенного оперативного эксперимента), произошедшие раньше сделанной явки с повинной. При этом суд второй инстанции не учел того обстоятельства, что эти события не связаны с информацией о совершенном преступлении, которая была изложена М. в явке с повинной.

Кроме того, с правовой точки зрения, предложенное судом обоснование необходимости избрания в отношении М. по каждому преступлению максимально жесткого вида наказания при наличии альтернативных санкций, является несостоятельным. Среди аргументов, предложенных судом, нет ни одного правового обоснования принятого решения. Суд лишь ограничился отсылкой к степени тяжести каждого из преступлений, совершенных М., при этом не дал пояснений, в чем эта тяжесть проявилась, что конкретно оказало влияние на суд, лишив его возможности избрать альтернативную санкцию, не связанную с лишением свободы.

Статистическая отчетность по «успешному» осуществлению борьбы с коррупцией (чем сегодня сильно грешат силовые структуры) не должна оказывать влияние на правосудие и являться обоснованием неоправданной жестокости правоприменительной практики судов.

В свою очередь, свободный от политико-идеологических шор взгляд на сущность каждого совершенного преступления дает ясную картину того, что за каждый экзамен от одного студента М. получила 2.000 рублей, что и является реально-правовой (а не политизированной) оценкой степени тяжести каждого преступления.

Суд за каждое преступление назначил не только максимально тяжкую санкцию из видов наказания, но и при наличии альтернативы назначил как штраф, так и лишение права заниматься педагогической деятельностью, то

есть назначил максимальное наказание и по видам наказаний, закрепленных в санкции статьи в альтернативном порядке.

Такая жестокость не вызвана ни фактическими обстоятельствами дела (где за «страшной» цифрой — 37 преступлений кроется *вышедший в тираж статистической отчетности правоприменительных органов* единственный факт преступного сговора подсудимой с организатором, а заодно и провокатором дачи этой групповой взятки), ни данными о личности М., ни данными о ее состоянии здоровья, ни данными о ее возрасте, ни данными о реальном влиянии на осужденную такого вида наказания, ни данными об индивидуальной превентивной ценности такого вида наказания, ни какими иными данными, установленными по делу.

Неоправданная жестокость судебной практики на низовом уровне в отношении врачей и учителей создает лишь иллюзию борьбы с коррупцией в стране и ничего общего с правом (а следовательно, с правосудием) не имеет.

Конституционные принципы справедливости и равенства всех перед законом и судом (в случае их реализации) на фоне назначенного судом наказания в виде лишения свободы сроком на 1 год за 1.000 рублей взятки предполагают необходимость назначения многим должностным лицам «высокого ранга» наказания, значительно превышающего возраст современной цивилизации.

Реальный, а не формальный учет всех обстоятельств по делу, заслуживающих внимания, а также учет того факта, что уголовное дело рассмотрено судом в отношении подсудимой, с которой было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и которая выполнила все взятые на себя в связи с этим соглашением обязательства, сделала явку с повинной, сообщив о преступлении, о котором правоохранительным органам не было известно, при отсутствии отягчающих наказание подсудимой обстоятельств, исключает назначение М. столь неоправданно сурового наказания».

Предполагаемая позиция суда кассационной инстанции по данному делу (с учетом изложенных ранее обоснований) откровенно очевидна. В данном случае очевидно и то, что такое судопроизводство лишь отдаленно напоминает правосудие в истинном его смысле, однако представляется в качестве дежавю исторической ретроспективы отечественного судопроизводства.

Список литературы:

1. Бентам, И. Основные начала гражданского кодекса. [Principles of the Civil Code] // Collected Works. 1843. — Т. I. — Рр. 301–364 // И. Бентам Избранные сочинения. СПб., 1867. — Т. I.
2. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. — 4-е изд., испр. / И.А. Покровский. — М.: Статут, 2003. — 353 с.

В.А. Чиркин,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Владимирского
филиала РАНХиГС

М.А. Некрасова,
студент факультета права
Владимирского филиала РАНХиГС

V.A. Chirikin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Department of theory and history
of state and law of Vladimir Branch of the
RANEPA
Chirikin_V@vlad.ranepa.ru

M.A. Nekrasova,
Student of the Faculty of Law Of Vladimir
Branch of the RANEPA
marianekrasova1998@yandex.ru

Возрастание роли духовно-нравственных ценностей для современной российской государственности

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена важностью духовно-нравственных ценностей для развития и укрепления общества. Цель статьи — показать природу и значимость сохранения духовно-нравственных ценностей для современной российской государственности. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектического, анализа, синтеза, функционального, системного) и частнонаучных (формально-юридического, сравнительно-правового) методов. Авторы приходят к выводу, что духовно-нравственные ценности — фундамент, без которого не сможет существовать даже самое развитое общество и государство. Необходимо предпринять целый ряд мер в сфере формирования, сохранения, защиты и воспроизводства духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения. Духовно-нравственные ценности должны стать частью государственной политики в области воспитания и образования, процесса самосовершенствования личности и социального взаимодействия граждан.*

***Ключевые слова:** духовно-нравственные ценности, государственность, государство, общество, культура, мораль, воспитание.*

The increasing role of moral values for modern Russian statehood

***Abstract:** topicality of the article bases on the importance importance of the role of spiritual and moral values for the development and strengthening of society. The purpose of the article is to show the nature and importance of preservation of spiritual and moral values for the modern Russian statehood. The implementation of the research objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis, functional, system) and special scientific methods (formal-legal and comparative-legal methods). The authors come to the conclusion that spiritual and moral values are the foundation without which even the most developed society and state cannot exist. It is necessary to take a number of measures in the sphere of formation, preservation, protection and reproduction of spiritual and moral values in the younger generation. Spiritual and moral values should become part of the state policy in the field of education, the process of self-improvement of the individual and social interaction of citizens.*

***Keywords:** spiritual and moral values, statehood, state, society, culture, morality, education.*

Глубокие преобразования, произошедшие в конце XX — начале XXI в., являются новой вехой в истории человечества, переходом на новый уровень развития с использованием новых научных разработок и информационных технологий. Указанные процессы существенно опережают духовно-нравственную составляющую общества, поэтому проблемы совершенствования внутреннего мира человека, его духовно-нравственных ценностей и морали становятся в обществе главными.

Духовно-нравственные ценности — это прежде всего жизнеутверждающие ценности, которые лежат в основе главных целей человеческой жизни: человеколюбие, взаимопомощь, милосердие, справедливость, честь, совесть, воля, вера в добро, служение Отечеству, единство народов, преемственность истории страны. Такие материальные ценности, как благополучие, комфорт, достаток, выступают лишь средством для достижения высших ценностей.

Для современной российской государственности сущность духовно-нравственных ценностей состоит в том, что именно на них строится наша страна, ее общественный и государственный строй. Духовно-нравственные ценности — фундамент, без которого не может существовать даже самое развитое общество и государство.

Проблематика, связанная с сохранением и приумножением духовно-нравственных ценностей российского народа, становится все более актуальной, приобретает особую остроту.

Сегодня различные слои общества все чаще сталкиваются с тем, что базовыми ценностями становятся потребление, бездушие, безверие, нажива, развлечения, индивидуализм, прочие вещи, разрушающие не только людские души, но и страну. Российское общество забывает и отвергает прошлое, его не устраивает настоящее, при этом даже в общих чертах сложно спрогнозировать будущее. Событие, произошедшее 15 января 2018 г. в одной из пермских школ, наглядно это продемонстрировало.

Двое подростков, вооруженных ножами, напали на школьников и учительницу, в результате пострадали более 15 человек. С одной стороны, событие, обернувшееся трагедией и бедой для многих, показало безнравственность, бездушие, кланнокровие, деградацию и духовную нищету подрастающего поколения, с другой — продемонстрировало, как общество может сплотиться в трудную минуту, проявить милосердие, сострадание, заботу и душевную теплоту.

Своеобразие российского духовного и нравственного кризиса, с точки зрения отечественного научного сообщества, состоит в том, что у российского народа утрачено понятие общей цели и блага. Ценности, где возможно, подменяются «ценой», которой можно измерять вещи, но не духовную составляющую, нравственные мотивы и поступки, которые по природе своей бесценны. На сегодняшний день утвердились и социально значимые представления об органическом единстве свободы с ответственностью, прав человека с обязанностями. Полагаем, многие не знают, что человеческая нравственность начала формироваться не с разрешений, а с ограничений и запретов. Несомненно, сложившуюся ситуацию надо качественно менять.

Возрастающая значимость духовно-нравственных ценностей отмечается не только различными слоями населения, но и на государственном уровне. Так, в указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подчеркивается, что угрозой национальной безопасности России в области культуры, наряду с попытками ослабления единства многонационального российского народа, является размывание традиционных российских духовно-нравственных

ценностей [1]. Для ее преодоления необходимо признавать первостепенную роль культуры, создавать систему духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, улучшать материально-техническую базу организации культуры.

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р, говорится, что приоритетной задачей в сфере воспитания является развитие высоконравственной личности. Российское воспитание должно опираться «на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [2].

В данный перечень следует добавить такие категории, как российский народ, народная вера, глубинные традиции и обычаи, язык и патриотизм.

В отрыве от веры, прежде всего христианской, перечисленные выше ценности превращаются в абстрактные, а порой и пустые понятия. Русское семейное, общественное и государственное устройство сложилось под сильным влиянием православной культуры, которая формирует базисные духовно-нравственные ценности: любовь к ближнему, красоту, смирение, жертвенность, трудолюбие, соборность и др.

Язык — носитель генотипа отечественной культуры. Сознание и язык неразрывно связаны друг с другом. Благодаря языку сознание становится реальным, существующим для себя и других людей. Сегодня русский язык засоряется иностранной терминологией и тематикой, происходит разрушение его языковой ткани и смысла, перестают действовать нормы. Русский язык переполнен сленгом и жаргоном. Сохраняя родной язык, нация сохраняет себя и свою культуру.

Патриотизм — один из самых главных нравственных и политических принципов, выражающийся в любви к своей стране, в готовности пожертвовать ради нее своими интересами. Данная Стратегия направлена на нравственное воспитание молодого поколения. У детей необходимо формировать чувство патриотизма, воспитывать верных сынов своего Отечества, готовых служить Родине и быть ответственными за ее будущее.

Обратим внимание, что Стратегия определяет временные рамки формирования духовно-нравственных ценностей — десять лет. Полагаем, что Стратегию нравственного воспитания нельзя принимать на определенный срок, поскольку стратегия — категория постоянная, мало меняющаяся и через десять лет не должна поменяться содержательно. Обозначенные цели и задачи не должны быть сиюминутными. Сфера нравственного воспитания личности должна ориентироваться на традиционные ценности, которые были актуальны и сотни лет назад.

Примерно с середины 90-х гг. XX в. в российских учебных заведениях всех уровней значительно меньше стали уделять внимания процессу воспитания, сосредоточившись в основном на процессе образования.

В результате без системного духовно-нравственного воспитания молодого поколения в российском обществе практически исчезли такие базовые понятия, как «государственность», «преданность своему профессиональному и гражданскому долгу», «ответственность», «совесть», «нравственность». Без их восстановления и формирования здоровое возрождение общества невозможно. Думается, что педагогику, как и все общество, решили перевести на либерально-рыночные отношения, возобладала идея о том, что главное — научить молодого человека, а «рынок все отрегулирует». В итоге подавляющее большинство государственных учреждений перестали заниматься целенаправленной воспитательной работой. Молодежь оказалась в моральной пустоте. Ей порой трудно разграничить истинное добро от зла.

Русский философ И.А. Ильин отмечал, что «воспитание духовности человека является важнейшей педагогической задачей, решение которой он видит в приобщении человека к духовно-нравственным ценностям посредством включения его в самоорганизации своей духовной жизни в процессе творческого созидательного поиска смысла своего бытия» [3, с. 344]. По его мнению, «судьба будущей России лежит в руках русского учителя, который должен знать и понимать, что дело не только в развитии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении духовности в детях» [4, с. 235].

В последнее время ситуация постепенно начинает выравниваться. Многие учебные заведения, как школы, так и вузы, целенаправленно и системно уделяют внимание духовно-нравственному воспитанию. К их числу относится и Владимирский филиал РАНХиГС.

Формирование, приумножение, всестороннее обсуждение базовых духовно-нравственных ценностей без юридического сопровождения в основном останется элементом дискуссий, но не результатом государственного строительства. Следует по-новому взглянуть на Основной закон нашей страны — Конституцию Российской Федерации, провозглашающую либерально-демократические постулаты (например, отсутствие государственной идеологии) в определенной степени в ущерб традиционным духовно-нравственным ценностям. Время и ситуация диктуют необходимость конституционного закрепления традиционных базовых ценностей, которые формируются в российском обществе (ценность традиционной семьи, приоритет интересов общества и государства и др.).

На протяжении последней четверти века Российское государство в попытке разрешить проблемы в различных сферах деятельности подготавливает и проводит законодательные, экономические, социальные, управленческие реформы, часто не обращая внимания на духовную составляющую государства, как следствие, многие начинания не достигают желаемого результата.

Крайне важным и необходимым в современных условиях видится духовное возрождение российского общества, которое станет основой для экономической или политической стабильности и безопасности в государстве.

На XXVI Международных Рождественских образовательных чтениях «Нравственные ценности и будущее человечества», состоявшихся 24 янва-

ря 2018 г., президент РФ В.В. Путин отметил, что «незыблемые духовно-нравственные идеалы, традиции патриотизма и гражданственности на протяжении веков скрепляли наш народ, задавали жизненные ориентиры, помогали стране двигаться вперед, по пути прогресса» [5]. Необходимо развивать духовно-нравственные ценности в российском обществе, чтобы наша страна оставалась такой цивилизацией, в которой традиционно на первом месте стоят идеалы сострадания, милосердия, добра, нравственной чистоты и красоты.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 1, ч. 2, ст. 212.
2. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2015. — № 23, ст. 3357.
3. Ильин, И.А. О воспитании в грядущей России: собр. соч.: в 10 т. / И.А. Ильин. — М.: Русская книга, 1993. — Т. 2. — Кн. 2. — 620 с.
4. Ильин, И.А. Собр. соч.: в 10 т. / И.А. Ильин. — М.: Русская книга, 1996. — Т. 1. — 560 с.
5. Президент Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55947> (дата обращения: 15.02.2018).

А.П. Стариков,

*главный инспектор инспекции УМВД
России по Владимирской области*

A.P. Starikov,

*The Chief Inspector of Inspectorate of
Ministry of internal Affairs of Russia in the
Vladimir region
whitegyrfalcon19@yandex.ru*

А.Е. Михайлов,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального
управления Владимирского филиала
РАНХиГС*

A.E. Mikhailov,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of legal
support of state and municipal administration
of Vladimir branch of RANEP
urgantfk@mail.ru*

**К вопросу о содержании термина
«негативные изменения психической
деятельности»: правовой аспект**

Аннотация: проблема борьбы с преступностью требует применения не только методов, направленных на раскрытие и расследование уголовно-наказуемых деяний, но и методов, позволяющих обеспечить права и законные интересы лиц, совершивших преступления. Особую данную проблематика становится актуальной в рамках борьбы с преступлениями лиц, страдающих психическими расстройствами или совершивших преступление под воздействием измененных психических состояний. Для определения сущности и пределов применения приемов и средств, позволяющих обеспечить законные права и интересы указанных лиц, следует сформировать четкий понятийно-категориальный аппарат. Критически оценивая применяемый в уголовном праве термин «уголовно-резервное состояние», автор обосновывает преимущества термина «негативные изменения психической деятельности» и определяет его содержание.

Ключевые слова: преступление, негативные изменения психической деятельности, психиатрические расстройства, борьбы с преступностью, уголовное судопроизводство.

On the question of the content of the term “negative changes in mental activity”: the legal aspect

Abstract: the problem of combating crime requires the use of methods to ensure the rights and legitimate interests of persons who have committed crimes. This problem is especially acute in the fight against crimes of persons with mental disorders. To determine the nature and limits of the methods and means to ensure the legitimate rights and interests of these persons, it is necessary to form a clear conceptual and categorical apparatus. This justifies the relevance of the chosen research topic and forms its purpose. The author critically evaluated the term “criminal-relevant state used in criminal law. As a result of the study, he substantiated the advantages of the term “negative changes in mental activity” and determined its content.

Keywords: crime, negative changes in mental activity, psychiatric disorders, fight against crime, criminal proceedings.

Причины преступного поведения всегда связаны с личностью преступника, выбирающего под воздействием негативных внешних и внутренних факторов преступную линию поведения. Специфическую роль при этом играют личностные качества, выраженные в негативных изменениях психической деятельности лиц, совершивших преступления.

В последнее время распространение в уголовном праве приобрел термин «уголовно-релевантные состояния». Являясь чисто юридическим термином, он охватывает весь объем психических состояний, которые влияют на преступное поведение [1, с. 51–56]. Привлечение лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений в уголовно-релевантных состояниях требует реализации специфических задач в рамках борьбы с преступностью: 1) активное обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых; 2) оказание им помощи (медицинского, социального, правового характера); 3) обеспечение безопасности как подозреваемых и обвиняемых, так и иных лиц. Совокупность приемов и средств, с помощью которых достигаются данные задачи, образует, по нашему мнению, комплексный метод борьбы с преступлениями лиц с негативными изменениями психической деятельности [2, с. 103–108].

Термин «уголовно-релевантные состояния», на наш взгляд, не лишен недостатков. Фактически, исходя из его буквального толкования (от англ. relevant — относящийся к делу), с его помощью можно охватить абсолютно любое психическое состояние, в том числе и вполне стабильное, не характеризующееся какими-либо ярко выраженными изменениями психики, требующими привилегированного или квалифицированного отношения при юридической оценке содеянного. Например, убийство в состоянии ревности формально можно оценить как совершенное в уголовно-релевантном состоянии, поскольку именно ревность стала побудительным мотивом преступления. Однако это не влияет на квалификацию содеянного. Полагаем, что более приемлем термин «негативные изменения психической деятельности».

Понятие «психическая деятельность» в отличие от термина «уголовно-релевантные состояния» является традиционным для психиатрии и психологии, где под психической деятельностью понимается деятельность, обеспечивающая нормальные и сложные отношения организма с внешней средой [3, с. 11]. Именно в рамках психической деятельности протекают процессы восприятия, происходит осознание окружающей действительности, выстраивается и осуществляется взаимодействие с окружающим миром.

Изменения психической деятельности представляют собой отклонения от нормальных отношений организма с внешней средой. Данные изменения имеют различную природу, но в любом случае оказывают отрицательное воздействие на психическую деятельность человека и способность адекватно реагировать на происходящее [4]. К ним относятся, например, страх, ненависть и пр. В указанном аспекте термин «изменения психической деятельности» фактически совпадает по содержанию с термином «уголовно-релевантные состояния», но при этом имеет научную основу, строящуюся именно на тех областях знаний, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой категории, объясняют ее сущность и содержание.

Изменения психической деятельности включают две большие группы психических состояний: психические расстройства (психопатологические изменения) и измененные психические состояния. Психическому состоянию, представляющему собой целостную характеристику психической деятельности, отражающей своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности [5, с. 443], присущи несколько групп изменений, не связанных с психическими расстройствами:

– спонтанно возникающие изменения, которые в свою очередь подразделяются на возникшие в обычных условиях (например, переутомление), возникшие в необычных, но естественных условиях (например, при нормальных родах), а также в необычных (экстремальных) условиях (к ним, на наш взгляд, следует отнести состояние аффекта);

– искусственно вызываемые изменения, возникающие под воздействием психоактивных средств (алкоголь, наркотические средства и психотропные вещества);

– психически обусловленные изменения, связанные с процессами психической регуляции или саморегуляции в психиатрии и религиозных практиках (например, при медитации) [6, с. 96].

Как видим, измененные психические состояния различны по своей природе и характеристикам, однако в контексте исследования интерес представляют только те из них, которые формируют признаки привилегированных или квалифицированных составов преступлений, соответственно, требуют применения комплексного метода борьбы. Данные изменения психической деятельности, а также психопатологические изменения следует расценивать как негативные по социальным последствиям, поскольку они активно участвуют в формировании преступного поведения. Измененные психические состояния (не патологические), проявляющиеся

при совершении преступлений, отягощают или уменьшают общественную опасность деяний, что находит отражение в уголовном законе.

В этом состоит еще одно преимущество рассматриваемого термина в сравнении с термином «уголовно-релевантные состояния». Оценка изменений психической деятельности (подразумеваемых в квалифицированных и привилегированных составах преступлений) как имеющих негативную социальную окраску позволяет отграничить их от других изменений психической деятельности, пусть даже отрицательно влияющих на психическую деятельность, но не влияющих на квалификацию и, как мы уже отмечали, фактически совпадающих по своему содержанию с уголовно-релевантными состояниями в буквальном толковании данного термина.

Согласимся с позицией исследователей, включающих в перечень психических состояний, имеющих уголовно-правовое значение: аффект (ст. 107, 113 УК РФ), состояние матери при убийстве новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) и опьянение (ст. 23 УК РФ, п. 1.1 ст. 63 УК РФ, ч. 4 ст. 264 УК РФ) [7, с. 115–123]. Каждое из перечисленных состояний так или иначе влияет на сознание и волю человека, в связи с чем их следует рассматривать в единой системе, несмотря на то, что они относятся к разным группам изменений состояний психики, рассмотренных выше.

Подводя итог, отметим, что негативные изменения психической деятельности — это собирательное понятие, включающее две группы психических состояний: психические расстройства (психопатологические изменения) и негативные изменения психического состояния непатологического характера. Негативный характер изменений психической деятельности связан с их отрицательным влиянием на общественные отношения, требующим уголовно-правового регулирования и применения комплексного метода борьбы с преступлениями, совершенными в таком психическом состоянии.

Список литературы:

1. Козловский, Е.Г. Концептуализация понятия «уголовно-релевантные психические состояния» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2008. — № 26. — С. 55–56.
2. Стариков, А.П. Теоретическое обоснование комплексного метода выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений лиц с негативными изменениями в психической деятельности // Вестник ВЮИ ФСИН России. — 2017. — № 4. — С. 103–108.
3. Корниенко, А.Ф. Проблемы определения понятия «психика» // Российский психологический журнал. — 2008. — № 1. — Т. 5. — С. 9–22.
4. Никулинская, Н.Ф. Комментарий к Закону РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (постатейный) / Н.Ф. Никулинская, Е.Е. Новикова, О.В. Корнеева и др. // СПС «КонсультантПлюс». 2013.
5. Маклаков, А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. — СПб.: Питер, 2012. — 592 с.

6. Психология: учебник для гуманитарных вузов. — 2-е изд. / под общ. ред. В.Н. Дружинина. — СПб.: Питер, 2009. — 656 с.

7. Мухачева, И.М. Понятие и виды психофизиологического состояния лица, совершившего преступление // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7. — С. 115–123.

В.В. Шаханов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Владимирского
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

V.V. Shakhanov
Candidate of Law,
Assistant Professor of Theory and History
of State and Law Department of Vladimir
Branch of RANEPA
Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Метафеномены в юридической доктрине: постановка проблемы

***Аннотация:** в статье анализируются сложившиеся в юридической доктрине варианты использования терминов с приставкой «мета-». Актуальность статьи обусловлена неопределенностью предметного поля использования метафеноменов. В качестве основной причины отсутствия четких ориентиров применения металеКСИКИ рассматривается игнорирование постулатов философии науки. Некоторые правоведы упускают из виду факт проработанности метатеоретического уровня научного познания в философии науки, наличие получивших признание концепций, включающих установленную терминологию. Предлагается использовать металеКСИКУ аккуратно, не допуская подмены понятий. По мнению автора, не следует рассматривать методологию в качестве метафеномена, поскольку явления метатеоретического уровня должны быть более содержательными. Приводится ряд рекомендаций по использованию металеКСИКИ в юридической науке.*

***Ключевые слова:** метафеномен, метатеория, металеКСИКА, метаправо, парадигма, философия науки.*

Metaphenomenons in legal doctrine: statement of the problem

***Abstract:** the article analyzes the variants of the use of terms with the prefix "meta- developed in the legal doctrine. The relevance of the article is due to the uncertainty of the subject field of metaphenomenon use. As the main reason for the lack of clear guidelines for the use of metalexics, ignoring the postulates of the philosophy of science is considered. Some jurists lose sight of the fact that the metatheoretical level of scientific knowledge in the philosophy of science has been elaborated, the existence of recognized concepts that include established terminology (the paradigm, the research program, the scientific picture of the world, the style of scientific thinking, the theory of inter- theories, etc.). Use metalexiku carefully, not allowing the substitution of concepts. The methodology is proposed not to be considered as a metaphenomenon, the phenomena of a metatheoretical level should be more meaningful. As recommendations for the use of metalexics in legal science, it is proposed: not to violate consensus regarding the application of concepts and categories of the philosophy of science; take into account the dialogic, interpretative and relativistic nature of humanitarian knowledge; to draw attention to the use in the legal sphere of the basic concepts of the paradigmatic philosophy of Thomas Kuhn.*

***Keywords:** metaphenomenon, metatheory, metalexics, meta-law, paradigm, philosophy of science.*

Право рассматривают как явление идеального порядка. Идеальный характер права заставляет исследователей прибегать к построению теоретических моделей. Посредством такого вида интеллектуальной деятельности достигается «идеальность второго уровня» [1, с. 466].

Идеальная природа права затрудняет его понимание как совокупности явлений разной степени идеальности. Теоретический уровень права не является его единственной идеальной ступенью. Выделяют правовые явления с приставкой «мета-», которые либо выходят за рамки теории (носят надстроечный характер), либо рассматриваются как базисные. Например, А.Ф. Черданцев говорит о металыке в праве (языке второй ступени), выделяя три уровня языка в юридической сфере: «первый уровень — язык права, второй — язык юридической практики, третий — язык юридической науки. В одних случаях язык науки выступает как метаязык, в других — как язык третьего уровня» [2, с. 18].

Г.Дж. Берман, соотнося понятия «право» и «метаправо», в первом случае имеет в виду право, как оно практикуется, во втором — право, как оно задумано [3, с. 125].

Д.А. Керимов употребляет термин «метанаучные знания», под которым понимает различного рода методологии: общенаучную методологию, методологию права, отраслевые методологии [4, с. 100].

О понятиях, отражающих «представление о звеньях и связях в логической структуре теории права, образующихся при группировке правовых категорий», как о понятиях метатеории права говорит А.М. Васильев [5, с. 133].

Встречаются и иные интерпретации метатеоретических феноменов в праве, в частности, метаотрасли [6], метатеоретического подхода [7]. В качестве метатеории рассматривают общую теорию систем [8, с. 90], в метатеоретическом аспекте анализируют общую теорию права [9, с. 148]. Правила публикации «Журнала российского права», одного из авторитетных периодических изданий в сфере юриспруденции, указывают на необходимость предоставления метаданных.

Очевидно, что в юридической науке метафеномены перестают быть чем-то необычным, но вместе с тем нельзя утверждать, что их предметное поле четко определено.

Свою интерпретацию основ концептуального видения проблем одного из метафеноменов — правовой метатеории — предложил В.Н. Протасов. По его мнению, посредством метатеории выявляется научный статус теории (место в системе наук), ее цели и задачи, функции, особенности методологии, строение (состав, структура, категориальный аппарат) и др. Предмет правовой метатеории составляют: цели и задачи содержательной теории; ее функции; предмет содержательной теории, границы ее применимости; строение (состав и структура) содержательной теории; особенности ее методологии; внешние связи (место в системе наук); закономерности становления и развития [10, с. 95].

Считаем, что, предлагая авторскую концепцию, В.Н. Протасов пытается конкурировать с достаточно разработанным в философии науки метатеоретическим уровнем научного познания, имеющим устоявшуюся терминологию (парадигма, исследовательская программа, научная картина мира, стиль научного мышления, интертеория и др.), которую он в своих размышлениях избегает. Такой подход приводит к описываемому им же результату работы на «холостом ходу», когда в качестве критериев исчерпания теорией своих внутренних возможностей

рассматривается феномен формирования в ее рамках «концепций, основанных практически на одном и том же объеме доказательственного материала, внутренне стройных и логичных, но с принципиально несхожими, а подчас диаметрально противоположными теоретическими выводами» [11, с. 85].

Убедительных примеров применения метатеоретического подхода в юриспруденции В.Н. Протасов, к сожалению, не приводит. В качестве метатеории он рассматривает раздел учебной дисциплины, освещающий вопросы ее предмета, методологии, соотношения с другими дисциплинами. Такой подход «разрывает» теорию на части. То, что останется от теории после отделения метатеоретических аспектов, интерпретируемых в качестве таковых В.Н. Протасовым, уже не будет являться теорией.

Напомним, что термин «метатеория» был введен Д. Гильбертом «для обозначения математической теории, которая предназначена для исследования другой математической теории в плане ее общих логических характеристик, таких как полнота, независимость и непротиворечивость аксиом, разрешимость и т.п.» [12, с. 318]. Наиболее разработан метатеоретический уровень научного познания в философии науки, где он позиционируется как наивысший уровень научного познания, представляющий собой совокупность принципов, норм, идеалов, составляющих основание научных теорий и науки в целом, которые обеспечивают единство и определенность научной деятельности, влияют на характер возникающего теоретического знания.

В словаре С.И. Ожегова приставка «мета-» рассматривается как первая часть сложных слов со значением: 1) следование, переход, перемена, превращение, например: метафаза, метагенез, метатеза; 2) в логике и лингвистике: относящийся к системам, которые служат, в свою очередь, для исследования и описания других систем, например: метатеория, метакод, метаязык [13, с. 291].

Таким образом, метафеномены можно рассматривать как инструмент познания, объяснения, структурирования научного знания, с помощью которого изучаются явления более низкого уровня. Это своеобразная система координат, относительно которой получают привязку явления теоретического уровня. Вне этой системы координат явления теоретического уровня выглядят лишними, случайными, необходимость их существования сомнительна.

Считаем возможным разграничить метатеоретический уровень научного познания с методологией. Методология — инструмент познания. Явления метатеоретического уровня, безусловно, имеют методологическое значение, как и любое иное явление более высокого уровня абстрактности по отношению к более конкретному знанию. Однако это уже не только инструмент познания по типу «свой—чужой», это своеобразная таблица Менделеева в праве — инструмент упорядочивания правовых явлений. Это инструмент структурирования не по горизонтали, а по вертикали, содержание которого составляют конкретные явления, находящиеся на низших ступенях.

Явления метатеоретического уровня имеют весьма богатое предметное содержание. Безусловно, любые предметы, явления и процессы имеют свою форму и содержание, но в случае явлений метатеоретического уровня — это «работающее» содержание, а методологический инструментарий — «работающая» форма. Приведенные различия весьма условны, т.к. форма

и содержание не существуют отдельно друг от друга. В связи с этим вполне закономерно замечание Э.Г. Юдина о том, что «любая методология оказывается абсолютно бессильной в двух ситуациях: когда проблему пытаются решить за счет одной только методологии, не выполнив работы по построению адекватного проблеме предметного содержания (например, «просто» прилагают системный или какой-то иной подход к некоей реальности), и когда новую методологию чисто внешним образом накладывают на предметное содержание, уже построенное ранее по законам другой методологии» [14, с. 419].

Разграничение метатеории и методологии в юриспруденции более рельефно можно отобразить, вспомнив отдельные моменты истории развития юридической науки. Так, использование постглоссаторами схоластического (философского) метода позволило навести логический порядок в совокупности правовых норм, систематизировать юридические явления, выделить общие понятия [15, с. 258]. Во главу угла была поставлена теория естественных прав, которую можно рассматривать как явление метатеоретического уровня. Схоластический (философский) метод был лишь инструментом пробуждения абстрактного теоретизирования, его работающей формой.

История юридической науки развивалась на противоборстве двух метатеорий — естественно-правовой и позитивистской. Данная борьба продолжается, несмотря на мнение некоторых ученых (М.И. Байтин, В.А. Туманов) о том, что условия, определявшие суть деления права на естественное и позитивное, канули в Лету [16, с. 55]. Во-первых, законодательное закрепление некоторых (или даже большинства) естественных прав не снижает уровень полемики относительно установленного законодателем их правового режима. Во-вторых, перечень естественных прав весьма подвижен, каждое новое поколение осуществляет «ревизию» естественных прав, устанавливая в этой области свои приоритеты и пересматривая их перечень.

Подводя итог, считаем возможным привести ряд рекомендаций по использованию метафеноменов в юридической доктрине.

1. Метафеномены в правовой сфере следует использовать крайне осторожно, не нарушая сложившегося в научном сообществе консенсуса в отношении применения понятий и категорий философии науки. Метафеномены можно рассматривать как инструмент познания, объяснения, структурирования научного знания.

2. Используя метафеномены в юриспруденции, следует помнить о специфике гуманитарного знания, которая состоит в его диалогичности, интерпретационности и относительности. Выбор явления, посредством которого предстоит изучение более простых форм, не всегда очевиден, зависит от субъективных предпочтений исследователя, его интерпретационных навыков. Полагаем, что в метатеоретической плоскости тон задают не термины, а понятия и категории.

3. Современная наука тяготеет к познанию закономерностей развития научного знания, а не к констатации факта его экстенсивного расширения. В связи с этим сфера применения металегетики должна смещаться в сторону правовой динамики, учитывать влияние человеческого фактора (закономерности

влияния научного сообщества). В сегменте правовой сферы доказала свое право на существование парадигмальная философия науки Т. Куна [17].

Список литературы:

1. Мотрошилова, Н.В. Наука и ученые в условиях современного капитализма / Н.В. Мотрошилова // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: хрестоматия. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. — С. 465–469.
2. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
3. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г. Дж. Берман. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 592 с.
4. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. — М.: Изд-во СГУ, 2011. — 521 с.
5. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. — М.: Юридическая литература, 1976. — 264 с.
6. Кравец, И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 11. — С. 3–8.
7. Апольский, Е.А. Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2017. — Т. 9. — № 1. — С. 95–100.
8. Ображев, К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2012. — № 1. — С. 89–96.
9. Гайдарева, И.Н. Социология права в системе юридических наук / И.Н. Гайдарева // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2005. — № 4. — С. 147–149.
10. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы / В.Н. Протасов. — М.: Новый Юрист, 1999. — 240 с.
11. Протасов, В.Н. Некоторые вопросы правовой метатеории // Государство и право. — 2009. — № 11. — С. 85–89.
12. Словарь философских терминов / под науч. ред. В.Г. Кузнецова. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 731 с.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М.: Оникс : Мир и образование, 2009. — 736 с.
14. Юдин, Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Б.Г. Юдин // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: хрестоматия. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. — С. 413–422.
15. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. — СПб.: Летний сад, 1999. — 533 с.
16. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — М.: Право и государство, 2005. — 544 с.
17. Шаханов, В.В. Правовые парадигмы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Шаханов. — Владимир, 2005. — 26 с.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА •

В.Ю. Стромов,

*кандидат юридических наук, доцент,
ректор Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

V. Yu. Stromov,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Rector of Tambov State University named
after G.R. Derzhavin*

**Юридическое образование и правовая наука в
классическом университете Тамбовской области:
прошлое, настоящее, перспективы**

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме становления и развития юридического образования и вузовской правовой науки в современной России. На примере классического университета Тамбовской области — Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина — прослеживается эволюционный путь образовательной специальности и научного знания в области юриспруденции в рамках российского вуза. Характеризуются основные этапы развития юридического образования и правовой науки в Державинском университете. Уделяется внимание персоналиям, с деятельностью которых напрямую связаны возникновение, динамика и современное состояние юридического факультета (сегодня — Института права и национальной безопасности) Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Приводится краткая характеристика процессов и результатов реализации образовательного, научного, социально-воспитательного направлений деятельности учебного подразделения, осуществляющего подготовку юристов. Раскрываются некоторые планы и перспективы развития системы юридического образования и правовой науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Ключевые слова: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, юридическое образование, классический университет, образовательные программы, правовая наука, юридическая клиника, профессорско-преподавательский состав, студенты-юристы.

**Legal education and legal science in the classical
university of Tambov region: the past, the present,
prospects**

Abstract: the article is devoted to the actual problem of formation and development of legal education and university legal science in modern Russia. By the example of the classical university of the Tambov region — Tambov State University named after G.R. Derzhavin — the path is traced by which the evolution of the educational specialty and scientific knowledge in the field of jurisprudence within the Russian higher education institution was carried out. The main stages of the development of legal education and legal science in Derzhavin University are described. Attention is paid to individuals whose activities are directly related to the emergence, dynamics and current state of the Faculty of Law (today — the Institute of Law and National Security) of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. A brief description of the processes and results of the implementation of educational, scientific, social and educational activities of the training unit that prepares lawyers is given. Some plans and prospects for the development of the system of legal education and legal science of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin are disclosed.

Keywords: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, juridical education, classical university, educational programs, legal science, legal clinic, faculty, students-lawyers.

2018 год — юбилейный для Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Ему исполняется 100 лет [1]. Для вуза это знаменательная дата — целый век на Тамбовщине существует и развивается высшее образование. Безусловно, исключительно положительные эмоции вызывает осознание того, какое число специалистов с высшим образованием было подготовлено за прошедшее время и, благодаря университету, получило путевку в профессию. Вместе с тем есть и чувство повышенной ответственности, поскольку очень важно не только сберечь, но и приумножить университетские достижения, как сохранить лучшие образовательные и научные традиции, так и найти что-то новое, воплотить его в сегодняшнем и завтрашнем дне университета. Кроме того, празднуемая дата — это и отдельный повод для проведения своего рода рефлексии того, что сделано, создано, насколько эффективно работает и т.п.

Уже почти четверть века в рамках классического университета Тамбовской области функционирует важное учебное подразделение, которое готовит специалистов с высшим юридическим образованием. Сегодня это Институт права и национальной безопасности, занимающий с момента создания в структуре университета очень значимое место, является одним из наиболее востребованных на рынке образовательных услуг, осуществляя подготовку кадров высшей квалификации для органов государственной и муниципальной власти, правоохранительной системы Российской Федерации, гражданского сектора в лице адвокатов, юрисконсультов и др. Юридическое образование в университете во многом определяет имидж вуза в целом, что позволяет нам в русле юбилейных мероприятий университета особым образом остановиться на представлении юридического образования (а равно — юридической науки, поскольку это вещи взаимосвязанные) высшего учебного заведения Тамбовщины.

Следует отметить, что в университете внимание к юридическому образованию давнее. Еще не имея специального учебного подразделения в виде юридического факультета (а затем и института), университет осуществлял деятельность по формированию профессиональных компетенций в области государственно-правовых дисциплин у студентов иных образовательных направлений подготовки, в частности историков, т.к. на историческом факультете на старших курсах традиционно преподавались дисциплины государственно-правового профиля (как общие — правоведение, так и отраслевые — гражданское право, уголовное право и др.). Думается, не случайно то, что именно преподаватели и выпускники исторического факультета стали тем ядром профессорско-преподавательского состава, которое сформировалось в момент создания юридического факультета и продолжает существовать в течение последующих лет его функционирования в лице высокопрофессиональных преподавателей, обеспечивающих этот процесс посредством своей просветительской и научной деятельности в рамках учебного подразделения.

Официально юридическое образование появилось в университете в 1994 г. с созданием экономико-юридического факультета, что стало для

Тамбовского региона (а также некоторых других регионов Центрального Черноземья) своего рода новацией в высшем образовании, до этого времени практики функционирования подобных учебных подразделений и самих образовательных специальностей (даже при классических университетах, обеспечивающих комплексное гуманитарное образование), в частности, в области юриспруденции, фактически не было (благодаря усилиям руководства вуза в этот год были получены лицензии по целому ряду актуальных специальностей, в том числе по специальности «юриспруденция»). Далее произошло логичное разделение экономического и юридического направлений, с 1995 г. уже функционировали самостоятельные учебные подразделения университета — экономический и юридический факультеты соответственно.

Первым деканом юридического факультета стал доктор юридических наук, профессор Николай Антонович Придворов, известный к тому времени не только в отечественной науке, но и за рубежом ученый-правовед, создавший себе имя в юриспруденции своими научными работами в области проблемы чести и достоинства личности в праве [2]. Именно на его долю пришлось заглавная миссия по формированию платформы высшего юридического образования на Тамбовщине, за годы его руководства юридическим факультетом были приобретены практически все базовые институциональные характеристики структурного подразделения классического университета, осуществляющего подготовку юристов. Это сильный профессорско-преподавательский состав, включающий как опытных педагогов-ученых, так и молодых специалистов, как теоретиков государственно-правовой науки, так и практиков государственно-правовой сферы жизни общества. Это материально-техническая база, составленная из всех необходимых атрибутов, обеспечивающих подготовку квалифицированных специалистов в юридической профессии (в частности, подготовлен фундамент для создания впоследствии криминалистического кабинета, который по специально-техническому оснащению сегодня считается одним из лучших среди кабинетов и лабораторий подобного рода в системе вузов Тамбовского региона, осуществляющих подготовку юристов). Это мощное развитие юридической науки на факультете через студенческую науку и, конечно, главным образом через аспирантуру по ряду юридических специальностей (прежде всего, по специальности 12.00.01, которая сегодня именуется «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве»). Под непосредственным руководством профессора Н.А. Придворова были успешно защищены несколько десятков кандидатских диссертаций и ряд докторских диссертаций в диссертационных советах ведущих вузов Российской Федерации, таких как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Саратовская государственная юридическая академия, Волгоградская академия МВД России, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Нижегородская академия МВД России, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (приведены существующие на сегодняшний день названия вузов — примечание автора) и др. Кроме того, за эти годы были налажены и усилены прочные научно-образовательные

связи с юридическими вузами России и мира, научными учреждениями и центрами в сфере государственно-правовой науки (Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук, Отдел теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» и др.), а также персонально со многими видными учеными-юристами отечественного и мирового уровня (доктора юридических наук, профессора А.В. Малько, Н.И. Матузов, М.Н. Марченко, В.М. Сырых, В.А. Сапун, В.М. Баранов, С.В. Поленина, С.А. Комаров, Н.Н. Вопленко, Л.А. Морозова, М.В. Немытина, А.И. Экимов и др.).

Под руководством профессора Н.А. Придворова в 1996 г. было сформировано и стало активно функционировать ведущее научное направление «Проблемы формирования и развития новой российской государственности и нового российского права». Научный авторитет правоведа, развитие научных контактов с учеными и крупными научными центрами, вузами России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья позволяют научно-исследовательскому процессу иметь необходимую динамику и приходиться к довольно существенным научным результатам. Ведущее научное направление формировалось на основе концептуальных воззрений реформирующейся России, среды нового правосознания и основанной на ней государственно-правовой мысли и продолжает развиваться в духе исходных доктринально-правовых предпосылок. В рамках ведущего научного направления осуществляется научная разработка актуальных проблем теории, истории и практики государства, права и общества, федерального, регионального и муниципального правотворчества, современной правовой политики и правовой жизни, законодательного регулирования и правоприменительной деятельности, а также проводится работа по подготовке аспирантов и соискателей к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве, оказывается содействие в подготовке научных кадров высшей квалификации по другим научным специальностям в области государства и права, а также иных социально-гуманитарных научных направлений. В частности, в рамках ведущего научного направления была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация по специальности 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве В.В. Трофимовым на тему «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект» (СПб., 2011 г.) (научный консультант — профессор Н.А. Придворов). В 2012 г. по итогам диссертационного исследования В.В. Трофимовым совместно с научным консультантом была издана монография, посвященная проблеме правообразования (формирования права) и правообразующих факторов в праве [3], во многом выражающая основную познавательную установку функционирующего ведущего научного направления, при этом сама монография получила довольно широкую известность в юридической науке, в 2014 г. была переиздана новым тиражом,

а основные ее положения имеют признание в современной юриспруденции [4]. С 2017 г. доктор юридических наук, доцент В.В. Трофимов вошел в состав руководителей ведущего научного направления и в настоящее время проводит активную работу по его дальнейшему результативному развитию.

Представители ведущего научного направления при исследовании государственно-правовых проблем успешно и плодотворно контактируют с ведущими юридическими вузами Российской Федерации (Институт государства и права Российской академии наук, Российская академия юридических наук, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Российский государственный университет правосудия, Саратовский филиал Института государства и права РАН, Саратовская государственная юридическая академия, Нижегородская академия МВД России, юридические факультеты и институты государственных университетов таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Саратов, Белгород, Воронеж, Пенза, Кострома, Красноярск, Махачкала, Елец, Ростов-на-Дону, Краснодар, Рязань и др.), а также научно-образовательными центрами ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссия, Украина, Казахстан, Таджикистан, Польша, Литва, Эстония, Германия, Бельгия, Италия, США, Канада и др.). В частности, были установлены научные контакты с учеными-юристами Джорджтаунского университета (г. Вашингтон).

С 2001 г. юридический факультет был переименован в Институт права, что было связано с общим обновлением внутренней структуры университета, появлением в его составе новых образовательных направлений и учебных подразделений (например, впоследствии в университете был создан медицинский институт, в работе которого важное внимание уделяется в том числе процессу преподавания правовых дисциплин, изучению медицинского права, то же характерно для образовательной практики и других учебных подразделений университета), постановкой перед университетом новых задач, выработкой новых форм осуществления образовательной и научной деятельности вуза в духе времени.

В 2004 г. Институт права возглавил ученый-практик генерал-майор милиции, кандидат юридических наук, профессор Владимир Михайлович Пучнин, до этого занимавший важные государственные должности — начальника УВД Тамбовской области, главного федерального инспектора по Тамбовской области Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе. За годы его руководства была обновлена материально-техническая база института (оснащен новым оборудованием криминалистический кабинет, открыт зал судебных заседаний и т.п.), усилен кадровый состав, созданы условия для развития образовательной и научной деятельности. В частности, в этот период времени создается (при самой активной поддержке со стороны руководства университета, в частности, первого проректора, кандидата философских наук, профессора В.Н. Окатова, длительное время являвшегося также председателем Общественной палаты Тамбовской области) и осуществляет свою работу на базе университета диссертационный

совет по юридическим наукам (первым председателем диссертационного совета стала А.С. Туманова — доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, известный своими работами в области истории формирования институтов гражданского общества в дореволюционной России [5]), в котором успешно прошли защиту диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук многие претенденты (соискатели), в том числе представители профессорско-преподавательского состава Института права. Были активизированы налаженные ранее научные связи, среди которых особое место принадлежит научному сотрудничеству с Саратовским филиалом Института государства и права Российской академии наук (директор — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько), что нашло выражение, в частности, в подписании Договора о сотрудничестве между Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и Саратовским филиалом ИГП РАН и создании в 2007 г. совместного Научно-образовательного центра «Правовая политика субъектов Российской Федерации» (руководитель — профессор А.В. Малько), под эгидой которого был реализован целый ряд научных и образовательных проектов (издание научных статей и коллективных монографий, проведение научных мероприятий и пр.).

Начиная с 2011 г. состав руководителей Института права периодически менялся, что связано с переходом университета и его подразделений в новую фазу функционирования, обусловлено меняющимися условиями современной действительности, с которыми менялся и институт, сохраняя при этом исходные традиции в подготовке специалистов юридической профессии. Пост директора института занимали доктор юридических наук, доцент Р.Б. Осокин, кандидат экономических наук, доцент Р.В. Махонин, кандидат юридических наук, доцент О.В. Белянская, доктор исторических наук, профессор В.В. Романов, каждый из них привнес свой положительный вклад в развитие института. В настоящее время Институт права и национальной безопасности (название возникло в 2015 г. в результате объединения Института права и Института национальной безопасности и правопорядка) возглавляет кандидат юридических наук, доцент В.А. Шуняева.

Профессорско-преподавательский состав института отличается высокой квалификацией и обеспечивает установленный стандартами уровень образовательной подготовки. В институте высок удельный вес преподавателей, имеющих ученые степени в области правовой науки, а также значительное количество юристов-практиков, успешно сочетающих практическую, научную, педагогическую и организационно-управленческую деятельность (с момента создания факультета практические работники государственно-правовой сферы всегда оказывали важную конструктивную роль в качестве организаторов деятельности подразделения, преподавателей юридических дисциплин, многие из которых до сих пор продолжают свою преподавательскую деятельность — председатель Тамбовского областного суда, кандидат юридических наук, доцент Е.А. Соседов, судья в почетной отставке (в прошлом председатель Тамбовского областного суда), кандидат юридических наук, профессор В.В. Назаров и др.). Прочная связь с профессиональным юридическим сообществом подкрепляется всесторонней

поддержкой, которую институту на протяжении многих лет оказывает Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Сотрудники института осуществляют широкую программу научно-исследовательских работ в различных областях юридической науки, проводят научное консультирование государственных и муниципальных органов власти по вопросам совершенствования системы регионального и муниципального управления и правотворчества. Для чтения специальных курсов привлекаются практические работники государственных и правоохранительных учреждений. За годы существования в стенах института научную и преподавательскую деятельность осуществляли около 100 специалистов. Некоторые из преподавателей института продолжили свою научно-педагогическую деятельность в других вузах страны, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга, в настоящее время работают в МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Российском университете дружбы народов (г. Москва), Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург) и др., но поддерживают тесные связи сотрудничества с классическим университетом Тамбовской области.

В институте действуют профильные кафедры, обеспечивающие образовательный процесс и реализацию научных задач по соответствующим предметным областям государственно-правовой сферы жизни общества. В настоящее время институт имеет в своей структуре следующие кафедры: теории и истории государства и права (заведующий — кандидат юридических наук, профессор Н.С. Ельцов); конституционного и международного права (заведующий — кандидат юридических наук, доцент А.В. Захаров); гражданского права (заведующий — кандидат юридических наук, доцент Н.А. Иванова); гражданского и арбитражного процесса (заведующий — кандидат юридических наук, доцент А.Д. Золотухин); уголовного права и процесса (заведующий — кандидат юридических наук, доцент Е.А. Попова); специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности (заведующий — кандидат педагогических наук, доцент А.В. Парамонов); безопасности жизнедеятельности (заведующий — кандидат педагогических наук, доцент М.Н. Мистрюкова); ЮНЕСКО по правам человека и демократии (заведующий — доктор исторических наук, профессор П.П. Щербинин).

Большое внимание руководство института уделяет развитию науки, в том числе студенческой. Учеными проводятся научные исследования, которые находят выражение в научных публикациях (научных статьях, монографиях, сборниках научных трудов), создаются научные коллективы для инициации и реализации научных проектов, обеспечиваемых финансовой поддержкой государственных и негосударственных научных фондов. Так, под руководством доктора юридических наук, доцента В.В. Трофимова был реализован целый ряд подобных научных проектов, в том числе: грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук на тему «Правообразование в современном обществе» (2008–2009 гг.); государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации на тему «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (2012–2013 гг.); за период

2015–2017 гг. под руководством ученого научным коллективом был успешно реализован научно-исследовательский проект при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Отделение гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований) на тему «Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории» (в ходе реализации данного проекта опубликовано в общей сложности порядка 50-ти научных работ, включая научные монографии, научные статьи и пр.). Ежегодно на базе университета проводятся международные и всероссийские научные конференции, в том числе, студенческие, круглые столы и другие научные мероприятия. Начиная с 2017 г. уже второй год подряд свою работу осуществляет Международная научная конференция «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако». (На базе Державинского университета в 2016 г. создан и функционирует Малый музей Ф.Н. Плевако). В октябре 2017 г. был проведен Международный научный круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования» на тему «Государственно-правовая политика современной России в сфере наказаний». Проводимые научные мероприятия имеют положительный резонанс в среде научной общественности, материалы работы получают отражение в соответствующих научных изданиях. Так, в 2017 г. на базе университета был учрежден журнал «Актуальные проблемы государства и права» (главный редактор — ректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент В.Ю. Стромов), который сегодня выступает как полноценное научное периодическое издание в области государственно-правовой науки и входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), в планах редакционного совета выводить его на новые уровни научных показателей и рейтингов, стремиться к охвату более широкой научной аудитории.

С целью более эффективной реализации задач по организации и проведению фундаментальных и прикладных научных исследований в области государства и права с 2017 г. на базе института начал функционировать Научно-исследовательский институт государственно-правовых исследований, созданный в качестве самостоятельного научного подразделения Державинского университета. Директором НИИ назначен доктор юридических наук, доцент В.В. Трофимов. В структуру НИИ входят Научно-образовательный центр «Государственно-правовая политика современной России», который создан в рамках нового Договора о сотрудничестве между Саратовским филиалом Института государства и права РАН и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина (заменил в результате преобразования и переименования действовавший ранее НОЦ «Правовая политика субъектов Российской Федерации») (координатор — директор Саратовского филиала ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько; руководитель — доктор юридических наук, доцент В.В. Трофимов), Инновационная лаборатория «Юридическая помощь населению» (заведующий — кандидат исторических наук В.В. Свиридов) и другие структурные подразделения НИИ, обеспечивающие реализацию

различных направлений научно-образовательной деятельности и научно-исследовательских проектов (студенческий научный кружок «Правовед», научно-исследовательские отделы и лаборатории и пр.).

На протяжении всего времени своего существования Институт права и национальной безопасности плодотворно осуществляет научно-образовательные функции, связанные с подготовкой студентов, получающих квалификацию юриста, реализует предусмотренные государственными образовательными стандартами программы подготовки специалистов, бакалавров, магистров в области юриспруденции, правоохранительной деятельности и национальной безопасности: с 2011 г. в институте осуществляется обучение по направлениям подготовки 030900.62 (40.03.01) — «Юриспруденция» (уровень высшего образования — бакалавриат) и 030900.68 (40.04.01) — «Юриспруденция» (уровень высшего образования — магистратура); с 2013 г. по направлению подготовки 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специалитет); с 2014 г. по направлению подготовки 40.02.02 «Правоохранительная деятельность» (среднее профессиональное образование). За последние годы в институте открыты и активно действуют магистерские программы подготовки: Гражданский процесс, арбитражный процесс; Правовое регулирование имущественных отношений; Организация государственной и муниципальной службы в Российской Федерации; Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право. Планируется открытие ряда новых магистерских программ.

В общей сложности диплом о высшем юридическом образовании за период существования в Тамбовском классическом университете юридического образования получили около 10 000 выпускников, которые в подавляющем большинстве работают по профессии в суде, прокуратуре, правоохранительных органах, адвокатуре, органах государственной и муниципальной власти, других сферах государственно-правовой жизни общества, где требуются специалисты с развитыми общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными юридическими компетенциями, высоким уровнем правосознания. Лица с высшим образованием имеют также возможность поступить в аспирантуру по направлению подготовки 40.06.01 «Юриспруденция» для обучения в рамках научных специальностей: 12.00.01 — «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»; 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

В Институте права и национальной безопасности находит свое выражение методика клинического юридического образования, получившая свое становление в XX в. в основном в западных университетах, но воспринятая со временем и в современной российской образовательной деятельности в области юриспруденции [6]. Смысл данного подхода заключается в предоставлении студентам возможностей под непосредственным руководством квалифицированных педагогов и юристов решать (участвовать в решении) в форме консультаций те или иные практические правовые казусы из реальных жизненных ситуаций, формируя наряду с теоретическими знаниями практические навыки юридической деятельности. Следует, однако, заметить, что данный подход не является абсолютно новым для отечественного образования, еще в дореволюционной России он имел своих адептов. Так, выдающийся

российский правовед — профессор Казанского (1888–1906 гг.), Московского (1906–1911 гг.) университетов Г.Ф. Шершеневич, поддерживая внедрение юридических клиник в университетское юридическое образование, в своем труде «Наука гражданского права в России» (1893 г.) писал: «...прежняя рознь между теорией и практикою, под давлением времени, переходит в общение: теория начинает задаваться практическими целями, а потому и практика охотно обращается к ней с требованием советов и указаний» [7, с. 180]. Своего рода площадкой для этого в институте выступает Студенческая правовая консультация «Юридическая клиника», созданная как структурное подразделение университета в 2012 г. (руководитель — ректор университета, кандидат юридических наук, доцент В.Ю. Стромов; координатором работы клиники выступает судья в почетной отставке, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса, кандидат юридических наук, доцент А.Д. Золотухин).

В институте функционируют студенческие объединения (Студенческий совет Института права и национальной безопасности, Тамбовская региональная общественная организация «Содружество молодых юристов», Студенческое подразделение охраны правопорядка «Держава», Волонтерский отряд «Рассвет»), деятельность которых также позволяет студентам совместить учебу и знакомство с юридической практикой, реализовать возможности самоуправления, а преподавателям, курирующим работу данных объединений, проводить воспитательную работу среди студентов, привлекая их к осуществлению общественно полезных функций. Студенты института активно заняты не только в научной, но и культурной жизни университета (участвуют в различных культурно-образовательных мероприятиях, конкурсах, олимпиадах, викторинах университетского, муниципального, регионального, общероссийского и международного форматов), занимаются различными видами спорта (волейбол, баскетбол, хоккей, лыжный спорт, спортивные единоборства) и принимают участие в различных спортивных соревнованиях, в которых неоднократно занимали призовые места и становились победителями.

Стремление к расширению форм учебно-методической, научно-образовательной и воспитательно-практической деятельности института реализуется в создании иных структурных подразделений, действующих на базе учебного подразделения. Так, в 2011 г. было создано Малое инновационное предприятие ООО «Правовой стандарт», предлагающее к реализации проект по оказанию правовой поддержки с использованием инновационных технологий субъектам малого и среднего предпринимательства в регионе, а также населению, нуждающемуся в юридических услугах. Генеральный директор предприятия — бывший выпускник института, ныне практикующий юрист — Г.И. Телегин. Действует учебно-методический центр «Правовые инновации», который также предлагает комплекс образовательных и юридических услуг (руководитель — кандидат педагогических наук, доцент А.Н. Лосев). На базе института функционируют автошкола, курсы дайвинга, курсы обучения безопасному обращению с оружием, курсы подготовки (переподготовки) арбитражных управляющих, осуществляющие профессиональную и учебную подготовку.

Рассуждая о перспективах развития Института права и национальной безопасности, следует отметить, что они довольно оптимистичны.

Во-первых, очевидно, что годы становления и развития юридического образования и государственно-правовой науки в Тамбовском госуниверситете не прошли даром, создана прочная учебно-методическая, научно-исследовательская и материально-техническая база для функционирования учебного подразделения, сформирован квалифицированный профессорско-преподавательский состав, складываются иные организационные предпосылки для эффективного развития.

Во-вторых, есть четкое понимание того, что будущее юридического образования в стране либо за профильными вузами, либо за такими, как Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, гуманитарными (классическими) вузами, где открыты и действуют юридические факультеты (институты) (полагаем, что время преподавания права в непрофильных (технических, инженерных, сельскохозяйственных и пр.) высших учебных заведениях должно проходить, поскольку, несмотря на возможно солидную материально-техническую составляющую, в таких учебных заведениях, по общему правилу, вряд ли могут быть сформированы полноценные традиции в преподавании гуманитарных, тем более юридических, дисциплин). Еще печальнее обстоит дело, когда дипломы о высшем юридическом образовании пытаются выдавать различного рода «филиалы», которые не имеют ни нормальной материальной базы, ни необходимого кадрового состава для обеспечения качественного образовательного процесса, что порождает «поток готовящихся юристов, которые никому не нужны из-за профессиональной непригодности» [8].

В-третьих, имеются довольно определенные и реалистичные планы развития юридического образования и правовой (или несколько шире — государственно-правовой) науки в университете (развитие материальной базы Института права и национальной безопасности; стимулирование образовательной и научной деятельности за счет комплексных мер поддержки; открытие новых специальностей, новых программ подготовки бакалавриата и магистратуры; совершенствование образовательных методик, в частности, методик преподавания юридических дисциплин; активизация работы по проведению фундаментальных и прикладных научных государственно-правовых исследований; развитие иных областей научно-образовательной жизни и пр.).

В целом, как представляется, опыт функционирования учебного подразделения — Института права и национальной безопасности — достаточно солидный, что позволяет ощущать уверенность в завтрашнем дне. Формулируемые планы и задачи в сфере развития юридического образования и государственно-правовой науки в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина могут быть решены достаточно успешно, а результаты данного процесса найдут отражение в новых поколениях профессиональных юристов.

Список литературы:

1. Аврех, А. История Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина / А.Л. Аврех, Н.Н. Будюкина, М.И. Должникова и др. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. — 336 с.

-
2. Придворов, Н.А. Достоинство личности и социалистическое право / Н.А. Придворов. — М.: Юрид. лит., 1977. — 136 с.
 3. Придворов, Н.А. Правособразование и правообразующие факторы в праве / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 400 с.
 4. Шагиева, Р.В. Рецензия на монографию Н.А. Придворова, В.В. Трофимова «Правособразование и правообразующие факторы в праве». — М.: Норма: Инфра-М, 2014. — 400 с. / Р.В. Шагиева, М.А. Матвеева // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2014. — № 3. — С. 139–141.
 5. Туманова, А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века / А.С. Туманова. — М.: Новый хронограф, 2008. — 128 с.
 6. Немытина, М.В. О методологических подходах в современном клиническом юридическом образовании // Право и образование. — 2004. — № 4. — С. 105–110.
 7. Храмова, И.С. Научные идеи Г.Ф. Шершеневича о высшем юридическом образовании: возможность реализации и грани соприкосновения с действующим ФГОС // Гуманитарные исследования. — 2013. — № 4 (48). — С. 178–182.
 8. Кутафин, О.Е. В юридическом образовании нам следует сохранять свои традиции // Российское право в интернете. — 2005. — № 1. — С. 2.

В.В. Трофимов,

*доктор юридических наук, доцент,
директор Научно-исследовательского
института государственно-
правовых исследований Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина*

V.V. Trofimov,

*Doctor of Law, Associate Professor,
Director of the Research Institute Of State-
Legal Research Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
iptgutv@mail.ru*

Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации

***Аннотация:** актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного решения целого ряда проблем, существующих в системе государственного управления и правовой системе современной России. В научный оборот вводится понятие «государственно-правовая политика», выражающее синтез государственного и правового начал в практике осуществления государственно-правовых преобразований. В качестве методологического ресурса для разработки концептуальной конструкции государственно-правовой политики используется теория правовой политики, которая получила в юридической науке признание и детальное освещение, одновременно проводится сравнение существующих теоретических подходов. В исследовании применяется методика критической рефлексии проблемных сторон государственно-правового развития современной России. Формулируется определение понятия государственно-правовой политики, выделяются характерные признаки данного явления государственно-правовой сферы жизни общества. Конструируется научно-практический алгоритм формирования и реализации государственно-правовой политики в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** право, государство, общество, государственно-правовая система современной России, государственная политика, правовая политика, государственно-правовая политика, государственно-правовая жизнь, системный подход, научная обоснованность, эффективность.*

State-legal policy of modern Russia: from doctrine to practice of implementation

***Abstract:** the topicality of the problem is due to the need for a complex solution of a number of problems existing in the system of public administration and the legal system of modern Russia. The notion «state-legal policy», which expresses the synthesis of state and legal principles in the practice of state-legal*

transformations, is introduced into scientific circulation. As a methodological resource for the development of a conceptual design of public policy, the theory of legal policy, which has received recognition and detailed coverage in legal science, while comparing existing theoretical approaches, is used. The research uses the methodology of critical reflection of the problematic aspects of the state-legal development of modern Russia. The definition of the concept of state and legal policy is formulated, the characteristic signs of this phenomenon of the state and legal sphere of society are highlighted. A scientific-practical algorithm for the formation and implementation of state-legal policy in the Russian Federation is being designed.

Keywords: law, state, society, state-legal system of modern Russia, state policy, legal policy, state-legal policy, state-legal life, system approach, scientific validity, efficiency.

Государственно-правовая система современной России не свободна от целого ряда проблем, обусловленных внутренними и внешними обстоятельствами (факторами), и нуждается в совершенствовании для того, чтобы осуществляемые ею функции, принимаемые в ее рамках государственно-правовые решения были эффективными, позволяли достигать поставленных государственно-правовых и в целом — общесоциальных целей, способствовали динамичному развитию государственно-правовой и иных сфер жизни российского общества. Решение масштабной задачи требует комплексного подхода и, на наш взгляд, может быть выработано исключительно как результат проведения целенаправленной государственно-правовой политики.

Очевидно, что опыт проведения работы в подобном направлении предпринимался и предпринимается всеми уровнями и ветвями российской власти, призванной выражать общенародные интересы, наиболее мощно артикулируемые, как правило, в ходе выборов глав исполнительной и членов представительных органов власти. Вместе с тем он еще далек от идеала, которым, по сути, можно считать формат государственно-правовой политики как *высококультурно организованного вида деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в Российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработкой, принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой эффективности действия.*

Как верно замечает профессор А.В. Малько, один из главных родоначальников и последовательных разработчиков теории правовой политики в современной отечественной государственно-правовой науке: «Что касается практических аспектов правовой политики, то нужно признать, что в современной России полноценной правовой политики пока нет. Разумеется, есть определенные контуры, попытки ее формирования. Но явно не хватает в нашей юридической жизни научно обоснованных, последовательных и системных действий как со стороны органов государства, так и со стороны институтов гражданского общества» [1, с. 9].

Факт подобного состояния дел в обозначенной области демонстрирует во многом «динамика» современного законодательства, которое продолжает характеризоваться нестабильностью, отсутствием должной системности и, как следствие, невысоким коэффициентом эффективности действия на практике. Осуществленный Центром стратегических разработок и компанией «Гарант» специализированный статистический анализ федерального законодательства

(исследование, проведенное руководителем производственного управления компании «Гарант» Н. Ткаченко, охватило период с 1 января 1994 г. по 31 июля 2016 г.), в частности, показал, что за период с 2011 по 2016 г. интенсивность поправок в законодательство (даже в сравнении с предшествующим периодом) заметно увеличилась. «Если по состоянию на 31 декабря 2010 г. период стабильности составлял менее месяца только для Налогового кодекса и Кодекса об административных правонарушениях, то по состоянию на 31 июля 2016 г. менее месяца сделались периоды стабильности для Земельного, Лесного и Уголовно-процессуального кодексов. Также следует отметить, что период стабильности уменьшился для всех кодексов, действующих на 31 июля 2016 г.» [2, с. 7].

Экспертами Центра стратегических разработок делается вывод, что растущая нестабильность законодательства — явление негативное: постоянное изменение правил «игры» влияет на мотивированность (готовность) граждан и организаций соблюдать данные правила, существенно ее снижая; для бизнес-структур избыточная законодательная «динамика» становится нежелательным поводом для внеочередных корректировок бизнес-планов и бюджетов коммерсантов и коммерческих предприятий (корпораций); законодательными изменениями порождаются и другие сложности в плане организации нормальной деятельности граждан и негосударственных организаций. Эксперты также обратили внимание, что скорость принятия законопроектов непожительно сказывается и на качестве принимаемых законов, которое в целом можно охарактеризовать как невысокое. Справедливо отмечается, что «некачественные законы не могут адекватно применяться и исполняться, что вызывает потребность в корректирующих поправках практически сразу после принятия новых норм. Это, в свою очередь, усиливает общую нестабильность регулирования» [2, с. 7].

Причина некачественного законодательства во многом заключается в несовершенстве в том числе самого процесса разработки и принятия законов, непроработанности отдельных правил законотворческого процесса или при их относительно приемлемом состоянии — в нежелании им следовать на практике, ориентируясь не на профессиональный подход, а на некие конъюнктурные моменты, где часто преобладает стремление отчитаться о выполнении того или иного поручения, а такие аспекты, как оценка регулирующего воздействия или квалифицированное экспертное заключение (подготовленное по итогам глубокого научного анализа), стадия содержательного обсуждения (в рамках второго и третьего чтений, которые, по сути, игнорируются), отступают на задний план. Законопроекты принимаются с недостатками, чем определяется довольно странная «судьба» выросших на такой основе законов, обреченных на постоянные изменения и дополнения, осчитать которые и разобраться в которых даже специалистам затруднительно. Вряд ли подобный подход к законотворчеству допустимо рассматривать в категориях правовой (законодательной) политики. Это нечто иное, в малой степени связанное с разумной «политикой права», тем более — государственно-правовой политикой, которая рассматривается нами как более широкое явление, включающее наряду с собственно правовой

политикой политику государственного управления, таким образом, выражая своего рода их функциональный синтез.

С целью понять специфику искомого синтеза государственной политики и политики правовой термин «государственно-правовая политика» в качестве опорного понятия (получившего выше в рамках данной статьи рабочее определение) вводится нами в научно-полюемический оборот для развертывания в рамках последующего анализа и предлагаемой системы аргументации. Государственно-правовая политика как понятие, очевидно, требует некоторого дополнительного уточнения, т.к. при всей сходимости с категорией «правовая политика» в нем есть свои специфические черты.

1. *Государственно-правовая политика — это вид комплексной деятельности в сфере государственно-правового развития общества.* Как и правовая политика, государственно-правовая политика — это особый вид деятельности в области не только права, но и собственно государства как политической организации общества. Если в первом случае речь идет о создании и совершенствовании механизма правового регулирования (и именно он служит предметом приложения соответствующих ресурсов правовой политики), то во втором случае предметом внимания выступает, наряду с правом и правовой жизнью, государство и государственная жизнь общества — государственно-правовая жизнь. Рассматривать данные явления обособленно можно, но в определенном контексте (если, например, задачей выступает решение конкретных проблем отдельно или правового, или государственного развития). Но если целью является построение благоприятной и устойчивой среды государственно-правового обитания в целом и на перспективу, то решать соответствующие проблемы государственно-правовой жизни общества необходимо в синтезе, поскольку вряд ли возможно создать эффективно действующий правовой механизм, если государственный механизм (включая все его компоненты и институты) работает со сбоями, неорганизован и пр.

2. *Государственно-правовая политика — это деятельность, связанная с принятием решений государственного характера, получающих закрепление в правовой форме — государственно-правовых решений.* Решения, которые необходимы для организации и упорядочения жизненных процессов в обществе, возникают на свет изначально как государственные, а затем приобретают правовую форму. Н.И. Матузов, предлагая свое определение правовой политики, отмечает, что это комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права [3, с. 318], косвенно тем самым давая, на наш взгляд, понять, что в рамках этой деятельности решаются не только сугубо правовые вопросы. Думается, речь идет именно о задачах (целях, установках и пр.) государственного характера. Право, так или иначе, есть инструмент (средство) проведения в жизнь государственной политики, поэтому правовая политика — это во многом правовое выражение политики государственной (в данном случае мы не проводим известного деления понятия на государственный (федеральный/региональный) и муниципальный компоненты, «государственный» — значит

отражающий публичные интересы в общем, интересы всего общества в целом), что предполагает ее позиционирование в качестве политики «государственно-правовой».

3. *Системность как признак понятия правовой политики применительно к государственно-правовой политике понимается также шире — им охватывается как сугубо правовой, так и государственный аспекты.* Системность мероприятий, которая характеризует государственно-правовую политику, должна быть присуща мероприятиям и в государственном, и в правовом плане. Данный признак государственно-правовой политики предусматривает, что в ходе проводимых государственных и правовых мероприятий происходит соблюдение внутренней логики при проведении государственно-правовых преобразований, учитываются все системные связи и зависимости, как в сфере собственно права (правовой системы), так и в области государственных институций. Системные новации в государственно-правовой сфере должны производиться таким образом, чтобы не только сохранялись интегративные свойства государственно-правовой системы, но и обеспечивались условия самовоспроизводства социально полезных качеств системного целого всего государственно-правового механизма, совершенствование всей современной государственно-правовой системы. Например, проводя декриминализацию по тем или иным составам правонарушений, нужно понимать, какие есть у государства условия, чтобы функцию перевоспитания и исправления правонарушителей не утрачивать, а также осуществлять, но другими средствами государственно-правовой системы. Осуществляя инновационные преобразования, не следует утрачивать традиционные институты, платформенные основания социального бытия и пр. (что важно, в частности, при проведении государственно-правовой политики в сфере социального обеспечения и т.п.).

4. *Предсказуемость и ориентация на позитивный результат (положительный эффект) как признаки явления государственно-правовой политики должны соответствовать не только результатам (их эффективности) в области права, но также и прежде всего в отношении всего государства (государственной жизни) — ожидаемая позитивная динамика государственно-правовой жизни общества в целом.* Нельзя не согласиться с Л.И. Петражицким, который существо проблем «политики права» видел в «научно обоснованном предвидении последствий, какие следует ожидать в случае введения определенных правовых предписаний, а также в разработке таких положений, введение которых в систему действующего права путем законодательной деятельности (либо иным путем...) оказалось бы причиной определенных желательных результатов» [4, с. 303]. По определению польского ученого А. Подгурецкого, «политика права (как наука о рациональном осуществлении социальных изменений, производимых с помощью права как инструмента этих изменений), опираясь на систему общепризнанных социальных ценностей, а также на знание закономерностей социального поведения, занимается формулировкой директив о планировании и реализации социальных изменений» [4, с. 305–306]. Очевидно, что «социальные изменения» также проектируются

как конструктивные и приводящие к позитивному эффекту в отношении всего общества/государства.

5. *Научная обоснованность* — этот признак государственно-правовой политики можно считать универсальным, отвечающим стратегическим и тактическим мерам как государственного, так и правового характера. В цивилизованном обществе интеллект (от лат. intellectus — «ощущение», «восприятие»; «разумение», «понимание»; «понятие»; «рассудок»), опора на таковой в действиях — это качественная характеристика образа жизни современного этапа развития человеческой цивилизации. Любая сфера деятельности, где ставится вопрос о проведении в жизнь социально значимых решений (направленных на создание, изменение, преобразование, совершенствование социальных институтов), должна определяться не мотивами, основанными на эмоциях и прочих трудно контролируемых аспектах бессознательного (иррационального), а на тех побуждениях к действию, которые определяются рациональным началом. Для таких сфер, как государство и право, это искомое рациональное начало предстает как научное обоснование каждого из тактических и стратегических мероприятий. Здесь государственно-правовая наука может проявить свою состоятельность или, напротив, слабую эффективность, поскольку негативный результат от того или иного государственно-правового решения будет связан с неверным научным обоснованием. Но при этом сама связь публично-властных структур, ответственных за принятие государственно-правовых решений, с наукой должна быть перманентна и безусловна.

Синтез государственной и правовой политики во многом объективно предначертан: проектируемые и принимаемые государственные решения рано или поздно получают выражение в правовой форме. Вместе с тем, чтобы в современной российской государственно-правовой практике гармония государственных замыслов и права была очевидной и неслучайной, необходимо четкое следование алгоритму компетентных действий, заложенному в формате государственно-правовой политики.

Во-первых, необходимо провести комплексный масштабный анализ всей государственно-правовой системы современной России (системы разделения властей, всех ветвей государственной власти, государственного механизма, аппарата, каждого из его уровней и компонентов, системы распределения властных компетенций, всех элементов правовой системы, включая мониторинг федерального, регионального и муниципального законодательства, а равно своего рода инвентаризацию всего действующего законодательства, практики его применения, духовно-правовой атмосферы в российском обществе, анализ позитивных и негативных сторон общественного, группового и индивидуального правосознания и пр.).

Во-вторых, разработать и принять единую Концепцию государственно-правовой политики в Российской Федерации, которая должна содержать стратегию и тактику государственно-правовых преобразований на ближайшие пять-десять лет. Необходимость именно такого комплексного подхода к государственно-правовому (в широком смысле) развитию во многом подтверждается практикой определения основных стратегических

задач, которые ставятся перед современным Российским государством, а также механизмов их реализации, в известных майских указах Президента РФ В.В. Путина, как изданных в 2012 г. (в списке 11 указов и 218 поручений, которые должны быть выполнены до 2020 г.), так и подписанном главой государства 7 мая 2018 г., причем последний носит вполне характерное название «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5]. На этой основе, а также с учетом реализации закона «О стратегическом планировании» [6] есть возможность выработать искомую Концепцию, следуя ей на практике, тем более что опыт разработки подобных концепций существует, он может быть использован в полной мере в рамках данной доктринально-практической работы (речь, в частности, идет об общеродовом проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации, разработанном сотрудниками Саратовского филиала Института государства и права РАН и Саратовской государственной юридической академии [7]).

В-третьих, целесообразно осуществить шаг к законодательному оформлению (регламентации) на общегосударственном уровне законодательного процесса в Российской Федерации: на основе современных достижений юридической науки разработать (с учетом того, что эта работа прежде всего под эгидой Института законодательства и сравнительного правоведения проводилась довольно давно и оценивается учеными и практиками как плодотворная, то следует провести необходимую актуализацию и доработку) и принять закон о нормативно-правовых актах и иных формах права. Как справедливо отмечается в юридической литературе: «Принятие федерального закона “О нормативных правовых актах Российской Федерации” будет способствовать обеспечению единства, согласованности и стабильности системы правовых актов России как регулятора общественных интересов, усилит механизм правотворчества и его взаимосвязь с социальными и иными факторами формирования правовых норм» [8, с. 90]. В этом же ряду следует рассматривать и проводимые инициативы к регламентации системы государственного управления в Российской Федерации с целью повышения его эффективности, в частности, на основе специального закона, Концепция которого также подготовлена специалистами [9].

В-четвертых, крайне необходимо повысить роль юридической науки как в целом в обществе, так и в рамках разработки и принятия государственно-правовых решений. Как справедливо отмечает С.В. Поленина, «активизация роли науки в формировании правотворческой политики и в законодательстве — необходимая предпосылка повышения качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм» [10, с. 192]. Данный вопрос, несмотря на все более активное привлечение науки к законодательному процессу (нельзя не отметить создание при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации Межведомственного научного совета по правотворчеству), все еще требует своего детального решения и нормативной регламентации.

В-пятых, без участия общественности, без активного диалога с обществом проводимая государственно-правовая политика имеет риск остаться

непонятой, стать неадекватной реальным запросам общества, а потому малоперспективной в своих начинаниях. Как отметил в интервью изданию «Российская газета» в рубрике «Власть» Владимир Плигин: «...общество, с моей точки зрения, обязано, и мы должны для этого предпринимать усилия, становиться соавтором законов. Если общество станет *соавтором* (курсив наш. — В.Т.) законов, это обеспечит общее признание этих законов, т.е. легитимизирует закон, сделает его воспринимаемым» [11, с. 26].

В комплексе это будет, на наш взгляд, выражать реализацию базовых элементов общего алгоритма государственно-правовой политики в современной России, то «рабочее состояние», при котором фундаментальные основания для ее проведения в виде правотворчества, государственного управления, учета роли науки и гражданского общества в этих процессах, приведены в должную форму и могут быть работоспособными. То, что именно такой механизм действия крайне необходим в современных условиях (внутренних и внешних вызовов), очевидно, с его помощью станет возможным достичь так называемого «прорывного» роста для России.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Правовая политика современного общества: от теории к практике // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: Право. — 2012. — Вып. 3–4. — С. 8–14.
2. Ткаченко, Н. Статистический анализ федерального законодательства / Центр стратегических разработок; компания «Гарант». — М., 2017. — 60 с.
3. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. — 512 с.
4. Подгурецкий, А. Очерк социологии права / А. Подгурецкий. — М.: Прогресс, 1974. — 328 с.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. — 2018. — 9 мая. — С. 4–5.
6. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Российская газета. — 2014. — 3 июля.
7. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. — М.: Дело, 2008. — 40 с.
8. Тихомиров, Ю.А. Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня / Ю.А. Тихомиров, Т.Н. Рахманина, А.Г. Хабидулин // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 88–93.
9. Южаков, В.Н. Концепция федерального закона об основах государственного управления в Российской Федерации / В.Н. Южаков, Е.В. Талапина, О.В. Александров и др. // Государственное управление: в поисках результативности. — М.: Дело, 2016. — С. 233–268.
10. Поленина, С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М.: НОРМА, 2003. — С. 180–204.
11. Баршевский, М. Пошли на сделку // Российская газета (Неделя). — 2014. — 6–12 марта.

Э.Ю. Богданова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Института права Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина

М.И. Кольцов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Института права Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина

С.А. Потанов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Института права Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина

E.Yu. Bogdanova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of criminal law and procedure
Institute of law of Tambov state University
named after G.R. Derzhavin
elb.yurevna1010@mail.ru

M.I. Koltsov,
Candidate of Law, Associate Professor
Department of criminal law and procedure
Institute of law of Tambov state University
named after G.R. Derzhavin
koltsovmi@yandex.ru

S.A. Potapov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of criminal law and procedure
Institute of law of Tambov state University
named after G.R. Derzhavin
Potapov.1995@yandex.ru

Принцип недискриминации и реализация процедуры оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве

Аннотация: в статье рассматривается аспект взаимодействия института оценки воздействия на окружающую среду и одного из основополагающих принципов международного экологического права — принципа недискриминации. Являясь принципом охраны окружающей среды, принцип недискриминации требует, чтобы государства применяли только свое экологическое законодательство одинаково в отношении внутреннего экологического вреда и экологического вреда для территорий вне государства. В применении к оценке воздействия на окружающую среду принцип недискриминации требует, чтобы государства оценивали трансграничные воздействия так же, как воздействия на собственную окружающую среду. Однако принцип недискриминации налагает собственную структуру к обязательствам по оценке воздействия на окружающую среду, которые могут повлиять на роль, которую ОВОС играет в решении трансграничных экологических проблем.

Ключевые слова: оценка воздействия на окружающую среду, принцип недискриминации, принципы международного экологического права.

Principle of non-discrimination and implementation of environmental impact assessment procedure in international environmental law

Abstract: this article considers the aspect of interaction between the Institute of environmental impact assessment and one of the main principles of international environmental law — the principle of non-discrimination. The principle of non-discrimination, as a principle of environmental protection, requires States to apply only their environmental legislation in the same way with respect to internal environmental harm and environmental harm to territories outside the state. In applying to environmental impact assessment, the principle of non-discrimination requires States to assess transboundary impacts in the same way as their own environment. However, the principle of non-discrimination imposes its own structure on environmental impact assessment obligations, which may affect the role that EIA plays in addressing transboundary environmental problems.

Keywords: assessment of the impact on the environment, principle of non-discrimination, principles of international environmental law.

Расширение национальных обязательств в области оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) [1] и включение воздействий, выходящих за пределы государства, без дальнейшего международного сотрудничества не достаточны для ответа на вызовы, возникающие в результате трансграничного воздействия. На форму, которую приобретает такое международное сотрудничество, повлияет наличие общих для государств норм экологического права. Это означает, что развитие международных обязательств в области ОВОС не будет происходить в вакууме, а будет отражать общие принципы международного экологического права. В связи с этим важно анализировать отношения между ОВОС и основополагающими принципами, к числу которых относится принцип недискриминации.

Отношение между принципом непричинения вреда и международными обязательствами проводить ОВОС признается уже давно. Еще в 1980 г. Г. Хандль заявил, что в силу своей обязанности предотвращать экологический вред, причиняемый областям, выходящим за пределы государственной территории, государство должно изучить возможные результаты воздействия от своей деятельности. В силу обязанности сотрудничать государство-источник должно уведомлять обо всех возможных воздействиях затрагиваемое государство [2]. По мнению Г. Хандля, общее обязательство по проведению ОВОС являлось необходимым подразумеваемым положением и возникало из существования принципа непричинения вреда и обязанности сотрудничать [3, р. 21]. В данной точке зрения есть противоречие. Дж. Нокс указывал на то, что процессуальная структура обязательств в области ОВОС в международном праве расходится с предметной ориентацией принципа непричинения вреда [4, р. 291]. Если бы обязательства по проведению ОВОС в международном праве возникали из принципа непричинения вреда, то они требовали бы предотвращения или смягчения ожидаемого вреда. Однако оценка обязательств в области ОВОС, закрепленных в международных договорах, показывает, что это не так и что, согласно заявлению Дж. Нокса, обязательства в области ОВОС лучше объяснять через призму принципа недискриминации. Мнение Дж. Нокса — хорошая точка отсчета для рассматриваемой нами темы, поскольку оно подчеркивает отношение между обязательствами в области ОВОС и материально-правовыми нормами международного права. Помимо выстраивания отношения между ОВОС и материальными ценностями, данные принципы также влияют на форму обязательств в области ОВОС, т.к. разделяют, помимо прочего, роль отдельных лиц, бессрочное обязательство государств по предотвращению вреда и международную значимость некоторых экологических ресурсов. Кроме того, они помогают объяснить виды международных проблем в области охраны окружающей среды, из-за которых появляется необходимость в проведении ОВОС, и роли процессов ОВОС для более обширного охвата регулирования международных экологических проблем.

Принцип недискриминации, выступая принципом охраны окружающей среды, а также, по мнению специалистов, фундаментальным принципом международного экономического права [5, р. 28–30] требует, чтобы государ-

ства применяли только свое экологическое законодательство одинаково в отношении внутреннего экологического вреда и экологического вреда для территорий вне государства. Согласно принципу равного доступа, государства обязаны обеспечить для всех лиц, затронутых экологическими решениями, равный доступ к открытым процессам принятия решений, независимо от того, проживают ли они на или вне территории рассматриваемого государства. Впервые принцип недискриминации в экологических вопросах был применен в 1974 г. в Конвенции об охране окружающей среды Северных стран (Стокгольм, 19 февраля 1974 г.). Согласно данному договору между четырьмя северными государствами, в случаях, когда государство устанавливает, что предполагаемая вредная для окружающей среды деятельность на его территории может «стать источником вреда» для другого государства, государство-источник должно уведомить о такой деятельности и разрешить гражданам затронутого государства заявить протест в отношении последствий этой деятельности (ст. 2–5). Более того, стороны согласились с тем, что при регулировании такой деятельности последствия вреда, причиняемого другому государству, должны регулироваться как последствия для государства-источника (ст. 2). Конвенция была разработана на основании принципа недискриминации в том смысле, что договаривающиеся стороны обязаны только предоставить такие же процессуальные права гражданам других договаривающихся сторон, какие имеют их собственные граждане, и должны рассматривать трансграничные воздействия как внутренние. В результате стороны не обязаны вводить новые правила в области охраны окружающей среды, улучшать существующее экологическое законодательство или создавать новые институты. Конвенция также не требует, чтобы стороны следовали минимальным процессуальным и материальным стандартам. Вместо этого стороны должны руководствоваться существующими законами государства-источника.

Принцип недискриминации получил свое дальнейшее развитие в рамках ОЭСР в середине 1970-х гг. благодаря серии рекомендаций ОЭСР, касающихся трансграничного загрязнения. Согласно рекомендациям, национальное законодательство не должно включать более низкие стандарты или целевые показатели качества в отношении загрязняющей деятельности с более высокой вероятностью трансграничного воздействия, чем деятельность с исключительно внутренним воздействием [6–8]. Кроме того, равные права на доступ к информации и к существующим административным и судебным процедурам должны распространяться в том числе и на иностранных граждан на территории затронутого государства. В последовавшем затем документе ОЭСР эти процедуры включали доступ к исследованиям и процедурам в области экологического воздействия [9].

Безусловно, основная цель как Конвенции об охране окружающей среды Северных стран, так и рекомендаций ОЭСР — улучшение защиты окружающей среды, но основополагающий механизм обусловлен более широким принципом справедливости, а не какой-либо существенной экологической ценностью. Так как в обоих подходах гармонизация политики обозначена расплывчато, то она не требуется. Недискриминация не требует взаимности. Если у государства

слабое экологическое законодательство, то такие слабые нормы и правила применяются и к трансграничным воздействиям. Принцип недискриминации эффективен настолько, насколько эффективно национальное законодательство каждого участвующего государства.

В применении к ОВОС принцип недискриминации требует, чтобы государства оценивали трансграничные воздействия так же, как воздействия на собственную окружающую среду. Например, воздействие не может считаться более или менее значительным только из-за того, что оно затрагивает окружающую среду другого государства. В силу принципа недискриминации, точнее принципа равного доступа, затронутые лица вне территории государства-источника должны наделаться теми же процессуальными правами в рамках процесса ОВОС (уведомление и право на участие), как и лица внутри государства-источника. Принцип недискриминации дополняет национальные нормы в отношении трансграничных ОВОС, конкретизируя, в широком смысле, круг лиц, которых должны ставить в известность и наделять правами на участие. Однако принцип недискриминации не налагает на государство-источник никаких минимальных требований к ОВОС. В тех случаях, когда к проектам не предъявляются требования по ОВОС или такие требования слабее, чем у затронутого государства, принцип недискриминации не дает затронутому государству права применять более строгие требования к государству-источнику. Даже когда государство-источник наделяет лиц, не являющихся его гражданами, правами уведомления и участия, затронутому государству и его гражданам приходится полагаться на достаточность законодательства государства-источника. Например, в соответствии с Национальным актом США об экологической политике (англ. National Environmental Policy Act — NEPA) федеральные ведомства должны реализовывать процедуру ОВОС, когда деятельность государства может оказать значительное воздействие на окружающую среду [10]. Ко всем видам деятельности, не попадающим в законодательном порядке под действие NEPA, не будут применяться требования об ОВОС независимо от их воздействия на окружающую среду другого государства.

Являясь основой трансграничной ОВОС, принцип недискриминации налагает собственную структуру к обязательствам по ОВОС, способных повлиять на роль, которую ОВОС играет в решении трансграничных экологических проблем. Из-за своей взаимной природы недискриминация приводит к отсутствию минимального набора требований для трансграничных ОВОС. Решение о проведении ОВОС деятельности с потенциальным трансграничным воздействием остается на исключительное усмотрение государства-источника. Принцип недискриминации основан на предположении о том, что трансграничные экологические вопросы не отличаются от национальных экологических вопросов. Следовательно, озабоченность затрагиваемого государства не получает никакого особого статуса на основании принципа недискриминации. Напротив, затрагиваемое государство, а также группы и лица на его территории имеют статус «комментирующей стороны», т.е. их комментарии и замечания рассматриваются в установленном порядке, но не получают привилегированного статуса. Однако, в некотором смысле, заинтересованные стороны-нерезиденты отличаются от заинтересованных сторон внутри государства-источника тем, что они не

пользуются (или пользуются с меньшей вероятностью) выгодами от проекта. Экономическое развитие, связанное с проектом, приведет к созданию рабочих мест и получению прибыли с налогов на территории государства-источника, но эти доходы не будут разделены с затронутым государством. Ответственное ведомство в государстве-источнике может рассчитать все последствия проекта, связанные с распределением благ, но такого требования нет.

Связанное с этим ограничение принципа недискриминации, как основы международного сотрудничества в области ОВОС, заключается в том, что этот принцип не признает уникальные нормативные аспекты международных экологических проблем. Рассмотрим пример Антарктики [11]. Хотя NEPA может применяться к проектам, осуществляемым ведомствами США в Антарктике, пороговым стандартом согласно NEPA является вероятность значительного воздействия на окружающую среду, которая может не отражать уникальный чувствительный характер природной среды Антарктики. Однако в соответствии с международным правом уникальная уязвимость Антарктики выступает неотъемлемой частью подхода к оценке и выражается в использовании гораздо более низкого порогового стандарта, а именно более незначительного или временного воздействия. Суть в том, что чисто внутренний подход не проводит различия между внутренними и международными экологическими проблемами, что на самом деле неверно. Как показывает пример Антарктики, сама природа окружающей среды может требовать особого подхода. С практической точки зрения, на круг лиц, которые должны ставиться в известность, и на определение того, было ли вовремя направлено такое уведомление, будет влиять тип воздействия — внутреннее, трансграничное или воздействие на всеобщее достояние. Согласно NEPA, уведомление должно направляться «лицам и организациям, которые могут быть заинтересованы или затронуты» (§ 1503.1(a)(4)). Однако в отсутствие разъясняющего международного соглашения и в связи с потенциальным воздействием на мигрирующие виды, на уровне парникового эффекта или на морскую среду такой круг лиц и организаций, подлежащих уведомлению, определить сложно.

Таким образом, международное сотрудничество должно налагать на государства минимальные процессуальные требования, благодаря которым будет создан приемлемый уровень предсказуемости в отношении обстоятельств, в связи с которыми должна проводиться оценка, и того, как она должна проводиться. Помимо необходимости гармонизации процессов ОВОС, можно привести аргумент в пользу более глубокого уровня сотрудничества, основанного на общих принципах уважения к окружающей среде. Обязательства в области ОВОС относятся к более широкому набору ценностей, общему для участников системы. Распространение обязательств в области ОВОС на трансграничный вред логичным образом требует такого же распространения и нормативной базы, если ОВОС призвана играть положую роль (координация интересов и трансформация) в структуре международного экологического управления.

Список литературы:

1. Богданова, Э.Ю. Процедура оценки воздействия на окружающую среду как институт международного экологического права // *Международное право — International Law*. — 2011. — № 1–2. — С. 177–184.

2. Handl, G. The Environment: International Rights and Responsibilities // Proc. Am. Soc. Int'l L. 1980. 74. — P. 223.
3. Handl, G. Environmental Security and Global Change: The Challenge to International Law // YBIEL. — 1990. — № 1. — P. 3–37.
4. Knox, J. The Myth and Reality of Transboundary Environmental Impact Assessment // AJIL. — 2002. — № 96. — P. 291–319.
5. Trebilcock, M. The Regulation of International Trade. — 3rd ed. / M. Trebilcock, R. Howse. New York: Routledge, 2005. — 778 p.
6. OECD, Recommendation of the Council on Principles Concerning Transfrontier Pollution C(74)224. November 14, 1974.
7. OECD Recommendation of the Council on Equal Right of Access in Relation to Transfrontier Pollution. C(76)55 Final. May 11, 1976.
8. OECD Recommendations on the Implementation of a Regime of Equal Access and Non-discrimination in Relation to Transfrontier Pollution. C(77)28 Final. May 17, 1977.
9. OECD C(78)77 Final, Art. 3.
10. National Environmental Policy Act (NEPA) // 42 USC, para. 4332.
11. Богданова, Э.Ю. Процедура оценки воздействия на окружающую среду как один из важнейших инструментов защиты Антарктики // Социально-экономические явления и процессы. — 2012. — № 11. — С. 265–274.

В.В. Булгаков,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права
Института права и национальной
безопасности Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина*

И.А. Волков,

*студент Института права
и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина*

К.С. Хван,

*студент Института права
и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина*

V.V. Bulgakov,

*Candidate of Law, Associate Professor
Institute of Law and National Security
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
bvv30081960@yandex.ru*

I.A. Volkov,

*Students of Institute of Law and National
Security of Tambov State University named
after G.R. Derzhavin
volkovwrite@gmail.com*

K.S. Khvan

*Students of Institute of Law and National
Security of Tambov State University named
after G.R. Derzhavin
volkovwrite@gmail.com*

Справедливость как ценностный ориентир современной правовой политики: теоретический и практический аспекты

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли справедливости не только для правотворческой, но и правоприменительной деятельности органов государственной власти. Цель статьи — провести анализ справедливости как ценностного ориентира современной правовой политики, раскрыть сущность данной категории в теоретическом и практическом аспектах. Методологической основой исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений. Кроме того, широко использовались логические методы и приемы познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, системный подход. Авторы полагают, что на данном

этапе развития общественных отношений именно справедливость преимущественно определяет прочность социальных институтов. Практическая сторона исследования демонстрируется на примере реализации программы, предусматривающей обеспечение ветеранов Великой Отечественной войны жильем. Указывается на необходимость создания определенных механизмов, направленных на восстановление справедливости посредством осуществления защиты прав ветеранов.

Ключевые слова: справедливость, сущность справедливости, правовая политика, социальная справедливость, справедливость в правоприменении, защита прав ветеранов ВОВ.

Justice as a value reference point of modern legal policy: theoretical and practical aspects

Abstract: the relevance of the article is determined by the importance of the role of justice not only for law-making, but also law enforcement activities of public authorities. The purpose of the article is to analyze justice as a value benchmark of modern legal policy, to reveal the essence of this category in the theoretical and practical aspects. The methodological basis of the research is the General scientific dialectical method of cognition of social phenomena. In addition, logical methods and techniques of cognition were widely used in writing: analysis, synthesis, abstraction, generalization, system approach. The authors believe that at this stage of the development of social relations, justice determines the strength of social institutions. The practical side of the study was demonstrated by the example of the implementation of the program, for example, providing housing for veterans of the great Patriotic war. The authors point to the need to create certain mechanisms aimed at restoring justice through the protection of the rights of veterans.

Keywords: justice, the essence of justice, legal policy, social justice, justice in law enforcement, protection of the rights of veterans.

Справедливость — одна из важнейших категорий в теории права, ее колоссальная роль обусловлена прежде всего тем, что она служит своеобразным ориентиром не только для правотворческой, но и правоприменительной деятельности органов государственной власти. Соблюдение данного принципа позволяет обеспечить здоровое функционирование правовой системы в целом. В настоящее время достаточно часто Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ ссылаются на принцип справедливости с целью нейтрализации формализма права. Эти обстоятельства и предопределяют актуальность исследования проблематики справедливости в контексте развития современной правовой политики нашего государства.

Анализируя значение категории «справедливость», следует отметить, что «в настоящее время качество жизни определяется не только материальным достоянием, но и моральным климатом, способностью общественных систем обеспечить построение взаимоотношений между людьми на основе гуманизма и справедливости» [1, с. 4]. Безусловно, в том случае, когда общество не беспокоится о нравственности, справедливости, закономерно происходит принижение личности, исчезают или вовсе отсутствуют условия для ее всестороннего развития. Справедливость как общий ценностный стержень для норм права и морали преимущественно определяет прочность социальных институтов, а также их роль в обществе и государстве.

В.И. Хайруллин указывает на то, что «справедливость выражает идеал всего человечества, и, очевидно, поэтому проблема справедливости является притягательной во все времена» [2, с. 13]. Справедливость, занимая достойное место среди категорий морали, идеалов и высших ценностей, имеет различное смысловое наполнение в исторической и юридической литературе.

Вопрос о принадлежности справедливости к правовой или морально-этической категории является дискуссионным. В связи с этим интересным представляется изучение мнений ученых-правоведов относительно содержания понятия справедливости. Одни считают целесообразным рассмотрение справедливости через право, другие — права через справедливость. Например, А.И. Экимов относит справедливость, наряду с добром, к разряду абсолютных правовых ценностей, которые, по его мнению, характеризуются тем, что «имеют одинаковое значение для всех людей и во все времена» [3]. Примечательна позиция Р.Р. Лемонджав, который полагает невозможным, рассматривая право, опираться лишь на сугубо правовые категории и понятия, поскольку, по его мнению, право, охватывая все сферы человеческой жизни, является «гигиеной человеческих отношений» [4, с. 3]. Думаем, что рассмотрение и изучение такой категории, как «справедливость», возможно только при комплексном подходе.

В контексте исследования заданной тематики следует обратить внимание на выявление роли справедливости именно в правоприменении как одной из форм реализации правовой политики современной России.

Справедливость по-разному может быть выражена в праве. В некоторых случаях она прямо отражается в юридической норме. «Достижение справедливости выступает в качестве непосредственного показателя законности» [1, с. 149]. Считаем, что в случае, если требование справедливости не имеет прямого закрепления, но фактически происходит его нарушение, то мы не можем говорить о законном применении нормы права. В связи с этим полагаем, что, когда правоприменительный орган относится к своим задачам формально, «бюрократически», игнорирует значение условий, в которых применяется норма права, его решения априори не могут быть ни законными, ни справедливыми.

Рассматривая проблему справедливости, считаем также необходимым упомянуть сущность социальной справедливости, которая, по мнению Д.В. Булгаковой, представляет собой «некое средство объединения в одной плоскости действия политики, морали и права» [5, с. 265]. Она означает, в первую очередь, беспристрастность при решении споров о праве, а также обоснованность выводов фактическими обстоятельствами дела, равенство всех перед законом, соответствие целей, которые ставит перед собой законодатель, средствам, избираемым для их достижения. Вышеуказанные и иные сложившиеся в ходе исторического развития требования справедливости субъекты правоотношений должны учитывать на каждой стадии правоприменительной деятельности, в ходе реализации любой нормы права, основываясь на уважении к достоинству и ценности человеческой личности.

Говоря о взаимосвязи права и справедливости, следует остановиться на практическом аспекте реализации категории справедливости. Отметим, что она занимает одно из приоритетных мест среди принципов правового государства. Особый интерес на современном этапе представляет регулирование отношений такой категории лиц, как ветераны. Данный круг субъектов считается малозащищенным, государство должно предпринимать всевозможные меры для обеспечения им достойной жизни. В России создаются различные программы, предусматривающие помощь разного рода. В частности, можно выделить программу, предполагающую обеспечение ветеранов Великой Отечественной

войны жильем. Безусловно, это приближает общество к развитию правового государства, но справедливо ли то, что категория граждан, пережившая тяготы и лишения в годы войны, должна ждать помощи? И ведь это не основная проблема.

Для постановки ветерана на учет требуется соблюсти ряд условий, одним из которых является несоответствие жилья требованиям, которым должны отвечать жилые помещения. На практике ветераны не могут получить новое жилье только потому, что, по мнению органов, предоставляющих такую помощь, имеющееся жилье отвечает всем требованиям, следовательно, ветеран не нуждается в предоставлении нового.

Так, например, в Башкортостане жилье одного из ветеранов было признано непригодным для проживания, все шло к тому, что в скором времени его должны были обеспечить нормальными условиями для жизни. Когда необходимый пакет документов был собран, местный председатель сельского поселения высказал мнение о том, что у ветерана есть хорошая пенсия, жилье, поэтому он не нуждается в большей помощи: «Пенсия у тебя хорошая, крыша над головой есть, живи и не ходи сюда больше» [6]. Администрация сельского поселения предположила, что ветеран умышленно осуществлял действия, направленные на причинение вреда жилью для того, чтобы оно не соответствовало установленным требованиям. Получается, местные органы власти принимают решение, кто достоин жить в нормальных условиях, а кто нет. На наш взгляд, ситуация вызывает большие сомнения в полномочности оценки пригодности жилых помещений со стороны данных органов.

Считаем, что необходимо создать определенные механизмы, направленные на восстановление справедливости посредством осуществления защиты прав ветеранов в подобных ситуациях. Председатель партии ветеранов России И. Резяпов предлагает создать институт омбудсменов по защите прав ветеранов, т. к. данная категория населения часто представляется социально слабо защищенной. То есть можно сделать вывод о том, что категория «справедливость» служит неким ориентиром, маяком, направляющим государство в нужном русле.

Это прослеживается не только в определенных жизненных ситуациях, но и в процессе осуществления правосудия судами. Отвечая на вопрос о том, на какой принцип суды чаще ссылаются при рассмотрении дел (добросовестности или справедливости), А.В. Егоров выяснил, что «в большей степени в судебных актах используется принцип справедливости» [7].

Резюмируя изложенное, сделаем вывод о том, что принцип справедливости имеет не только теоретическое, но и практическое значение в формировании правовой политики государства.

Список литературы:

1. Булгаков, В.В. Концепция справедливости в праве: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Булгаков. — Тамбов, 2001. — 169 с.
2. Хайруллин, В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли / В.И. Хайруллин. — М., 2009. — 192 с.
3. Экимов, А.И. Право, ценности и интересы // Научные труды РГТЭУ. — М.: Единство, 2004. — С. 313–328.
4. Лемонджав, Р.Р. Справедливость как ценность права // История государства и права. — 2011. — № 11. — С. 2–5.

5. Булгакова, Д.В. Социальная и юридическая справедливость // Вестник ТГУ. — 2013. — Вып. 5 (121). — С. 262–266.

6. Победные метры: обеспечение ветеранов ВОВ жильем в РФ идет без сбоев // РИА Новости. — URL: https://realty.ria.ru/analysis_trends/20150430/404704910.html (дата обращения: 15.04.2018).

7. Ворожевич, А.С. Принцип справедливости и международное частное право: развитие и взаимодействие // Экономика и жизнь. — URL: <https://www.eg-online.ru/article/338975/> (дата обращения: 15.04.2018).

А.Д. Золотухин,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и
арбитражного процесса Института
права и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

A.D. Zolotukhin,

*Candidate of Law,
Associate Professor of Department
of Civil and Arbitration Institute of Law
and National Security of Tambov State
University named after G.R. Derzhavin*

Л.А. Волчихина,

*старший преподаватель
кафедры гражданского и
арбитражного процесса Института
права и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

L.A. Volchikhina,

*Senior Lecturer Department of Civil and
Arbitration Institute of Law and National
Security of Tambov State University
named after G.R. Derzhavin*

Эволюция процессуальной формы гражданского судопроизводства как процесс обеспечения доступности и качества правосудия по гражданским делам

Аннотация: статья посвящена влиянию эволюции процессуальной формы гражданского судопроизводства на обеспечение правосудия по гражданским делам. Автор полагает, что процессуальная форма гражданского судопроизводства должна быть оптимальной, наиболее благоприятной для обеспечения, в том числе и доступности правосудия. При этом под доступностью правосудия понимается не только возможность заинтересованного лица обратиться в суд за защитой своих прав, но и возможность реально получить защиту. В связи с этим доступность правосудия обеспечивается установленным законодателем «наиболее благоприятной» процессуальной формой гражданского судопроизводства, которое в свою очередь зависит от принципов ее построения.

Ключевые слова: процессуальная форма гражданского судопроизводства, доступность правосудия по гражданским делам, принципы гражданского процессуального права, оптимальный порядок отправления правосудия, приказное производство, упрощенное производство.

Evolution of the procedural form of civil proceedings as a process of ensuring accessibility and quality of justice in civil cases

Abstract: the article is devoted to the impact of evolution on the procedural form of civil proceedings on the provision of justice in civil cases. The author tells about the changes in existing and appearance of new procedural constructions of civil proceedings. Agreeing with the opinion of I.M. Zaitseva, the author believes that the procedural form of civil proceedings must be optimal, that is, the most favorable for en-

suring, including access to justice. The accessibility of justice is understood by the author not only as an opportunity for an interested person to apply to the court for the protection of his rights, but also as an opportunity to actually receive this protection. In this regard, the accessibility of justice is ensured by the "most favorable procedural form of civil procedure established by the legislator, which in turn depends on the principles of its construction.

Keywords: procedural form of civil proceedings, accessibility of justice in civil cases, principles of civil procedural law, optimal order of administration of justice, decree production, simplified production.

После вступления в законную силу 1 февраля 2003 г. ГПК РФ процессуальная форма рассмотрения и разрешения гражданских дел, определенная им в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц, недолго находилась в состоянии покоя. Уже с июня 2003 г. законодатель стал вносить в ГПК РФ изменения: существенно была изменена процессуальная форма правил проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых по гражданским делам мировыми судьями и федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции, а также процессуальная форма правил, регулирующих пересмотр вступивших в законную силу постановлений [1]. В соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] были закреплены право мирового судьи не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу и правила, когда мировой судья обязан составить мотивированное решение суда (ст. 199 ГПК РФ). В связи с принятием КАС РФ из ГПК РФ исключен ряд определенных категорий дел гражданского судопроизводства [3]. В ГПК РФ законодателем была внесена глава 21.1 «Упрощенное производство», ранее оно было предметом регулирования только в АПК РФ [4]. В соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [5] ст. 157 ГПК РФ изложена в новой редакции. Из нее исключено правило непрерывности судебного разбирательства, которое в науке гражданского процессуального права определялось как принцип и т.д. Эти и другие изменения, внесенные законодателем, указывают, что процессуальная форма гражданского судопроизводства находится в состоянии эволюции, которое имеет свое продолжение [6].

По мнению законодателя, внесенные изменения направлены на дальнейшее совершенствование правил гражданского судопроизводства, что должно обеспечивать доступность и качество правосудия по гражданским делам. Данный вывод в отношении определенных процессуальных конструкций не является однозначным и вызывает различные дискуссии среди ученых-процессуалистов, которым свойственно идеализировать свое отношение к новому. По нашему мнению, любое процессуальное правило, даже со сложной для применения процессуальной конструкцией, можно объяснить как правило, которое обеспечивает доступность и качество правосудия.

Следует согласиться с И.М. Зайцевым в том, что «гражданская процессуальная форма представляет собой установленный законом оптимальный порядок отправления правосудия по гражданским делам, обязательность

которого обеспечена санкциями гражданских процессуальных и иных правовых норм» [7, с. 22]. В словарях понятие «оптимальный» определяется как наиболее благоприятный [8, с. 442].

Процессуальная форма гражданского судопроизводства должна быть сконструирована таким образом, чтобы она могла обеспечить доступность правосудия по гражданским делам, решение задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ) и в конечном итоге выявление судебной истины [9, с. 278–300]. Процессуальная форма судопроизводства должна быть такой, «чтобы обращение к ней не воспринималось лицом, нуждающимся в помощи суда, как барьер в осуществлении права» [9, с. 27]. Существует проблема создания наиболее благоприятных конструкций процессуальной формы гражданского судопроизводства. Следует согласиться с точкой зрения Э.М. Мурадыян и В.Г. Тихиня, которые считают, что «отказ от процессуальной формы, как и другая крайность — чрезмерное ее усложнение (придание форме первенствующего значения), губителен для правосудия» [10, с. 26].

Одним из направлений создания оптимальной формы гражданского судопроизводства является совершенствование самого судопроизводства, в том числе и за счет введения в гражданское судопроизводство упрощенных судебных процедур [11, с. 80–85]. К таким судебным процедурам можно отнести введение законодателем в гражданское судопроизводство правил приказного производства (гл. 11 ГПК РФ) и правил упрощенного производства (гл. 21.1 ГПК РФ). Определенные законодателем письменные процессуальные конструкции наиболее благоприятны для разрешения конфликтов, где отсутствует спор о праве, являющийся основанием для применения искового производства. Применение письменной формы передачи информации как единственно возможной при рассмотрении и разрешении определенных ситуаций, установленных законодателем, изменение процессуальной конструкции рассмотрения данных дел дают возможность исключить непосредственное участие в этом самих субъектов, что обеспечивает доступность судебной защиты, в том числе и путем сокращения времени ее получения.

В науке гражданского процессуального права существует мнение, согласно которого доступность судебной защиты определяется как принцип гражданского процессуального права. Так, по мнению В.М. Сидоренко, «принцип доступности правосудия — это обеспеченная законом возможность беспрепятственно обратиться в суд за защитой своих прав и получить судебную защиту» [12, с. 7]. Принцип доступности судебной защиты имеет место потому, что «его содержание вытекает из ряда конституционных положений» [13, с. 42–43]. Существует и иная точка зрения, согласно которой доступность судебной защиты не может быть принципом гражданского процессуального права. Д.А. Фурев полагает, что «доступность правосудия не может претендовать на роль самостоятельного принципа, поскольку является составной частью права на судебную защиту» [14, с. 18]. В системе КАС РФ доступность правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений законодатель определил в качестве одной из ее задач (ч. 1 п. 1 ст. 3 КАС РФ).

Под доступностью судебной защиты в гражданском судопроизводстве следует понимать определенную законодателем возможность заинтересованных лиц получить эту защиту. Возможность обеспечивается установленной законодателем «наиболее благоприятной» процессуальной формой гражданского судопроизводства, которая в свою очередь зависит от принципов, взятых законодателем за основу ее построения. Комментируя задачи правосудия в сфере административных и иных публичных отношений, В.В. Ярков указывает, что «современное понимание доступа к правосудию заключается не только в беспрепятственной возможности обращения к суду. Доступ к правосудию понимается как начало, которое должно быть обеспечено на всех стадиях процесса — от прохождения досудебных этапов правовой защиты, на стадиях возбуждения дела, судебного разбирательства до возможностей реализовать право на обращение в суды, наделенные полномочием по пересмотру судебных актов, и право на исполнение судебного акта» [15, с. 23]. Однако при этом В.В. Ярков доступность правосудия по административным делам относит также и к принципам административного судопроизводства [15, с. 38].

Принцип доступности правосудия или принцип доступности судебной защиты являлся основополагающим принципом, определявшим и советское гражданское судопроизводство. По мнению В.М. Семенова, «принцип доступности судебной защиты прав и интересов — это обеспеченная государством возможность всякого заинтересованного лица обратиться в порядке, установленном законом, в суд за защитой прав и интересов и отстаивать их в судебном процессе» [16, с. 157]. Принцип доступности судебной защиты в данный период обеспечивался в первую очередь процессуальной формой правил установления объективной истины (ст. 14, 50 ГПК РСФСР 1964 г.), а также «всемерным содержанием гражданского процессуального права, характеризующегося простотой и отсутствием ненужных юридических формальностей, что представляло собой целую систему процессуальных гарантий» [16, с. 158—159]. В советском гражданском судопроизводстве доступность судебной защиты определялась как основное начало или принцип советского гражданского процессуального права, т.к. доступность судебной защиты обеспечивалась государством.

Эволюция процессуальной формы состязательного процесса, которая произошла в гражданском судопроизводстве вследствие изменения процессуально-правовой политики государства, в том числе и под влиянием принципов и норм международного права, изменила возможность заинтересованных лиц в получении судебной защиты. Процессуальная форма гражданского судопроизводства, определяющая доступность судебной защиты, стала характеризоваться в отношении определенных процессуальных конструкций «различными сложностями гражданского судопроизводства, его формализма, возведенного в принцип процесса» [16, с. 160]. По мнению И.В. Решетниковой, «обращение в суд и ведение дела в суде стало достаточно дорогим и сложным делом» [17, с. 116]. Так, например, если введение законодателем в гражданское судопроизводство упрощенных судебных процедур обеспечивает доступность судебной защиты, то этого нельзя сказать

о процессуальной форме правил проверки как вступивших, так и правил пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений и т.д.

Эволюция процессуальной формы определяет изменение существующих или появление новых процессуальных форм гражданского судопроизводства, которые в разной степени влияют на процесс обеспечения доступности правосудия по гражданским делам. Для того чтобы определить степень их влияния на обеспечение доступности правосудия, необходимо теоретическое и практическое исследование правил каждой процессуальной конструкции в отдельности.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 50, ст. 6611.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 9, ст. 872.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон РФ от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2015. — № 10, ст. 1393.
4. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 10, ст. 1319.
5. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 29 июля 2017 г. № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2017. — № 31, ч. 1, ст. 4809.
6. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 (опубликовано не был). URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-03102017-p-30/> (дата обращения: 09.04.02018).
7. Вкут, М.А. Гражданский процесс России: учебник / М.А. Вкут, И.М. Зайцев. — М.: Юрист, 1999. — 384 с.
8. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. — М.: Дом Славянской книги, 2008. — С. 800.
9. Мурадян, Э.М. Истина как проблема судебного права. — 2-е изд., перераб. и доп. / Э.М. Мурадян. — М.: Юрист, 2004. — С. 320.
10. Мурадян Э.М. Оптимальное судопроизводство (по гражданским делам) / Э.М. Мурадян, В.Г. Тихиня. — Мн.: Мин. Университет, 1989. — 77 с.
11. Дегтярев, С.Л. Оптимизация гражданского правосудия России / С.Л. Дегтярев, И.Г. Медведев, С.С. Трушников и др.; предисл. В.Ф. Яковлева; под ред. В.В. Яркова. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — С. 192.
12. Сидоренко, В.М. Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе: автореф. ... канд. юрид. наук / В.М. Сидоренко. — Екатеринбург, 2002. — С. 220.

-
13. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов / отв. ред. В.В. Ярков. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — С. 420.
14. Фурсов, Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса: учебное пособие / Д.А. Фурсов. — М.: Статут, 2009. — С. 18.
15. Административное судопроизводство: учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / под ред. В.В. Яркова. — М.: Статут, 2016. — С. 560.
16. Курс советского гражданского процессуального права. М.: Наука, 1981. — Т. 1. — С. 464.
17. Решетникова, И.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. — М.: НОРМА, 1999. — С. 312.

О.Н. Козодаева,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Института права и национальной
безопасности Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина

Е.А. Попова,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного
права и процесса Института
права и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина

М.В. Ююкина,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного
права и процесса Института
права и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина

O.N. Kozodaeva,
Candidate of Law, Associate Professor
Department of criminal law and procedure
Institute of Law and National Security of
Tambov state University
named after G.R. Derzhavin
tam_fon@mail.ru

E.A. Popova,
Candidate of Law, Associate Professor of
Department of criminal law and procedure
Institute of law and national security of
Tambov state University
named after G. R. Derzhavin
elenap2672@yandex.ru

M.V. Yuyukina,
Candidate of Law, Associate Professor
of Department of criminal law and
procedure Institute of law and national
security of Tambov state University
named after G. R. Derzhavin
yuyukina@mail.ru

Уголовная ответственность за организацию и содержание наркопритона: некоторые проблемы правоприменения

101

Аннотация: сегодня проблема противодействия наркопреступности актуальна как для Российского государства, так и для всего мира в целом. Один из способов распространения данного вида преступности — организация и содержание притонов, в которых происходит потребление, распространение наркотиков, а также вовлечение в данное занятие новых лиц. В связи с этим актуальной проблемой уголовного законодательства выступает вопрос привлечения к уголовной ответственности за подобного рода действия с четкой квалификацией названного состава.

Ключевые слова: наркопреступность, наркопритон, альтернативный состав, организация притона, содержание притона, систематическое предоставление помещения для потребления наркотиков.

Criminal liability for the organization and maintenance of the drug: some problems of law enforcement

Abstract: the problem of countering drug-related crime is very acute today, both for the Russian state and for the whole world. One of the ways of spreading this type of crime is the organization and maintenance of brothels in which there is a consumption, distribution of drugs, as well as the involvement in this occupation of new persons. In this connection, the actual problem of criminal law is the issue of criminalization of this kind of action with a clear qualification of the said composition.

Keywords: drug crime, drug trafficking, alternative structure, organization of brothel, maintenance of brothel, systematic provision of premises for drug use.

Наркомания как негативное социальное явление представляет угрозу для безопасности общества и государства. Сокращение предложения наркотиков путем целенаправленного пресечения их нелегального производства и оборота — стратегическое приоритетное направление в деятельности органов государственной власти как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Конечным звеном в преступной цепи незаконного оборота наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ является их распространение. К числу наиболее опасных его форм, по нашему мнению, относятся организация и содержание наркопритонов.

Для эффективной борьбы с каждым из преступлений важно установить их точное и последовательное терминологическое определение. Изучение сущности конкретного понятия имеет не только теоретическое, но и практическое значение, что относится и к понятию «наркопритон» в контексте ст. 232 УК РФ.

Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, притон — это «место тайных преступных сборищ» [1, с. 601]. В «Большом юридическом словаре» притон определяется как «место, регулярно (систематически) используемое для совершения развратных действий, участия в азартных играх, распития спиртных напитков или употребления наркотиков» [2]. Российская юридическая энциклопедия к притону относит «помещение для сбора людей с целью осуществления ими определенных противоправных или аморальных действий» [3, с. 816].

Из приведенных определений следует, что отличием притона от иных помещений является его целенаправленное использование для преступных целей. Основной целью наркопритонов выступает потребление наркотических средств и психотропных веществ.

Приспосабливать помещения для употребления наркотиков начали с конца XIX — начала XX в. Использование первого массового наркотического средства (опиума) требовало специального курительного оборудования и создания особых условий для его потребления. Впервые уголовная ответственность за предоставление помещений, где курили опиум, была установлена в 1915 г.

В уголовных кодексах периода развития Советского государства (1974 г.) также содержались статьи, предусматривающие ответственность за содержание и затем организацию притонов для потребления наркотических средств.

Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 г. и вступивший в силу в 1997 г., содержит ст. 232, предусматривающую ответственность за организацию и содержание наркопритона. С тех пор данная норма несколько раз подвергалась корректировкам. В настоящее время она определена следующим образом: «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

Появление новых видов наркотиков, в первую очередь «дизайнерских», существенно меняет сложившийся подход к определению притона исключительно как жилого или нежилого помещения. К примеру, употребление d-Лизергида (более известно как ЛСД/ЛСД-25) в форме «пирамидок» или пропитанных этим веществом листов бумаги небольшого размера не требует приспособления специально отведенного места, им может выступать любое место и пространство. Отсутствует необходимость в специальном помещении и при употреблении путем курения каннабиса (марижуаны). То же самое можно сказать и о других наркотиках, которые становятся все более популярными среди потребителей. Следует признать, что научно-технический прогресс внес изменения в «культуру» употребления наркотиков, которые, по мнению А.Д. Шербакова, «должны получить свое отражение и в рамках уголовно-правовых норм, посвященных противодействию незаконному обороту и распространению наркотиков» [4, с. 97–101].

Доктрина уголовного права придерживается позиции, согласно которой под притоном следует понимать жилое или нежилое помещение, которое будет использоваться для потребления наркотиков [5, с. 74–75], хотя есть и другие точки зрения.

Так, В.Н. Курченко предлагает к притонам относить «специально подготовленные участки (шалаша, землянки в лесных массивах)» [6, с. 296–298]. В.И. Кузнецова выдвигает тезис о том, что к притонам следует причислять автомобили с затонированными стеклами [7, с. 51–56]. По мнению А.Д. Шербакова, притонами могут быть автомобили, морские и речные суда, участки местности (земельные участки), авиационные суда и т.п. [4, с. 97–101].

Под притоном для потребления наркотических средств или психотропных веществ Г.М. Горничар предлагает понимать «любое жилое или нежилое помещение (строение) независимо от форм собственности, а также любое другое место, предназначенное для постоянного либо временного нахождения людей, приспособленное для потребления наркотических средств или психотропных веществ» [8, с. 105]. По мнению ученого, более узкое определение наркопритона позволит избежать ответственности за его создание и содержание.

На наш взгляд, категория «притон» устарела и редко используется. Возможно, настало время отказаться от нее в уголовном праве, конструируя норму через категорию «предоставление помещения», указывая внутри случаи квалифицированных и особо квалифицированных составов: сопряженные с корыстными целями и мотивами; группой лиц по предварительному сговору

или организованной группой; сопряженное с незаконным производством или хранением наркотика и т.д.

Функционирование притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ способствует распространению наркомании, опасных инфекционных заболеваний, развитию кустарного и лабораторного производства наркотических средств и психотропных веществ, облегчению доступа к наркотическим средствам и психотропным веществам. Именно в притонах чаще всего происходит приобщение к наркотикам, создаются предпосылки к совершению более тяжких преступлений. Сегодня притоны — одна из социально-значимых проблем общества и государства.

Сотрудники Управления по контролю за оборотом наркотиков на территории Тамбовской области активизировали оперативную работу по выявлению и ликвидации наркопритонов. В 2018 г. особое общесоциальное и правовое значение приобрела общероссийская антинаркотическая акция «Сообща, где торгуют смертью». Ее суть заключается в том, что бдительные граждане анонимно, по телефону доверия УМВД России по Тамбовской области сообщали о фактах распространения наркотиков и содержания наркопритонов. На практике встречались случаи, когда информация о постоянных сборищах лиц, ведущих аморальный и преступный образ жизни, а также сведения о местах сбыта, приобретения, употребления наркотических средств и психотропных веществ не являлись для правоохранительных органов поводом и основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 232 УК РФ. Безусловно, для квалификации преступного деяния по рассматриваемой статье сотрудник органов внутренних дел должен обладать определенными умениями и навыками, опытом работы в данной сфере. Необходимы знания алгоритма оперативных действий и тактики их проведения, документирования и сбора доказательной базы по выявлению и ликвидации наркопритонов, содержания, процесса изготовления (приготовления) и потребления наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов, предметов и прекурсоров использования и т.д.

Немаловажной проблемой привлечения к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ являются и сложности квалификации рассматриваемых преступлений. Диспозиция ч. 1 ст. 232 УК РФ, являясь альтернативным составом преступления, содержит в себе описание нескольких действий, образующих объективную сторону рассматриваемого состава. Организация или содержание притона или систематическое предоставление помещения для потребления — вот перечень тех действий, совершение одного из которых влечет за собой наличие признаков объективной стороны оконченного состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 232 УК РФ.

Обзор судебной практики по ст. 232 УК РФ показывает, что одни и те же действия в различных ситуациях получают неодинаковую квалификацию. Так, Кировским районным судом г. Санкт-Петербурга в отношении Гординой А.В. вынесен приговор по обвинению ее по ч. 1 ст. 232 УК РФ за организацию и содержание притона и систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Основанием для

постановки приговора стали следующие обстоятельства: «заведомо зная, что лица употребляют наркотические средства, во исполнении своего умысла по содержанию притона Гординская А.В. оказала им помощь для употребления наркотического средства, предоставив возможность употребить наркотическое средство в принадлежащей ей квартире, для чего обеспечила им доступ в свою квартиру, а также предоставила необходимые предметы для приготовления наркотического средства, который употребили вместе. Таким образом, Гординская А.В. забрала себе часть раствора наркотического средства в качестве вознаграждения за предоставление им в пользование квартирой — притоном» [9].

В другом случае аналогичные действия были квалифицированы только как содержание притона для потребления наркотических средств. При этом из материалов дела следует, что «осужденный Яковлев С.А., имея умысел на совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, заключающегося в содержании притона для систематического, неоднократного потребления наркотических средств, содержал по месту жительства притон для систематического потребления наркотических средств, для чего неоднократно предоставлял знакомым, а также другим лицам свою квартиру для потребления наркотических средств с помощью предоставляемых им шприцев, металлической ложки, необходимых для приготовления и потребления наркотических средств» [10].

Напомним, что, согласно Постановлению Пленума ВС РФ, «под организацией притона следует понимать подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами» [11]. В связи с этим возникает вопрос, может ли усматриваться в действиях лица, предоставляющего для потребления наркотических средств собственное жилое помещение, наличие признаков организации притона?

В кассационном определении от 12 ноября 2015 г. по делу № 41-УД 15-28 Верховный Суд РФ изменил решение суда первой инстанции, исключив указание об организации осужденным притона, оставив только содержание притона для потребления наркотических средств или психотропных веществ, ссылаясь на то, что для потребления наркотических веществ использовалось жилое помещение, которым осужденный пользовался по прямому назначению, т.е. проживал в нем [12]. Обоснованием послужило разъяснение Пленума ВС РФ.

«Под содержанием притона следует понимать умышленные действия лица по использованию помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т.п.)» [11]. Однако если нанимаемое жилое помещение используется

для потребления наркосодержащих веществ, при этом в дальнейшем используется для проживания, т.е. по прямому назначению, то как следует квалифицировать данные действия: как организацию притона (о чем прямо указывает Пленум ВС РФ) или как его содержание?

Еще одно решение по делу, по нашему мнению, заслуживает пристального внимания. Верховный суд не усмотрел в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 232 УК РФ, и прекратил уголовное дело на основании того, что для потребления наркотических средств указанным лицом использовалось жилое помещение, эксплуатируемое им по прямому назначению, правоохранительные органы зафиксировали только два эпизода потребления в нем наркотических веществ. «Само по себе употребление Цыбаном Ю.В. наркотического средства в своем жилище вместе с другими лицами в данном случае не может быть расценено как «организация или «содержание» притона» [13].

Обратимся к Постановлению Пленума ВС РФ. «По смыслу закона содержание притона будет окончательным преступлением лишь в том случае, если помещение фактически использовалось одним и тем же лицом несколько раз либо разными лицами для потребления наркотических средств и психотропных веществ. При этом не имеет значения, преследовал ли виновный корыстную или иную цель» [11]. В соответствии с данной выдержкой из документа для признания наличия в действиях виновного лица признаков преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 232 УК РФ, достаточно установить тот факт, что лицо фактически использовало помещение для потребления наркотиков.

Таким образом, сегодня судебная практика не дает однозначного ответа на поставленные проблемные вопросы квалификации по ст. 232 УК РФ.

В последнее время наблюдается снижение регистрации преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2014 г. по ч. 1 ст. 232 УК РФ было осуждено 1 549 человек, в 2015 г. — 1 036 человек, в 2016 г. — 754 человека, в 2017 г. — 432 человека [14], что обусловлено не сокращением числа потребителей наркотиков, ужесточением наказания, а изменением рынка и ассортимента наркотиков. В продаже появились более доступные синтетические вещества, что отразилось на «омоложении» наркопотребителей. Как следствие, изменилась культура потребления данных веществ, исчезла необходимость создания притонов.

Введенный после 2012 г. рецептурный отпуск коденносодержащих препаратов позволил снизить употребление дезоморфина, в результате сократилось количество наркопритонов. Для кустарного приготовления дезоморфина из таблеток требовалось отдельное помещение и кухня — некое подобие нарколаборатории. В 2017 г. на территории Тамбовской области сотрудники полиции задержали подозреваемых в организации и содержании притона. Мужчина 52-х лет и женщина 50-ти лет у себя в квартире также занимались незаконным сбытом наркотических средств. Задержанные

были причастны к 14 фактам незаконного сбыта наркотического средства а-пирролидиновалерофенон. Кроме этого, при проведении оперативных мероприятий было установлено, что бесконтактным способом через закладки подозреваемые приобрели N-метилэфедрон общей массой 1,6 грамма [15]. Следует отметить, что ранее мужчина и женщина привлекались к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Как доказывает практика, преступления, связанные с организацией притонов, более характерны для лиц, ранее судимых за незаконный оборот наркотиков и являвшихся в ряде случаев как потребителями, так и распространителями наркотиков. Указанная категория «рецидивистов-наркоманов и держателей притонов», в силу преступного опыта и судимости, ранее попадавших в поле зрения правоохранительных органов, в определенной степени осведомлена о формах и методах работы полиции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Как правило, такая категория лиц старается никого не приглашать к себе в квартиру (дом), особенно «наркоманов», опасаясь «проверочных закупок», «подброса наркотиков». Они не хранят предназначенные для собственного употребления либо сбыта наркотики по месту жительства, что обусловлено сложившейся годами психологией. Наркоманы небезосновательно полагают, что в случае подозрения владельца квартиры в причастности к незаконному обороту наркотических средств правоохранительные органы в качестве первоочередных мероприятий проведут обыск по месту жительства.

Существенной проблемой привлечения к уголовной ответственности лиц по ст. 232 УК РФ становится появление и популяризация новых более дешевых синтетических наркотиков, употребляемых орально, либо курительных смесей, не требующих приготовления инъекций, сбываемых обезличенно через Интернет и оплачиваемых через различные системы электронных платежей.

Относя распространение наркотиков к проблеме, являющейся угрозой национальной безопасности, отметим, что одна из важнейших задач противодействия данному злу — привлечение к ответственности за организацию и содержание притонов. На наш взгляд, проблема состоит как в вопросах квалификации данного преступления, так и в открытой нижней границе санкции за рассматриваемое преступление.

Список литературы:

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: А ТЕМП, 2004. — С. 601.
2. Большой юридический словарь. — URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2468064.html>.
3. Российская юридическая энциклопедия. — М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Щербаков, А.Д. Наркопритон в уголовном праве России: краткая заметка // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — Т. 11. — № 10.
5. Шалагин, А.Е. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: криминологические и уголовно-правовые аспекты: монография / А.Е. Шалагин. — Казань: КЮИ МВД РФ, 2005.

6. Курченко, В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты / В.Н. Курченко. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

7. Кузнецов, В.И. К вопросу об организации и содержании наркопритонов // Сибирский юридический вестник. — 2008. — № 1.

8. Горничар, Г.М. Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК РФ) как одна из наиболее опасных форм распространения наркотиков // Бизнес в законе. — 2011. — № 5.

9. Приговор Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга, материалы уголовного дела № 1- 688.

10. Приговор Головинского районного суда г. Москвы от 7 мая 2014 г.

11. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. от 30 июня 2015 г. № 30) // Российская газета. — 2006. — № 4103.

12. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 ноября 2015 г. по делу № 41-УД 15-28.

13. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2015 г. по делу № 18-УД15-75.

14. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 02.05.2018).

15. Официальный сайт Управления МВД России по Тамбовской области. — URL: <https://68.xn--b1acw.xn--plai/news/itcm/11325093> (дата обращения: 02.05.2018).

Е.В. Ламонов,

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры правового
воспитания Института экономики
и управления Мичуринского
государственного аграрного
университета, научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина,
заместитель председателя Тамбовского
областного суда*

E.V. Lamonov,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Legal
Education of the Institute of Economics
and Management of the Michurinsky State
Agrarian University,
Research Scientist of the Scientific
Research Institute of State and Legal
Studies Tambov State University named
after G.R. Derzhavin, Deputy Chairman of
the Tambov Regional Court
elamn@mail.ru*

Общественная палата как институт народного представительства гражданского общества (на примере Общественной палаты Тамбовской области)

Аннотация: актуальность статьи обусловлена возрастающей ролью институтов гражданского общества в защите прав и свобод граждан, в осуществлении общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. Цель статьи — проанализировать деятельность Общественной палаты Тамбовской области по согласованию интересов граждан и органов государственной власти области, органов местного самоуправления для решения наиболее общественно значимых вопросов, поддержки гражданских инициатив, осуществления общественного

контроля. Делается вывод о том, что Общественная палата является своеобразной площадкой для взаимодействия органов власти и гражданского общества в решении различных проблем региона. Высказываются ряд предложений по совершенствованию работы данного института гражданского общества.

Ключевые слова: Общественная палата, защита прав граждан, общественный контроль, общественная экспертиза, диалог, взаимодействие общества и власти.

Public Chamber as an institution of people's representation of civil society (on the example of the Public Chamber of the Tambov region)

Abstract: the relevance of the article is due to the growing role of civil society institutions in protecting the rights and freedoms of citizens, in exercising public control over the activities of public authorities. The purpose of the article is to analyze the activities of the Public Chamber of the Tambov Region in coordinating the interests of citizens and state authorities of the region, local self-government bodies for solving the most socially significant issues, supporting civil initiatives, and implementing public control. The author concludes that the Public Chamber is a kind of a platform for interaction of authorities and civil society in solving various problems of the region. A number of proposals are being proposed to improve the work of this institution of civil society.

Keywords: Public Chamber, protection of citizens' rights, public control, public examination, dialogue, interaction of society and authorities.

Социально-политическая стабильность в обществе во многом обусловлена степенью участия граждан в обсуждении и выработке решений по различным общественно значимым вопросам, в осуществлении ими контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц.

По мнению президента РФ В.В. Путина, «современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение» [1].

Исходя из конституционного принципа организации публичной власти, закрепленного в ст. 3 Конституции РФ, основной формой народного представительства является делегирование принадлежащих народу властных полномочий органам государственной власти и органам местного самоуправления, т.е. участие граждан в федеральных органах власти в федеральном, региональных законодательных органах, представительных органах местного самоуправления, в которых они выражают интересы своих избирателей.

Однако «современная демократия как власть народа не может сводиться только лишь к "походу к урнам" и им заканчиваться. Демократия ... заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и "обратной связи"» [2]. «Важнейшую роль в мотивации граждан в таком диалоге должны играть независимые общественные организации» [3, с. 2].

Важное значение в «оказании помощи органам публичной власти общественным обсуждением проектов решений постоянно действующих

органов публичной власти, выдвижении (внесении) своих инициатив, выполнении функций общественного контроля в отношении органов публичной власти и членов этих органов» [4, с. 21] имеет, помимо законодательного регионального органа и представительных органов местного самоуправления, деятельность различных общественных формирований, общественных институтов народного представительства: советов при региональном парламенте, молодежных парламентов, НКО, иных общественных формирований, ибо через данную систему институтов гражданского общества происходит реализация «доминирующих общественных интересов, а также участие наряду с государством в процессе выработки системы ценностей» [5, с. 7].

Среди указанных выше общественных институтов народного представительства значимое место в упрочении связи между представителями органов государственной власти и гражданами, в диалоге государства с гражданским обществом, в осуществлении общественного контроля за принимаемыми государственными решениями, деятельностью органов государственной власти занимает Общественная палата.

Общественная палата Российской Федерации была сформирована в соответствии с Федеральным законом РФ от 4 апреля 2005 г. № 32 «Об Общественной палате Российской Федерации» [6].

Среди ключевых направлений ее деятельности можно выделить: защиту прав и свобод граждан, осуществление общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, проведение общественной экспертизы законов и нормативных актов исполнительной власти, выработку рекомендаций органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества.

23 декабря 2016 г. Тамбовской областной Думой был принят закон № 57-3 «Об Общественной палате Тамбовской области». Цели, задачи и полномочия регионального общественного института в целом совпадают с целями Общественной палаты РФ.

Приведем примеры деятельности Общественной палаты Тамбовской области.

В январе 2018 г. советом Общественной палаты было принято решение о проведении общественных слушаний на тему «О рассмотрении инициативы регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный Фронт «За Россию» в Тамбовской области о создании лесопаркового зеленого пояса вокруг г. Тамбова».

В связи с внесением 5 декабря 2017 г. изменений в Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», согласно которым наблюдателей вправе назначать субъекты общественного контроля, был также утвержден количественный состав наблюдателей от Общественной палаты Тамбовской области на выборах Президента РФ 18 марта 2018 г.

В феврале 2018 г. советом Палаты была поддержана инициатива председателя Тамбовской областной общественной организации пенсионеров-ветеранов и инвалидов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранитель-

ных органов по увековечиванию памяти не вернувшихся с полей сражений воинов-уроженцев и жителей г. Тамбова в годы Великой Отечественной войны и сооружению мемориала.

20 февраля 2018 г. был заслушан отчет о реализации в 2017 г. государственной программы области «Развитие институтов гражданского общества на 2014–2020 годы», с которым выступил заместитель начальника управления, начальник отдела по реализации социально значимых проектов и программ управления по связям с общественностью администрации области, который ознакомил членов совета Общественной палаты Тамбовской области с основными задачами и приоритетными направлениями работы в ходе реализации данной государственной программы.

После большого общественного резонанса из-за попытки сноса старинного здания в г. Тамбове советом Палаты в январе 2018 г. было принято решение о проведении общественной экспертизы в отношении решения Тамбовской городской Думы о списании этого дома, утвержден список общественных экспертов.

Согласно заключению общественной экспертизы от 2 февраля 2018 г. № 01-31/52, часть данного здания построена не позднее 1803 г., с ним связана деятельность многих известных исторических лиц Тамбовской области, оно является исторически ценным градостроительным объектом г. Тамбова, несет признаки культурного наследия. Сохранение здания будет способствовать сохранению исторической планировки города и использованию в качестве здания для музея правителя тамбовского наместничества Г.Р. Державина.

На заседании комиссии по предпринимательству, экономическому развитию и вопросам сельского хозяйства Общественной палаты 13 сентября 2017 г. рассмотрена Стратегия развития области. Было обращено внимание на закрепление конкретных сроков и ответственных лиц по выбору решения и его реализации, высказан ряд предложений, касающихся снижения критериев конкурсного отбора инвестиционного проекта, необходимости усиления идеологии регионального патриотизма и развития бренда Тамбовщины.

Как нами ранее отмечалось, одним из направлений работы Общественной палаты является общественный контроль, позволяющий гражданам, самостоятельно защищать свои законные права и интересы, оперативно реагировать на возникающие болевые проблемы общества и сообщать о них властным структурам, обсуждая совместно с ними пути их решения.

30 марта 2017 г. было проведено заседание комиссии Общественной палаты Тамбовской области по осуществлению общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, на котором был рассмотрен особо значимый вопрос организации взаимодействия власти и общества — обращения граждан и работа с ними в органах публичного управления. Обсуждение проходило на основе изучения материалов администрации г. Тамбова.

Рабочая группа палаты обратила внимание: принципиально важным является то, что Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» ориентирован не только на своевременное предоставление ответа на обращение, но и на решение проблемы обратившегося гражданина.

По мнению членов комиссии, недостаточно активно проводится информирование населения о работе с обращениями, в связи с чем администрации города не всегда удается «работать на опережение». Не всегда досконально изучаются причины обращений, в некоторых случаях — присутствует шаблонность ответов, что приводит к повторным обращениям граждан. Данные тенденции могут провоцировать негативные проявления в медиапространстве города.

Комиссия по осуществлению общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления Общественной палаты 21 июня 2017 г. рассмотрела вопрос, связанный с экологической ситуацией в городе Рассказово и Рассказовском районе. Актуальность данной повестки дня обусловлена в том числе обращениями граждан, систематически поступающими в органы государственной власти различного уровня и органы местного самоуправления. В заседании приняли участие и выступили с докладами глава района и заместитель главы администрации города, а также официальные представители органов прокурорского надзора, Роспотребнадзора, Росприроднадзора, Управления по охране окружающей среды и природопользованию Тамбовской области и АО «Тамбовская сетевая компания».

Специально созданная рабочая группа палаты вскрыла ряд проблем, связанных с побочными результатами деятельности крупных предприятий, расположенных в границах данных муниципалитетов. По мнению членов Общественной палаты, контрольно-надзорным органам и органам местного самоуправления для улучшения экологической ситуации в г. Рассказово и Рассказовском районе необходимо ужесточить требования к руководителям ряда предприятий в вопросах обеспечения экологической безопасности. В то же время, учитывая большую значимость данных производств для социально-экономического климата муниципалитетов, все вопросы необходимо решать взвешенно, за круглым столом переговоров.

Общественной палатой проводились также и различные семинары.

Так, 28 марта 2017 г. комиссией по общественным проектам Общественной палаты Тамбовской области был организован и проведен семинар «Целевой капитал — новый источник средств для НКО, фондов, вузов, музеев», адресованный руководителям НКО, преподавателям вузов, руководителям музеев, театров, а также предпринимателям, имеющим собственные благотворительные фонды или входящим в объединения предпринимателей.

25 августа 2017 г. в Общественной палате состоялся информационно-правовой семинар «Практика и опыт некоммерческих организаций в сфере социальной поддержки семьи, материнства и детства», который проводила Автономная некоммерческая организация «Юридический Центр "Гарант"» в рамках реализации социально значимого проекта «Социально-правовая поддержка молодых родителей и беременных женщин в Тамбовской области», на котором с докладами выступили заместитель председателя Тамбовской областной Думы, председатель комиссии по поддержке общественной

самостоятельности и институтов гражданского общества Общественной палаты, директор АНО «Центр социокультурной аналитики», юрист-консульт АНО «Юридический Центр "Гарант"».

Проведенный краткий анализ деятельности Общественной палаты Тамбовской области свидетельствует о том, что данный институт гражданского общества в своей деятельности затрагивает общественно-политические, социально-экономические, культурные, экологические и другие проблемы, вопросы патриотического, правового воспитания, возникающие в жизни общества, волнующие население региона, обеспечивает взаимодействие общества, его представителей с органами государственной власти и местного самоуправления, организует и проводит общественный контроль их деятельности.

Обсуждение актуальных для общества вопросов, которое в большинстве случаев происходит с участием представителей законодательной и исполнительной власти, других государственных структур, с одной стороны, влияет на принятие ими необходимых для населения решений, на увеличение эффективности их работы, с другой стороны — способствует повышению доверия к законодательной и представительной ветвям власти и открытости.

Таким образом, можно говорить о том, что Общественная палата является своеобразной площадкой для взаимодействия органов власти и гражданского общества, «каналом влияния граждан на власть» [7, с. 29].

Не случайно губернатор Тамбовской области А.В. Никитин, касаясь в своем отчетном докладе развития гражданского общества, указал о «ключевом приоритете — расширении пространства общественного диалога». По его словам, «институты гражданского общества Тамбовщины все больше заявляют о себе в качестве реального фактора регионального, социального и общественно-политического процесса. Представители всех конструктивных общественных сил в регионе имеют возможность оказывать влияние на формирование региональной повестки дня, принятие общественно значимых решений на разных уровнях» [8].

В заключение полагаем необходимым выдвинуть ряд предложений, направленных на совершенствование работы рассматриваемого нами института народного представительства гражданского общества.

Заслуживает поддержки предложение о необходимости расширения перечня субъектов права законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ), включения в данный перечень общественных объединений, для этого необходимо внести дополнения как в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, так и в Уставы (конституции) субъектов РФ [9, с. 33]. Таким образом, более широкие круги населения смогут принять участие в законодательном процессе, оперативно реагировать на законодательное урегулирование возникающих проблемных вопросов.

Следует также изучить вопрос об обязательном рассмотрении региональными законодательными органами, органами местного самоуправления заключения экспертизы Общественной палаты законопроектов, предусмотреть в регламентах

законодательных органов субъектов РФ, а не только на федеральном уровне [10, с. 23] нормы, которые предоставляли бы право членам Общественной палаты, уполномоченным ею лицам, участвовать в обсуждении законопроектов, по которым Общественной палатой проводилась экспертиза.

Полагаем, что непосредственное участие членов Общественной палаты или их представителей в ходе рассмотрения законодательным органом законопроектов, возможность принять участие в дискуссии по рассматриваемому нормативному акту, задать вопросы, ответить по тем или иным выводам общественной экспертизы в конечном счете повлияет на принятие более совершенного законодательного акта, учитывающего более широкий спектр регламентированных им общественных отношений.

Список литературы:

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 17.04.2018).
2. Путин, В.В. Демократия и качество государства // *Коммерсантъ*. — 2012. — 6 февраля.
3. Наш человек в Общественной палате. Интервью с представителем Тамбовской области в Общественной палате Российской Федерации д.ю.н., профессором В.В. Романовым // *Вестник. Информационный бюллетень Общественной палаты Тамбовской области*. — № 41 — 42 (октябрь 2016 — март 2017). — С. 2.
4. Авакьян, С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // *Конституционное и муниципальное право*. — 2014. — № 11. — С. 21.
5. Из доклада председателя Общественной палаты Тамбовской области профессора В.Ф. Пенькова // *Вестник. Информационный бюллетень Общественной палаты Тамбовской области*. — № 41 — 42 (октябрь 2016 — март 2017). — С. 7.
6. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // СПС «Гарант».
7. Гнусарева, Ю.А. Общественная палата России в системе гражданского общества // *Власть*. — 2009. — № 10. — С. 29.
8. Отчет главы администрации Тамбовской области А.В. Никитина о результатах деятельности администрации области за 2017 год // *Тамбовская жизнь*. — 2018. — 17 апреля.
9. Ключников, А.Ю. Реализация права законодательной инициативы общественными объединениями в Российской Федерации // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. — 2015. — № 1. — С. 33.
10. Агибалов, Ю.В. О формировании механизмов, обеспечивающих участие Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов Российской Федерации в экспертизе законопроектов и государственных решений, в том числе в рамках «нулевого» чтения // *Вестник ВГУ*. — Серия: Право. — 2015. — № 4. — С. 23.

Н.А. Придворов,
доктор юридических наук, профессор,
профессор-консультант Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина

N.A. Pridvorov,
Doctor of Law, Professor,
Professor-consultant of Tambov State
University named after G.R. Derzhavin
n.pridvorova@mail.ru

Гуманитарный фактор чести и достоинства личности в праве

***Аннотация:** как нередко свидетельствует современная политико-правовая жизнь, на фоне принимаемых политических и правовых решений приходится определенное забвение фигуры человека, игнорирование его законных интересов, личностных качеств и характеристик, что порождает феномен правового отчуждения, иные негативные проявления в государственно-правовой жизни общества. В статье обозначена проблема повышения роли гуманитарного фактора в политике и праве, что должно быть связано, в первую очередь, с признанием чести и достоинства личности в качестве неоспоримого ценности-правового факта, социально-правового института, представляющего собой одно из фундаментальных оснований всей системы правового регулирования. Обращается внимание на актуальность изучения данной проблематики в ситуации обновления научной методологии правоведения. Идея чести и достоинства личности рассматривается в виде основополагающего начала в контексте всего права, в том числе всех его отраслевых направлений. Отмечается значимость всесторонней охраны и защиты чести и достоинства человека, что может выступать ключевой предпосылкой для стабилизации и устойчивого развития государственно-правовой системы общества.*

***Ключевые слова:** право, правовое регулирование, принципы права, права человека, честь, достоинство, личность, гуманитарный фактор права.*

The humanitarian factor of honour and dignity of the personality in law

***Abstract:** modern political and legal life often indicates that against the backdrop of political and legal decisions there is a certain oblivion of the figure of a person, ignoring his legitimate interests, personal qualities and characteristics, which gives rise to the phenomenon of so-called legal alienation, other negative manifestations in state and legal life of the society. The article addresses the problem of increasing of the role of the humanitarian factor in politics and law, which should be connected, first of all, with the recognition of the honour and dignity of the individual as an indisputable value-legal fact, a social and legal institution that is one of the fundamental foundations of the whole system of legal regulation. Attention is drawn to the relevance of studying of this problem in the situation of updating the scientific methodology of jurisprudence. The idea of honour and dignity of the personality is considered in the form of a fundamental principle in the context of all law, including all its sectoral areas. The importance of comprehensive protection and protection of human dignity is noted, which can be a fundamental premise for the stabilization and sustainable development of the state-legal system of the society.*

***Keywords:** law, legal regulation, principles of law, human rights, honour, dignity, personality, humanitarian factor of law.*

На современном этапе развития гуманитарного знания необходимость общетеоретического осмысления проблемы чести и достоинства личности в праве диктуется как сугубо научными, так и материальными (выражающими окружающие социальные реалии) причинами. В первом случае представляется очевидным, что ключевая, на наш взгляд, тема политико-правовой теории еще не получила пока своего полномасштабного и всестороннего рассмотрения (несмотря на появляющиеся в современной отечественной и зарубежной юриспруденции исследования [1–2]), тем более с учетом современных методологических подходов и общенаучных теорий,

которые во многом меняют устоявшиеся познавательные схемы, в том числе применительно и к названной проблеме [3]. Это требует дальнейшего развития теоретико-методологических основ данной категориальной конструкции и углубленного ее рассмотрения в категориальном аппарате науки права в целом, прежде всего фундаментальном уровне — общей теории права, и соответственно — в отраслевых науках государственно-правового цикла.

С точки зрения окружающего «материального» контекста, проблема правового гарантирования чести и достоинства личности, выражения этой ценностной субстанции во всей системе права в настоящее время как никогда нуждается в особенно детальном изучении. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что уже почти 25 лет действует российская Конституция, которая на высшем законодательном уровне закрепила приоритет прав и свобод человека, а самого человека определила в качестве высшей ценности: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ). Очевидно, пришло время проанализировать, в какой мере реализовано это фундаментальное положение в политической и правовой практике России, и понять, каковы перспективы его дальнейшего воспроизводства в динамической структуре российской социально-правовой жизни, в какой мере закрепленные в Основном законе положения об охране чести и достоинства личности (ст. 21, 23 Конституции РФ) осуществляются и как это влияет на систему права (а равно — правовую систему государства) в целом.

Анализируя современные политико-правовые реалии, в том числе пытаюсь понять природу известных (цвето-) революционных «потрясений», которые с устойчивой повторяемостью возникают в тех или иных странах мира, можно прийти к выводу о том, у социальных аномалий есть некая питательная среда из людей, неудовлетворенных своим жизненным существованием, готовых слиться с агрессивной толпой, выйти на путь экстремального развития. Во многом это означает, что личные интересы индивидуума не были в чем-то учтены государством, обществом, его жизненные стратегии не получили развития, не обнаружив необходимого формата осуществления в социально-экономических и политико-правовых данностях, а такие незабываемые элементы правового статуса личности, как честь и достоинство, не получили должного уважения и гарантирования.

Кроме того, в настоящее время все чаще говорят (во многих научных работах это подчеркивается) о так называемом феномене «отчуждения в праве» [4] или «правового отчуждения» [5] как той вариации правового порядка, при которой человек с одной стороны и право (политико-правовая система в целом) с другой стороны существуют если не во враждебном по отношению друг к другу состоянии, то как минимум в некоем параллельном измерении. Не причина ли тому «забвение» со стороны действующего права и в целом практики государственно-правового характера личных прав человека, ее «готовности» поступиться данными правами человека ради иных, нередко эфемерных, конъюнктурных, а иногда и попросту корыстных целей? Вопрос во многом риторический.

Правовая идея чести и достоинства личности, с учетом заложенного в ней правового идеала личности, должна раскрываться и воплощаться в действительность с помощью средств правового регулирования всей правовой

системы. Она должна быть объективирована во всем механизме правового регулирования и составлять его идейную пружину. Если применять к исследованию права так называемый факторный подход, то данному гуманитарному фактору чести и достоинства личности следует отвести особое (главенствующее) место в системе правовых факторов (лат. *factor* — «делающий, производящий» — причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты) [6]. Человеческий фактор вообще и его характерное проявление в форме такой основополагающей стороны, как честь и достоинство человека, благодаря которым человек способен мыслить о себе как об уникальном субъекте в системе общественных отношений и утверждать себя в качестве персоны «*sui iuris*», заслуживающей уважения и признания в праве, следует рассматривать как одно из базовых условий формируемого содержания правовых институтов, которым определяются те реальные основания, а стало быть, критерии и пределы правового регулирования поведения людей в рамках различных видов частных (и публичных) отношений и ситуаций бытия.

Как подчеркивает В.А. Бачинин, «антропосоциологические основания права» — это те «сознательные и бессознательные установки, зарождающиеся в глубинах человеческого существа». Они «выступают в качестве исходных, первичных правообразующих импульсов и приводят к появлению духовных и практических формообразований правового характера» [7, с. 30]. Честь и достоинство человека, по нашему мнению, и составляют те фундаментальные характеристики статуса личности вообще и правового статуса — в преломлении к правовому контексту, которыми обуславливается феномен права, определяется его сущностная основа.

Исследуя сущностно-содержательную сторону идеи чести и достоинства личности в праве, можно сделать вывод о том, что данная идея, закрепленная в механизме правового регулирования, выражает ценностно-ориентирующее, повелительно-регулирующее и мотивационно-стимулирующее значение. Она наиболее концентрированно и многосторонне, синтетично отражает характерные стороны морально-правового сознания и потребности человека в достойном его существовании, а затем опосредуется в специфической юридической структуре различных общественных отношений.

Ведущее положение идеи чести и достоинства человека в совокупности юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, выражающие честь и достоинство личности, обуславливается тем, что в нем — определяющем понятии и продукте человеческого мышления — в концентрированном виде выражена фундаментальная закономерность развитого общества — высшая ценность человека. Идея чести и достоинства личности теоретически и практически реализуется во всей совокупности юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на различные общественные отношения. Являясь определяющим понятием всей правовой теоретической системы, данная идея преломляется во всем механизме правового регулирования, одухотворяя правовую организацию общественных отношений, практику правотворческой и правоприменительной деятельности.

Идея чести и достоинства личности выполняет синтезирующую функцию. Она объединяет различного рода категории правового положения личности, а также другие правовые категории теории права в единую теорию личности в правоведении. Посредством основных элементов механизма правового регулирования (нормативная основа, нормативные акты, правоотношения, индивидуальные акты, правосознание и правовая культура) идея чести и достоинства личности в закрепляемых и упорядоченных правом общественных отношениях становится объективной реальностью. Эта мысль, получившая обоснование в целом ряде наших более ранних работ [8], уже на современном этапе находит подтверждение в исследованиях и доктринальных положениях не только отечественных, но и, главным образом, зарубежных правоведов. Так, известный представитель современной европейской гуманитарной юридической науки Ю. Хабермас (Франкфуртская школа права, Германия) в своей работе, подготовленной на основе сделанного в 2000 г. на Международной конференции в Москве, приуроченной к 80-летию Института философии РАН, доклада «Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» справедливо утверждает: «человеческое достоинство» следует считать не просто классифицирующим выражением, своего рода муляжом, за которым прячется множество различных феноменов, но моральным «источком», который по содержанию питает все базисные права» [2, с. 68]. И далее правоведом приводится не менее весомая метафора: «“Достоинство человека” — это сейсмограф, который показывает, что права — и именно права, которые должны дать гражданам политическую общность, позволив им уважать друг друга как членов добровольной ассоциации свободных и равных, — что они конститутивны для демократического правопорядка. Лишь обеспечение этой категории прав человека создает статус граждан, которые как субъекты равноправия правомочны притязать на то, чтобы быть уважаемыми в их человеческом достоинстве» [2, с. 69–70].

Будучи синтезированным и концентрированным отображением действительности, идея чести и достоинства личности в праве представляет собой отражение сущности человека, его многоаспективной ценности, поскольку она, как об этом сказано во Всеобщей декларации прав человека, наряду с равными и неотъемлемыми правами людей, является предпосылкой к воплощению в жизни свободы, справедливости и согласия между членами общества и государствами: «Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [9]. Выражая морально-правовую ценность и общественную значимость личности, идея чести и достоинства является основополагающим понятием для всех правовых явлений (норма права, правовые институты, отрасль права, правоотношение, субъективное право, юридическая обязанность и т.д.), которые могут рассматриваться как моменты объективизации этой идеи, которая предстает как структурообразующий фактор права.

Идея чести и достоинства личности — важный исходный элемент правового статуса личности, составляющий его основу. Отдельные структурные элементы и понятия правового положения личности (права, свободы, обязанности, юридические гарантии, гражданство, правосубъектность) дают представление о дан-

ной идее, они основываются на ней и выражают ее разные стороны. В целом каждый индивид, отдельная личность обладает качествами субъекта права в силу чести и достоинства, присущих человеческой личности. В сложной системе правовых явлений данный феномен в своем многоплановом выражении переплетается и взаимодействует с широким комплексом самых разнообразных экономических, политических, семейных, культурных, этических, нравственных отношений, существующих в обществе. Поэтому правовое регулирование, охватывающее все эти сферы общественной жизни, в каждом из своих компонентов, в каждом из своих отраслевых направлений в той или иной мере отражает данный феномен, подчиняется влиянию этого гуманитарного основания.

Являясь исходным положением социально-политической и нравственной природы права, идея чести и достоинства личности пронизывает многие правовые нормы конституционного, трудового, гражданского, уголовного и других отраслей законодательства. Идея чести и достоинства человека объективно существует и в правовых принципах, поскольку в них преломляется и конкретизируется фундаментальная закономерность и цель права — высшая ценность личности. Это характерно не только для руководящих начал конкретных основных отраслей права, идея чести и достоинства распространяется на принципы судебной деятельности (институты уголовно-процессуального, гражданско-процессуального права), а также на принципы права в целом: гуманизм, демократию, равноправие, справедливость, народовластие, единство прав и обязанностей, которые призваны играть важную роль в раскрытии содержания идеи чести и достоинства человека.

Данные принципы выступают своеобразными определениями этой идеи. Учитывая синтезирующую функцию идеи чести и достоинства личности, ее руководящее, основополагающее начало в формировании права, формами выражения данной идеи могут быть общие, отраслевые, межотраслевые принципы права и правовых институтов. Помимо всего, идея чести и достоинства личности самостоятельно выступает в качестве правового принципа. Данная идея может быть в полном и точном смысле слова названа правовой, поскольку общезначимость условий ее существования связана с государственно-организационными мерами ее обеспечения и охраны. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», «право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом», а потому предполагает всемерную охрану и защиту, прежде всего, средствами правосудия в Российской Федерации на основе российского законодательства, а также общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [10].

Таким образом, идея чести и достоинства личности представляет систему разнообразных, но взаимосвязанных элементов, обуславливающих многоаспектную ценность личности человека. Она представляет собой конститутивный элемент многочисленных опосредствованных правом общественных отношений, их активную, динамическую и творческую сторону, состоящую из разнообразных, но взаимосвязанных компонентов,

к существенным элементам которой относятся многие общественные отношения, выражающие сущность ценности человека, а также свойства и качества, лежащие в основе человеческого, личного и профессионального достоинства. По этой причине феномен чести и достоинства личности обоснованно можно рассматривать как проявление действия гуманитарного фактора права, сообщающего такому истинное человеческое содержание и определяющего его общечеловеческую ценность.

Список литературы:

1. Дробышевский, С.А. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: монография / С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова. — Красноярск: ИПК СФУ, 2009. — 160 с.
2. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. — 2012. — № 2. — С. 66–80.
3. Шагиева, Р.В. Человек в правовой сфере: личностно-деятельностный подход / Р.В. Шагиева, В.Н. Казаков. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. — 208 с.
4. Сырых, В.М. Отчуждение и право // Право. Законодательство. Личность: сб. науч. тр. — Саратов, 2008. — Вып. 3. — С. 9–25.
5. Соломко, З.В. Теоретические проблемы правового отчуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.В. Соломко. — М., 2005. — 26 с.
6. Придворов Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 400 с.
7. Бачинин, В.А. Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. — 2001. — № 3. — С. 27–39.
8. Придворов, Н.А. Достоинство личности и социалистическое право / Н.А. Придворов. — М.: Юрид. лит., 1977. — 136 с.
9. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. — 1995. — № 67; — 1998. — № 235.
10. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. — 2005. — № 3719.

А.В. Савина,

*старший преподаватель кафедры
гражданского права Института
права и национальной безопасности
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

A.V. Savina,

*Senior lecturer of the Civil Law
Department Institute of Law and National
Security Tambov State University named
after G.R. Derzhavin
anna.savina56@mail.ru*

О приоритетных направлениях бюджетно-правовой политики в современной России

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью государственной политики в сфере публичных финансов. Цель статьи — проанализировать и понять важность политических и экономических планов государства, установить их соотношение с положениями основного закона о бюджете. Автор обращает внимание на роль Послания Президента РФ Федеральному Собранию, в котором отражены интересы государства, являющиеся стратегическими, устанавливает взаимосвязь с иными нормативно-правовыми актами органов государственной власти, в которых закрепляются приоритетные направления бюджетно-правовой политики.

Ключевые слова: бюджетно-правовая политика, бюджетные правоотношения, бюджет, публичные фонды денежных средств, финансовые правоотношения.

About priority directions of budgetary-legal policy in modern Russia

Abstract: the relevance of the article is due to the importance of public policy in the field of public finance. The purpose of the article is to analyze and understand the importance of the state's strategic plans and to establish their correlation with the provisions of the basic law on the budget. The author draws attention to the role of the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, which reflects the interests of the state, which are strategic, and establishes an interconnection with other regulatory legal acts of state power bodies that fix priority areas of fiscal policy.

Keywords: budget-legal policy, budgetary legal relations, budget, public funds of funds, financial relations.

Обращение к вопросу о приоритетных направлениях бюджетно-правовой политики в современной России обусловлено в определенной мере аспектом реализации стратегических задач формирования долгосрочной устойчивости и проведения структурной трансформации экономики современной России. Как отмечается на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации (далее — Минфин РФ), в настоящее время происходит «плавная адаптация бюджетной политики к новой внешней реальности» [1].

В рамках заявленной темы представляется важным обратить внимание на такой аспект, как бюджетно-правовая политика, которая является неотъемлемой частью финансово-правовой политики государства. Учеными-финансоведами подчеркивается, что «... важно отличать финансово-правовую политику от финансовой (финансово-экономической) политики государства. Первая является разновидностью правовой политики в сфере финансов, а последняя — проявлением государственной политики в финансовой сфере жизни общества» [2, с. 255].

Как отмечает Е.Г. Беликов, «эффективное выполнение публично-правовыми образованиями своих задач и функций в целях социально-экономического развития страны, повышения уровня жизни граждан невозможно без взвешенной, последовательной экономической и правовой политики государства. В связи с этим важнейшими составляющими последней выступают соответственно финансовая политика и финансово-правовая политика» [2, с. 255].

По словам Д.Л. Комягина, бюджетная политика прежде всего является государственной и правовой. Иными словами, представляет собой деятельность, которая осуществляется государством в правовых формах [3, с. 27].

Думается, что первостепенную роль, отражающую сущность бюджетно-правовой политики государства, необходимо отвести таким нормативно-правовым актам, как Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее — БК РФ) [4], Федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» [5]; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» [6].

В Послании Федеральному Собранию Президент РФ особенно подчеркнул необходимость принятия таких фискальных решений, которые обеспечат пополнение бюджетов, причем всех уровней, а также исполнение всех социальных обязательств и при этом будут не сдерживать, а стимулировать экономический рост.

Важно сделать акцент на то, что для понимания ключевых аспектов приоритетных направлений бюджетной политики следует обратить внимание на осуществление адресных целевых программ, а также на формирование государственных целевых денежных фондов, создаваемых как в рамках бюджетов, так и отдельно от них.

Вместе с тем необходимо заметить, что в современной бюджетно-правовой политике государства имеет место решение такой задачи, как расширение потенциала сбалансированного развития страны. Так, в Проекте Минфина РФ «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» предлагается решать обозначенную задачу в двух направлениях: 1) обеспечивая стабильность и предсказуемость экономических и финансовых условий; 2) устраняя структурные дисбалансы и препятствия для их развития.

Следует учитывать, что цикличность рыночной экономики во многом зависит от внешней политики государства, финансовых и иных экономических кризисов. Анализируя социально-экономическую ситуацию в стране и механизмы правового регулирования бюджетных отношений в период с 2015 по 2017 г., можно согласиться с Минфином РФ в том, что в этот период в России «происходила подстройка бюджета к новой внешней реальности» [7].

В настоящее время отражение сущности бюджетно-правовой политики должно в первую очередь основываться на изучении целей и задач, сформулированных в документах об основных направлениях бюджетной политики государства, но определенным образом соотноситься с фискальным решениями, выраженными в законе о бюджете.

Отметим, что, несмотря на это, не теряют своей актуальности направления бюджетной политики по повышению эффективности формирования доходов и осуществления расходов на всех уровнях бюджетной системы. Это актуально постольку, поскольку стратегическое планирование и основной финансовый план государства должны выражать публичный интерес. Думается, именно поэтому Минфин РФ предлагает концентрировать бюджетные расходы на приоритетных направлениях, сокращая количество и трансформацию иных межбюджетных трансфертов. Указанным органам власти также предлагается определить перечень направлений, по которым будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов РФ и муниципальных образований. Наряду с этим, интересна идея систематизации и законодательного закрепления так называемых неналоговых платежей. В связи с этим Минфином РФ разработан проект федерального закона «О регулировании отдельных обязательных платежей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [8]. Исследуя положения данного проекта, следует обратить внимание на дефиницию, которую вводит законодатель.

Так, под обязательными платежами предлагается понимать уплачиваемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными на территории Российской Федерации, а также иностранными лицами, платежи, которые отвечают соответствующим критериям. Одним из критериев выступает то, что «платеж является индивидуально-безвозмездным платежом, платежом, взимаемым государственными (муниципальными) органами, учреждениями, унитарными предприятиями за выдачу измененные) документов, подтверждающих права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, иных документов (сведений), необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, платежом, уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен платеж, отдельных видов предпринимательской деятельности, либо платежом, взимаемым иными организациями, внесение которого является условием движения тяжеловесного транспортного средства по автомобильным дорогам общего пользования».

Ввиду сложности правовой конструкции, думается, что темой отдельной дискуссии должен быть п. 2 ст. 7 Проекта указанного закона, где предусматривается невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанности плательщика обязательного платежа. Возникает вопрос формирования признаков таких платежей, позволяющих сравнивать их с добровольными платежами, входящими в систему налогов и сборов.

Еще одним основным направлением бюджетно-правовой политики государства служит цифровизация и интеграция всех источников информации, относящихся к бюджетной сфере. Например, продолжает активно развиваться государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет».

Таким образом, сфера бюджетно-правовой политики таит в себе и другие не менее актуальные проблемы, которые остались за рамками настоящей статьи. Подводя итог, необходимо отметить, что, учитывая сложный механизм осуществления бюджетно-правовой политики в стране, важно стремиться к повышению устойчивости бюджетов всех уровней бюджетной системы. Достичь такого эффекта возможно путем формирования надежных правовых конструкций и обеспечения функционирования бюджетной системы вне зависимости от экономических кризисов.

Список литературы:

1. Покачалова, Е.В. Финансово-правовая политика России в сфере государственного долга в условиях глобализации экономики // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. — 2005. — Т. 2. — № 34. — С. 17–23.
2. Беликов, Е.Г. Проблемы финансово-правового обеспечения развития Российской Федерации как социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / Е.Г. Беликов. — Саратов, 2016. — 534 с.
3. Комягин, Д.Л. Правовая форма бюджетной политики // Очерки бюджетно-правовой науки современности: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой и Н.П. Кучерявенко. — М.; Харьков: Право, 2012. — С. 27–43.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. — 1998. — № 153–154.

5. О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов: федеральный закон РФ от 19 декабря 2016 г. № 415-ФЗ // Российская газета. — 2016. — № 292.

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Парламентская газета. — 2018. — № 8с.

7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. — URL: <https://www.minfin.ru/ru/press/releases/budget/policy/#ixzz5EeM37Hy4/> (дата обращения: 01.05.2018).

8. Проект Федерального закона «О регулировании обязательных платежей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (подготовлен Минфином России). — URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 01.05.2018).

Э.А. Сатина,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и
процесса Тюменского государственного
университета, научный сотрудник
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

Н.А. Иванова,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

E.A. Satina,

*Candidate of Law, Associate Professor
of Tyumen State University,
Research scientist of the Scientific
Research Institute of State and Legal
Studies Tambov State University named
after G.R. Derzhavin
Elvirasatina@yandex.ru*

N.A. Ivanova,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
Nelli1004@yandex.ru*

Соотношение мер ответственности и мер защиты в гражданском праве России

Аннотация: правовое регулирование общественных отношений в современном мире невозможно без применения мер защиты и мер ответственности, что свидетельствует о несомненной актуальности обозначенной проблемы. Цель статьи — рассмотреть соотношение мер ответственности и мер защиты в гражданском праве России — была достигнута с помощью общенаучных (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой). В статье рассматриваются разные точки зрения, демонстрирующее видение проблемы соотношения мер защиты и мер ответственности. Анализируется понятие гражданско-правовой ответственности, выявлены ее характерные признаки, основания и условия. Сделан вывод о том, что меры, направленные на предотвращение, пресечение, устранение нарушений гражданских прав, восстановление нарушенного состояния, применяемые при отсутствии оснований, какого-либо условия ответственности, следует относить к мерам защиты.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовая ответственность, меры юридической ответственности, меры защиты, основание юридической ответственности, правонарушение, причинно-следственная связь, противоправность, вина.

Correlation of measures of responsibility and protection measures in the civil law of Russia

Abstract: legal regulation of social relations in the modern world is unthinkable without the use of protection measures and measures of responsibility, which indicates the relevance of the indicated problem. The purpose of the article is to consider the correlation of measures of responsibility and protection measures in the civil law of Russia. Achievement of this goal was achieved through general scientific (dialectical, analysis, synthesis) and private-science methods (formal legal, comparative-legal). The article considers

various points of view, demonstrating a vision of the problem of the correlation of protection measures and measures of responsibility. The concept of civil liability is analyzed, its characteristic features, the basis and conditions are revealed. On the basis of the conducted research the author concluded that in the absence of grounds or at least one of the conditions of legal responsibility, it is necessary to classify protection measures as prevention, suppression, elimination of violations of civil rights, restoration of the disturbed condition.

Keywords: civil law, civil-law responsibility, ways to protect civil rights, measures of legal responsibility, protection measures, the basis of legal liability, offense, cause-effect relationship, wrongfulness, guilt.

Статья 2 Основного Закона РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», однако недостаточно только провозгласить права и свободы, необходим надежный механизм их защиты. В правовом государстве защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, осуществляемая при помощи системы различных правовых средств. Формирование эффективного механизма защиты гражданских прав и законных интересов выступает важной предпосылкой формирования гражданского общества.

В ст. 12 Гражданского кодекса РФ законодатель закрепил открытый перечень способов, с помощью которых возможна защита нарушенных гражданских прав. Понятие «способы защиты» в гражданском законодательстве не раскрывается, не имеет оно и общепризнанной дефиниции в науке. В словарях русского языка слово «способ» толкуется по-разному. Рассмотрим некоторые из его определений. «Способ — это действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [1]. В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова способ определяется как «тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели» [2]. Из приведенных определений следует вывод о том, что способ всегда связан с совершением определенных действий, с достижением какой-либо цели. В связи с этим под способом можно понимать совокупность и порядок действий, используемых для достижения какой-либо цели, в более широком смысле способ — это совокупность условий, необходимых для поддержания какого-либо состояния. Говоря о способах защиты гражданских прав, под таковыми следует понимать санкционированные государством средства и приемы, выраженные в конкретных действиях в целях предотвращения, пресечения, устранения нарушений гражданских прав, восстановления нарушенного состояния.

Как верно подмечает А.А. Кравченко: «Способы защиты субъективных гражданских прав делят на меры защиты и меры ответственности» [3, с. 94]. Что касается критерия, положенного в основу разграничения мер защиты и мер ответственности, по данному вопросу в отечественной юридической науке не сложилось единого подхода, можно лишь выделить три основных. В соответствии с первым подходом в качестве разграничительного критерия указывают на основание применения мер, основанием для применения мер юридической ответственности является совершение правонарушения, а применение мер защиты возможно при объективно противоправном поведении [4, с. 280]. Сторонники второго подхода полагают, что меры защиты и меры ответственности следует отличать по характеру последствий, отсутствие отрицательных последствий и государственного осуждения характерно для мер защиты и этим отличает их от юридической ответственности [5, с. 60]. Представители третьего подхода, изучая соотношение мер защиты

и мер юридической ответственности, делают вывод о том, что меры защиты направлены на достижение такой цели, как обеспечение исполнения первоначальной юридической обязанности, восстановление нарушенного состояния, предупреждение и пресечение правонарушения; цель мер ответственности — наказать и покарать правонарушителя [6, с. 37].

Нельзя не признать, что все многообразие точек зрения по вопросам разграничения мер защиты и мер ответственности не укладывается в рамки трех обозначенных подходов, в науке существуют и иные позиции, высказываются предложения о выявлении универсального разграничительного критерия либо совокупности критериев. Так, по мнению Д.Н. Кархалева, «универсальным критерием для разграничения мер защиты и мер ответственности является наличие внеэквивалентных имущественных лишений, характерных для гражданско-правовой ответственности» [7, с. 20]. Ученый обращает внимание на то, что меры ответственности всегда сопряжены с лишением денег, вещей, ценных бумаг, иного имущества, приводит такие примеры, как уплата неустойки, конфискация, выселение и др.

Разграничивая меры защиты и меры ответственности, некоторые ученые предлагают использовать не один критерий, а совокупность критериев, в качестве таковых, как правило, указывают: основания применения, функции применяемых мер, последствия применения, субъекты применения и др. В частности, Д.А. Липинский и А.Г. Бессолицын отмечают, что «меры защиты отграничиваются от мер юридической ответственности на базе нескольких характеристик» [8, с. 16].

Интересна позиция А.А. Кравченко, который, проанализировав различные точки зрения по рассматриваемой проблеме, предложил иной подход — синтетический. «Деление производится исходя из основания применения принудительной меры (если необходимо учитывать вину в составе правонарушения, применяется мера ответственности; если нет — мера защиты, которая формулируется законодателем). Однако такой критерий не выводится из правовой природы способа защиты, он искусствен и поэтому условен» [3, с. 99]. А.А. Кравченко делает вывод о том, что способ защиты субъективных гражданских прав может выступать мерой защиты и мерой ответственности. Так, например, взыскание неустойки имеет две формы реализации: в случае, если произошла задержка отправления транспортного средства, то взыскание неустойки реализуется в форме меры защиты, если имеет место нарушение обязательства, то в форме меры ответственности.

В юридической науке высказывается мнение и о нецелесообразности полного отграничения мер защиты и мер ответственности. В подтверждение такой позиции приводятся разные аргументы. Например, А.А. Кондрашев пишет: «Полное отграничение мер защиты от ответственности неправомерно, иначе возможны реальные проблемы в процессе правоприменения. Особенно очевиден этот факт при анализе оснований и условий приращения к ответственности и использования мер защиты, т.к. их жесткая дифференциация способна породить (и уже порождает) случаи произвольного толкования судами и иными правоприменительными органами норм закона, предусматривающих применение принудительных мер» [9, с. 398].

Анализируя ст. 12 Гражданского кодекса РФ, можно заметить, что все способы защиты субъективных гражданских прав различаются по своей правовой природе, порядку и форме применения. Некоторые из этих способов законодатель определенно связывает с институтом ответственности. Так, возмещение убытков и взыскание неустойки регулируются нормами гл. 25 Гражданского кодекса РФ «Ответственность за нарушение обязательств» и применяются как меры ответственности за нарушение обязательств. Из этого не следует вывод, что возмещение убытков и взыскание неустойки во всех случаях реализуются в форме ответственности, например, ст. 1003 Гражданского кодекса РФ предоставляет комитенту право отказаться от исполнения договора комиссии, возместив комиссионеру убытки, которые он потерпел в связи с отменой поручения. В этом случае возмещение убытков не связано с правонарушением, не является мерой ответственности и предусмотрено законом как последствие отмены поручения.

В результате многолетней дискуссии о разграничении мер защиты и мер ответственности многие ученые пришли к выводу, что «меры защиты отличаются от мер ответственности тем, что не обладают признаками гражданско-правовой ответственности» [10, с. 94]. Данный подход осложняется тем, что проблема ответственности, как одна из актуальных в праве, охватывает огромное число научных исследований, но до настоящего времени не сложилось общепринятого определения юридической ответственности. Вариативность содержания данного понятия обусловлена многоаспектностью проявлений ответственности, многообразием ее форм и видов. Юридическая ответственность выступает объектом исследования общей теории права и отраслевых наук, в том числе гражданского права. На наш взгляд, под гражданско-правовой ответственностью следует понимать санкционированные государством неблагоприятные юридические последствия имущественного характера для лица, указанного в законе, в связи с совершением правонарушения [11, с. 45]. Гражданско-правовая ответственность характеризуется следующими признаками: носит ретроспективный характер; применяется на основе нормативных конструкций, закрепленных нормами материального и процессуального права; заключается в претерпевании невыгодных последствий правонарушения имущественного характера; основанием имеет совершение правонарушения; ответственность санкционирована государством, что предполагает использование силы государства не только посредством применения (угрозы применения) государственного принуждения, но и использования стимулов, убеждения, поощрения, пропаганды и др.

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности необходимо наличие основания и условий, предусмотренных законом. Основанием ответственности в гражданском праве является наличие вреда (убытков) во внедоговорных отношениях, в договорных отношениях основанием служит нарушение условий договора. Кроме основания для применения мер гражданско-правовой ответственности необходимо наличие таких условий, как: противоправность (противозаконность) деяний правонарушителя, причинно-следственная связь между этими деяниями и возникшим вредом и, наконец, условием ответственности выступает вина лица, ответственного за совершение правонарушения. В тех случаях, когда отсутствует основание

ответственности или хотя бы одно из указанных условий ответственности, то меры, направленные на предотвращение, пресечение, устранение нарушений гражданских прав, восстановление нарушенного состояния, будут являться мерами защиты.

Список литературы:

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. — 752 с.
3. Кравченко, А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. — 2015. — № 2. — С. 94–104.
4. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. — М., 1981. — Т. 1. — 320 с.
5. Хачатуров, Р.Л. Юридическая ответственность / Р.Л. Хачатуров, Р.Г. Ягутян. — Тольятти, 1995. — 200 с.
6. Ардашкин, В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 33–39.
7. Кархалев, Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Н. Кархалев. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.
8. Липинский, Д.А. О разграничении мер защиты и мер ответственности / Д.А. Липинский, А.Г. Бессолицын // Современное право. — 2013. — № 4. — С. 12–16.
9. Кондрашев, А.А. Конституционно-правовая ответственность и иные правовые средства в механизме охраны конституционного строя (меры защиты, контроля и надзора) // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. — 2010. — Вып. 10. — С. 394–416.
10. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. — Свердловск, 1972. — 212 с.

В.Ю. Самородов,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

V. Y. Samorodov,

*Senior lecturer of the department of theory and history of state and law of Tambov State university named after G.R. Derzhavin
vova.samorodov@yandex.ru*

Культурный аспект современной правотворческой политики (опыт осмысления проблемы)

Аннотация: актуальность статьи обусловлена значением роли культуры в современной правотворческой политике как деятельности, непосредственно влияющей на современное правотворчество и преобразующей его. Основная цель статьи — выявление культурного аспекта современной правотворческой политики и его анализ посредством соотношения современной правотворческой политики и культуры правотворчества, выделения их общих признаков. Проводится рассмотрение и анализ ряда понятий правотворческой политики и культуры правотворчества в контексте различных авторских интерпретаций. Характеризуются общие признаки и обоснование взаимосвязи современной правотворческой политики и культуры правотворчества. Отмечается, что правотворческая политика как определенная деятельность государственных и негосударственных

органов может определять и содержать необходимые меры, направленные на прогрессивное повышение культуры правотворческого процесса. При написании статьи применялись общенаучные (диалектика, анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический, системный, сравнительно-правовой) методы. Обращается внимание на необходимость отражения в правотворческой политике социокультурных факторов и раскрытия творческого потенциала данной деятельности.

Ключевые слова: юриспруденция, культура, политика, правовая политика, современная правотворческая политика, правотворчество, правотворческая культура.

Cultural aspect of modern law-making policy (experience of understanding the problem)

Abstract: the relevance of the article is determined by the importance of the role of culture in modern law-making policy as an activity that directly affects the modern law-making and transforms it. The main purpose of the article is to identify the cultural aspect of modern law-making policy and its analysis through the relationship of modern law-making policy and the culture of law-making, highlighting their common features. A number of concepts of law-making policy and law-making culture are considered and analyzed in the context of various author's interpretations. General features in justification of interrelation of modern law-making policy and culture of law-making are characterized. It is noted that law-making policy as a certain activity of state and non-state bodies can determine and contain the necessary measures aimed at the progressive improvement of the culture of law-making process. General scientific (dialectics, analysis, synthesis) and private scientific (formal-legal, systemic, comparative-legal) methods were used in the writing of the article. Attention is paid to the necessity of reflection in law-making policy of social-cultural factors and disclosure of creative potential of this activity.

Keywords: jurisprudence, culture, policy, legal policy, modern law-making policy, law-making, law creation culture.

Проблемы правовой политики достаточно давно исследуются многими учеными. Актуальность одного из фундаментальных вопросов, находящегося на стыке правовой и политической наук, обусловлена постоянным развитием права. Правовая политика способна конструировать развитие правового вектора в государстве и обществе, задавать и обозначать его курс. Правовая политика, словно карта, призвана направлять корабль права, и, конечно, от этого курса во многом зависят и преобразования в праве. «Главная задача российской юридической политики — правовое обеспечение проводимых реформ, демократизации общественной жизни, стабильности и правопорядка в стране» [1, с. 470]. Если мы зададимся вопросом, каким должно быть развитие правовых институтов и какое место в государстве будет отведено праву в ближайшем будущем, то ответ на него должен содержаться в правовой политике нашего государства, цели которой необходимо определять в тесном взаимодействии государства и общества. Правовая политика должна быть понятна не только специализированным субъектам, например, политикам или депутатам, но и рядовым гражданам.

Правотворческую политику и правовую политику можно соотнести как часть и целое, где правотворческая политика, являясь частью обширной юридической категории правовой политики, неразрывно связана с ней посредством единой правовой природы, как право и правотворчество. Правотворческая политика стала объектом основательных исследований сравнительно недавно, в начале XXI в.; данная проблема набирает серьезный теоретический ресурс, наполняется содержанием, вызывает многочисленные дискуссии и споры в

научных кругах, становясь предметом обсуждения на конференциях и круглых столах [2–6]. Безусловно, интерес к данной проблематике вытекает из общего активного изучения правовой политики как юридической категории [7–8]. Необходимо отметить, что «правовую политику не следует отождествлять с правотворческой политикой. Последняя выступает одной из форм правовой политики (наряду с формами правоприменительной, правореализационной, правообучающей, доктринальной и др.)» [9, с. 8]. Правотворческая политика, несомненно, является частью правовой политики. Например, исследователи Т.Н. Москалькова и В.В. Черников в содержании правовой политики выделяют несколько направлений (форм): правотворческое (нормотворческое), правоприменительное, правоохранительное и правоинтерпретационное, при этом акцентируя внимание на том, что «правотворческому направлению среди них принадлежит особая роль. Связано это с тем, что именно нормативные акты выступают тем действенным и естественным каналом, через который реализуется потенциальная энергия права» [10, с. 18]. Соглашаясь с вышеприведенными мнениями, можно констатировать, что правотворческая политика действительно весомая часть правовой политики в целом, одна из ее форм, призванная направлять, моделировать курс создания и развития будущего позитивного права.

В статье мы попытаемся раскрыть содержание культурного аспекта современной правотворческой политики, поделиться опытом осмысления данной проблемы. Возможно, что она освещалась небольшими штрихами в различных статьях, посвященных правотворческой политике и правовому творчеству, но, скорее всего, не становилась предметом изучения отдельной статьи, иного научного труда. Во многом этим обусловлен интерес к выбранной тематике и ее актуальность. Одним из наиболее важных аспектов, с нашей точки зрения, является проблема соотношения культуры правотворчества и правотворческой политики, взаимосвязь и общие подходы к раскрытию содержания данных правовых категорий.

Говоря о правотворческой политике, следует понимать ее содержание, знать, что подразумевается под этим юридическим термином, прочно входящим в современный юридический научный оборот.

Дифференцируя понятие правотворческой политики, считаем возможным сослаться на известных исследователей, продолжительное время занимающихся ее изучением. Например, А.А. Мазуренко под правотворческой политикой понимает «особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права» [2, с. 20].

Достаточно аргументированным и лаконичным является определение А.В. Малько и В.В. Трофимова. Под правотворческой политикой понимается «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, связанная с разработкой и принятием

качественных и эффективных правовых решений, обеспечивающих стабильное и, вместе с тем, прогрессивное развитие государства и общества» [9, с. 8–9].

Анализируя определения, можно сделать вывод, что правотворческая политика — это, прежде всего, *деятельность* государственных и негосударственных органов, направленная на *определение стратегии и тактики* правотворчества, на создание *непротиворечивой целостной системы* права, также связанная с разработкой *качественных и эффективных правовых решений*, обеспечивающих стабильное и прогрессивное развитие государства и общества. Они с достаточной аргументированностью раскрывают содержание правотворческой политики, дополняя друг друга.

Вместе с тем правотворческую политику невозможно отобразить в одном определении: это достаточно масштабная деятельность, многоплановая и разноуровневая, которая, по нашему мнению, всегда должна являться определенным призывом действовать, развивать, совершенствовать.

Говоря о культурном аспекте современной правотворческой политики, нельзя не остановиться на достаточно сложном и интересном явлении культуры правотворчества, которое все больше начинает притягивать к себе интерес исследователей. Под культурой правотворчества мы будем понимать «обусловленную общим культурным фоном страны (государства), нации (народа), сложившимися традициями политики (искусства) государственно-правовой деятельности, доминирующими свойствами политико-правовой системы совокупность социально-правовых, материально-организационных, процедурно-процессуальных, технико-юридических, личностно-образовательных характеристик, мероприятий и требований, сопровождающих процесс подготовки и принятия правотворческих решений и предъявляемых к таковому, определяющих уровень и качество осуществляемого в государстве правового творчества, конструктивную реализацию всех правотворческих функций, способствующих достижению единого запланированного правотворческого результата в виде правовых актов нормативного характера, содержащих нормативные правовые предписания, нормы права и согласованные юридические конструкции с необходимым социально-правовым эффектом действия» [11, с. 48].

Исследуя приведенное выше определение, мы видим, что понятие культуры правотворчества включает в себя набор характеристик, мероприятий и требований, определяющих его *уровень и качество, конструктивную реализацию* всех правотворческих функций, способствующих достижению *единого* запланированного правотворческого *результата*, с необходимым социально-правовым *эффектом действия*.

Исходя из этого, можно обозначить определенное сходство в соотношении понятий правотворческой политики и культуры правотворчества, но нельзя говорить об их тождественности. Возможно предположить, что правотворческая политика — это, прежде всего, деятельность, а культура правотворчества в соотношении с ней может рассматриваться как некоторая констатация этой деятельности, где на этом основании могут предлагаться определенные меры, требования, направленные на повышение правотворческой культуры.

Действительно, сама правотворческая политика как факт и ее деятельное осуществление или неосуществление обозначает уровень правотворческой культуры, но и с помощью правотворческой политики мы способны изменить, повысить культуру правотворчества и процесса, точнее, запланировать определенные действия, направленные на повышение правотворческой культуры. По нашему мнению, эти понятия взаимосвязаны и благотворно дополняют друг друга, т.к. культура правотворчества должна быть признаком эффективной правотворческой политики, к чему необходимо стремиться, в первую очередь, путем активного привлечения к данной деятельности гражданского общества и взаимодействия с ним. Сравнительный анализ позволяет нам выделить ряд признаков.

В развитие нашей точки зрения обозначим общие признаки культуры правотворчества и правотворческой политики.

Средство предупреждения и устранения ошибок в законодательстве. Действительно, основательно разработанная и претворенная в жизнь правотворческая политика способна минимизировать ошибки, допускаемые законодателем. Также определенные культурные требования [12] (выражение социальной природы права в норме права, соответствие регламентам законодательного процесса, владение правилами и соблюдение всех требований юридической техники, культура субъектов правотворческого процесса и др.), которым должен соответствовать современный правотворческий процесс, способны предупредить развитие и устранить появление в будущем правотворческих ошибок.

Повышение качества и эффективности как самого процесса правотворчества, так и нормативного акта как конечного результата правотворческой деятельности. Норма права, для того чтобы быть эффективным правовым регулятором, должна отвечать требованиям качества, своевременности, социализированности и др. Выполнять эти требования означает встать на путь культурно организованного правотворческого процесса, который также должен иметь соответствующую политическую энергию, быть политически организованным, т.е. качественно, понятно и своевременно определяться правотворческой политикой.

Упорядочение правотворческого процесса. Культурно организованный процесс может быть уже определенным существенным гарантом порядка в осуществлении этой деятельности, и, конечно же, грамотно разработанная правотворческая политика упорядочивает этот процесс, внося определенную ясность, ставя цели, задачи и предлагая средства для их достижения. Конечно, культуру и политику не стоит отождествлять с порядком в какой-либо деятельности, но те идеи и задачи, которые могут быть сгенерированы в них, в большинстве своем достижимы при рациональном, планомерном, упорядоченном действии.

Выявление четкой цели в правотворчестве. Например, исследователи Г.А. Тосунян и Л.В. Санникова считают, что для повышения культуры правотворчества необходимо, чтобы в тексте законопроекта были указаны понятные адресатам и обществу цели и задачи правового регулирования. «Цель законопроекта необходимо четко выразить в его концепции» [13, с. 29]. И действительно, с ними сложно не согласиться. На наш взгляд, ясно

сформулированные цели должны быть одним из существенных культурных требований, предъявляемых к современному правотворчеству. Также и для правотворческой политики одной из главенствующих задач является правильное определение целей и средств их реализации. В качестве примера здесь можно указать проект концепции правотворческой политики в Российской Федерации [14], разработанный А.В. Малько и А.П. Мазуренко, в котором в первой главе «Общие положения» четко отражены цели данной концепции. Среди них можно отметить:

1) обеспечение средствами правотворческой политики единства нормативно-правового регулирования в Российской Федерации, создание целостной, непротиворечивой системы права;

2) повышение качества нормативно-правового регулирования на всех уровнях осуществления публичной власти;

3) создание необходимых условий для ликвидации противоречий и пробелов в федеральном и региональном законодательстве, а также в системе муниципальных нормативных правовых актов и др.

Научная обоснованность. Осуществление правотворческой политики невозможно без соответствующей научно-теоретической базы. Это также можно назвать необходимым критерием повышения культуры правотворчества. «Концепция крупного законопроекта должна опираться на достижения юридической науки, учитывать результаты других социальных и гуманитарных наук, а также уровень технических и естественных наук» [13, с. 33–34]. Теоретическая аргументация должна являться неотъемлемым критерием претворения в жизнь (воплощения на практике) любых политико-правовых решений, тем более в сфере правотворчества.

На современном этапе развития правотворческой политики осмысление проблемы культуры осуществления этой деятельности необходимо. Прежде всего, важно обратить внимание на социокультурные факторы в праве и именно на культурную сторону осуществления правотворческого процесса, так называемый культурный уровень, не отстраняя творческий потенциал деятельности по созданию норм права. Правотворческая политика охватывает весь процесс алгоритма разработки законопроекта, и «стоит также учитывать, что алгоритм разработки законопроекта является не математическим, а юридическим. В нем безусловно присутствует творческое начало, поскольку его исполнители – компьютерные программы, а люди» [15, с. 109], что, по большому счету, является преимуществом этой деятельности.

Культура правотворчества должна определяться содержанием, целями и задачами эффективной правотворческой политики и способна определять, совершенствовать правотворческую культуру. Как и отмечалось ранее, к постановке и успешной реализации указанных задач необходимо привлечение гражданского общества. При правильном взаимодействии государства и общества это определенно принесет пользу современному правотворческому процессу.

Высокий уровень культуры проводимой государством правотворческой политики должен стать залогом качества принимаемых законов, способствовать улучшению организации процесса правотворчества, четкой постановке конечной цели будущего нормативно-правового акта, создать условия

для осуществления планомерной, научно обоснованной и эффективной правотворческой деятельности. Вовлечение гражданского общества в этот процесс поможет не только улучшить его во многих направлениях, но и сделать его объективным, наполнить жизненной энергией права. В одной статье достаточно сложно подробно раскрыть соотношение и взаимосвязь культуры правотворчества и правотворческой политики, выделив культурный аспект современной правотворческой политики, но, как нам видится, данная проблематика существует [16], ее развитие уже является определенным шагом в работе над этой проблемой.

Список литературы:

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Дело, 2016. — 528 с.
2. Мазуренко, А.П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями // Государство и право. — 2010. — № 4. — С. 12–20.
3. Российская правотворческая политика: общетеоретические и отраслевые проблемы: сб. науч. тр. по матер. Всерос. круглого стола / под общ. ред. А.В. Малько, Н.В. Исакова, А.П. Мазуренко. — Саратов: Минеральные воды, 2012. — 307 с.
4. Малько, А.В. Правотворческая политика России: история и современность: монография / А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 256 с.
5. Малько, А.В. К вопросу о концепции правотворческой политики в современной России / А.В. Малько, А.П. Мазуренко, В.В. Ныркв // Правовая политика и правовая жизнь. — 2015. — № 2. — С. 8–16.
6. Трофимов, В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. — 2017. — № 3. — С. 5–14.
7. Рыбаков, О.Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Журнал российского права. — 2002. — № 3. — С. 76–79.
8. Лебедева, Е.Н. Правовая политика как общетеоретическая категория // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 2 (5). — С. 50–55.
9. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Государство и право. — 2013. — № 2. — С. 5–13.
10. Москалькова, Т.Н. Нормотворчество: научно-практическое пособие. — 2-е изд., доп. и испр. / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. — М.: Проспект, 2018. — 448 с.
11. Трофимов, В.В. Проблема реализации правотворческих функций как проявление культуры организации юридического процесса / В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. — № 4. — С. 43–53.
12. Самородов, В.Ю. Правовое творчество: понятие, социальная природа и роль, культурные требования (введение в проблему) // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения: матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 24–25 марта 2017 г.) / отв. ред. М.В. Немытина. — М.: РУДН, 2018. — С. 273–281.
13. Тосунян, Г.А. Культура правотворчества в современной России / Г.А. Тосунян, Л.В. Санникова // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 28–34.
14. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / разраб. А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: МГЭИ, 2011. — 34 с.
15. Виноградов, Т.В. Алгоритм разработки законопроекта: между искусством и технологией // Государство и право. — 2017. — № 11. — С. 106–109.

16. Мазуренко, А.П. Правотворческая политика и культура законотворчества // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире : материалы VI международной научно-практической интернет-конференции (22 марта 2009 г.) / отв. ред. В.Н. Окатов. — Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2009. — С. 39–42.

А.В. Захаров,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного и
международного права Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина*

A.V. Zakharov,
*Candidate of Law, Associate Professor
of Department of the constitutional and
international law of the Tambov State
University of G.R. Derzhavin*

Функции Российского государства в контексте устойчивого развития

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена важностью концепции устойчивого развития для функционирования Российского государства. Цель статьи — проанализировать влияние устойчивого развития на функции Российского государства, выявить возможные изменения в системе функций государства в целом и в содержании определенных функций в частности. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных и частнонаучных методов. Автор делает выводы о влиянии устойчивого развития на систему функций государства, обуславливает приоритетность ряда функций на современном этапе, а применительно к конкретным функциям государства изменяет их содержание. Автор поднимает также научную дискуссию относительно возможного выделения новой функции государства — функции устойчивого развития.*

***Ключевые слова:** функции государства, устойчивое развитие, охрана окружающей среды, экологическая функция, факторы влияния на функции государства.*

Functions of the Russian state in the context of sustainable development

***Abstract:** the relevance of article is caused by importance of the concept of sustainable development for functioning of the Russian state. Article purpose — to analyse influence of sustainable development on functions of the Russian state, to reveal possible changes in the system of functions of the state, in general, and in the content of certain functions, in particular. Implementation of the tasks has been reached by means of general scientific methods. The author draws conclusions, about that influence of sustainable development on the system of functions of the state, causes priority of a number of functions at the present stage, and in relation to concrete functions of the state changes their contents. The author also scientific discussion concerning possible allocation of new function of the state — function of sustainable development rises.*

***Keywords:** functions of the state, sustainable development, environmental protection, ecological function, factors of influence on functions of the state.*

135

Современное государство характеризуется многообразием различных направлений его деятельности, реализации государственной политики. Основные направления деятельности государства в юридической литературе принято обозначать как функции государства. Учитывая многогранность и сложность понятия «функции государства», многообразие подходов и позиций к определению данного понятия является оправданным.

При исследовании научной литературы можно выявить, что понятие «функции государства» либо ограничивают представлением об основных направлениях его деятельности по «управлению обществом», либо расширяют посредством включения в их содержание «механизма государственного воздействия на развитие общественных процессов». Недостатками подобных определений является то, что в первом определении не учитывается возможность и реальность государственного воздействия на общественные отношения в связи с управлением и регулированием экономики, влиянием государства на международные политические, экономические и иные отношения. Во втором определении происходит смешение функций государства с функциями его механизма, часто определяемого в качестве аппарата государства, системы государственных органов.

Сегодня в научной литературе популярно определение функций государства как «основных направлений его деятельности, выражающих сущность и социальное назначение, цели и задачи государства по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами» [1, с. 98].

Данное определение в разных источниках может встречаться в различных интерпретациях, но с сохранением основной идеи.

В научной литературе рассматриваются различные классификации функций государства. Наиболее распространены следующие из них:

- в зависимости от важности и социальной значимости определенных направлений деятельности государства (основные и неосновные);
- в зависимости от продолжительности действия (постоянные и временные);
- в соответствии с принципом разделения властей (законодательные (правотворческие), управленческие и судебные);
- по сферам реализации общезначимых целей (внутренние и внешние);

Задачи, которые решают государства при реализации функций, не могут быть одинаковыми для всех государств и государственных образований, т.к. зависят от множества факторов.

На стоящие перед государством цели и задачи, а, следовательно, и на некоторые функции государства влияют социально-классовая сущность, идеологическая обусловленность. Учитывая, что формирование функций государства происходит в процессе развития и укрепления государства, определенная последовательность их возникновения обуславливается очередностью задач, подлежащих решению государством на определенном этапе его исторического развития, а также поставленными целями. Данные цели и задачи зависят от многих условий, например, от уровня нравственного и культурного развития общества, интересов и потребностей граждан, экономических возможностей государства и общества, развитости и профессионализма государственного аппарата и т.д.

В ходе исторического развития государства происходит изменение его функций (видоизменяются, появляются новые, исчезают ранее существовавшие). Однако, анализируя их, можно выявить их обусловленность экономической и социально-классовой структурой общества, характерной для конкретной исторической эпохи, а также сущностью и социальным назначением

государства. Поэтому рассмотрение и анализ функций государства необходимо производить с учетом принадлежности государства к определенному типу.

Каждая функция имеет свое содержание, которое изменяется под влиянием различных факторов. К таким факторам можно отнести:

– национальный, который особенно проявляется в многонациональных государствах. Необходимость сохранения и развития национальной самобытности, культуры, традиций оказывает влияние на функции государства, добавляя определенное национальное содержание;

– информационный, т.к. создание общепланетарного информационного пространства, информатизация общества предполагают формирование свободного общества, участие общественности в управлении делами государства, что находит отражение в функциях государства;

– уровень научно-технического развития. Как отмечает Л.А. Морозова, научно-технический прогресс оказывает двойное воздействие на деятельность государства: государство должно способствовать развитию фундаментальной науки, с одной стороны, и законодательно ограничить возможные негативные последствия от внедрения научных достижений — с другой [2, с. 99].

Одним из факторов, влияющих сегодня на реализацию функций Российского государства, является обеспечение устойчивого развития. Не случайно Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440, закрепила, что «идеи устойчивого развития оказываются чрезвычайно созвучными традициям, духу и менталитету России. Они могут сыграть важную роль в консолидации российского общества, в определении государственных приоритетов и перспектив социально-экономических преобразований» [3].

Устойчивое развитие в качестве формы развития человеческой цивилизации было предложено на международном уровне на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. — ЮНИСЕД в Рио-де-Жанейро. При этом за основу была взята трактовка устойчивого развития, излагаемая в Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее»: «Развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4, с. 50].

Согласно российской модели, устойчивое развитие предполагает «сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей» [3].

Проанализировав содержание концепции устойчивого развития, мы пришли к выводу о том, что ее влияние на функции Российского государства выражается в ряде аспектов.

Устойчивое развитие, влияя на ранжирование функций государства, отражается на системе функций государства, обуславливает приоритетность ряда функций на современном этапе.

К внутренним функциям современного Российского государства можно отнести: охрану прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности и правопорядка, экономическую, налогообложения, социальной

защиты, экологическую, культурную и др. Внешними функциями являются: функция обороны, поддержания мирового порядка, интеграции России в мировую экономику; функция международного сотрудничества; функция совместного разрешения с другими государствами глобальных проблем современности (экологических, энергетических, демографических и т.д.) и пр.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (далее — Концепция УР) констатирует необходимость скоординированных действий во всех сферах жизни общества, адекватной переориентации социальных, экономических и экологических институтов государства, регулирующая роль которого в таких преобразованиях является основополагающей.

Так, согласно Концепции УР переход к устойчивому развитию предполагает постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды, что обуславливает приоритетность экологической функции государства.

Провозглашение в Концепции УР необходимости стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы, а также улучшения качества жизни людей в пределах хозяйственной емкости биосферы предполагает приоритетность экономической и социальной функций государства.

Констатация в Концепции УР факта невозможности перехода к устойчивому развитию при существующих стереотипах мышления делает приоритетным культурную функцию государства.

Обоснование обязанности государства в Концепции УР гарантировать безопасность в политической, экономической, социальной, экологической, оборонной и других сферах, без чего переход к устойчивому развитию невозможен, обосновывает приоритетность функции обеспечения безопасности.

Особое внимание в Концепции УР уделено функции международного сотрудничества, поскольку биосфера как регулятор окружающей среды представляет собой единую систему, в связи с чем «переход к устойчивому развитию всего мирового сообщества может быть осуществлен только в условиях эффективного международного сотрудничества» [3].

Функция совместного разрешения с другими государствами глобальных проблем современности обоснована в Концепции УР необходимостью решения таких глобальных проблем, как: «сохранение биоразнообразия; защита озонового слоя от истощения; предотвращение антропогенного изменения климата; охрана лесов и лесовосстановление; борьба с опустыниванием; развитие и совершенствование системы особо охраняемых природных территорий; обеспечение безопасного уничтожения химического и ядерного оружия; решение проблем Мирового океана и межгосударственных региональных экологических проблем (сокращение трансграничного загрязнения, нормализация окружающей среды в бассейнах Балтийского, Черного, Азовского, Каспийского морей и Арктическом регионе)» [3].

Таким образом, исходя из российской модели устойчивого развития, мы можем констатировать приоритетность для обеспечения устойчивого развития таких внутренних функций государства, как экономическая, экологическая, социальная, культурная функции, функция обеспечения безопасности (имею-

шая внутреннее и внешнее проявление), а также таких внешних функций, как международное сотрудничество и функция совместного разрешения с другими государствами глобальных проблем современности, при этом не умаляя значение и важность иных функций государства.

Устойчивое развитие влияет на содержание функций государства

Согласно Концепции УР переход Российской Федерации к устойчивому развитию должен осуществляться посредством последовательного решения задач на трех этапах. На начальном этапе предлагалось решить острые экономические и социальные проблемы посредством соблюдения различных ограничений на хозяйственную деятельность, разработки и выполнения программ оздоровления окружающей среды, определения комплексных мер по нормализации экологической обстановки и т.д.

В последующем необходимо осуществить структурные преобразования в экономике, произвести технологическое обновление, экологизацию процесса социально-экономического развития.

На последнем этапе обеспечивается гармонизация взаимодействия общества в лице всего мирового сообщества с окружающей средой.

Безусловно, решение поставленных задач в рамках каждого этапа предполагает корректировку содержания различных функций Российского государства.

Так, в рамках экономической функции необходимо разработать «систему стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты, при которых биосфера воспринимается уже не только как поставщик ресурсов, а как фундамент жизни, сохранение которого должно быть неременным условием функционирования социально-экономической системы и ее отдельных элементов»; в рамках экологической — обеспечить восстановление экологических систем; в рамках культурной — сформировать «эффективную систему пропаганды идей устойчивого развития и создание соответствующей системы воспитания и обучения».

Устойчивое развитие обуславливает возможность появления новой функции — функции устойчивого развития государства.

В научной литературе неоднократно высказывалась идея о том, что в современных условиях, с учетом глобальности и всеобъемлемости мероприятий и направлений обеспечения устойчивого развития, можно говорить о формировании новой функции государства — функции устойчивого развития. В связи с этим интерес представляет позиция Н.В. Бугусовой, отмечавшей, что устойчивое развитие постепенно приобретает черты главной функции государства, поскольку охватывает все направления деятельности и со временем должна обеспечить трансформацию содержания иных функций государства в русле новой цивилизационной парадигмы развития и преобразоваться из функции, обеспечивающей переход к устойчивому развитию, в функцию, призванную такое развитие постоянно поддерживать и совершенствовать (функцию устойчивого развития)» [5, с. 80].

Таким образом, современные функции Российского государства подвержены воздействию различных факторов, влияющих на их реализацию, одним из которых является необходимость обеспечения устойчивого развития.

Устойчивое развитие влияет на содержание и систему функций государства, обуславливает приоритетность ряда функций на современном этапе, способствует формированию и обособлению новой функции государства. Вопрос о выделении новой функции государства является дискуссионным, однако нельзя отрицать наличие объективной необходимости формирования функции государства с возможным названием «функция устойчивого развития».

Список литературы:

1. Морозова, Л.А. Функции Российского государства на современном этапе // Государство и право. — 1993. — № 6. — С. 98–108.
2. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. — М.: Юристъ, 2003. — 414 с.
3. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 15, ст. 1572.
4. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. — М.: Прогресс, 1989. — 376 с.
5. Бутусова, Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений: вопросы теории / Н.В. Бутусова. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. — 197 с.

А.В. Липунцова,
старший преподаватель
кафедры конституционного и
международного права Тамбовского
государственного университета
имени Г.Р. Державина

A.V. Lipuntsova,
Senior lecturer of Tambov state University
named after G.R. Derzhavin
Anna-lipuntsova@yandex.ru

Правовое положение органов власти, осуществляющих государственный контроль в сфере миграции

Аннотация: в статье рассматриваются правовое положение органов власти, осуществляющих государственный контроль в сфере миграции, контрольно-надзорные полномочия государственных органов в сфере миграции, роль миграционных органов в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации. Обращается внимание на проблемы реализации контрольных полномочий МВД России в миграционной сфере, пути совершенствования и повышения эффективности данной системы. По мнению автора, российское миграционное законодательство не в полной мере соответствует современным потребностям государства и общества, в том числе экономическим, социальным, трудовым. Отмечается, что требуется совершенствование системы иммиграционного контроля путем приведения в соответствие действующего законодательства в данной сфере и принятия закона об иммиграционном контроле, определении компетенций органов и перечня соответствующих их полномочий.

Ключевые слова: контроль, надзор, государственный контроль, миграция, органы в сфере миграции

Legal status of the authorities exercising state control in the field of migration

Abstract: the article deals with the legal status of the authorities exercising state control in the field of migration, control and Supervisory powers of state bodies in the field of migration, the role of migration authorities in the structure of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. The author draws

attention to the problems of implementation of the control powers of the Ministry of internal Affairs of Russia in the migration sphere, ways to improve and improve the efficiency of this system. According to the author, the Russian migration legislation does not fully meet the modern needs of the state and society, including economic, social, labor. It is noted that it is necessary to improve the system of immigration control, by bringing into line the current legislation in this area and the adoption of the law on immigration control, the definition of competent authorities and a list of their respective powers.

Keywords: control, supervision, state control, migration, bodies in the field of migration.

Исследование миграционного вопроса актуально как для правовой науки, так и для практики. Проблема миграции и миграционных потоков затрагивает большое количество стран: в последние годы она остро проявила себя в России и в европейских странах из-за массовой миграции из стран Востока в связи с военными действиями и активизацией террористических группировок. Для России — страны назначения для многих мигрантов — миграционный вопрос особо важен. Так, по своду основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–апрель 2018 г. количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составляет 4 558 898, направлено представлений о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда в Россию — 96 914 [1]. Такие высокие показатели свидетельствуют о трудоемкой и объемной деятельности по фиксации и обобщению сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства в Российской Федерации. В связи с этим вопросы, связанные с особенностями правового положения федеральных органов исполнительной власти РФ, наделенных полномочиями государственного контроля и надзора в сфере миграции, представляются актуальными.

Миграцию как перемещение людей, связанное с изменением местожительства, нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, она оказывает положительное влияние на экономическую, социальную сферу, демографическое развитие общества, способствует межкультурному взаимодействию стран и народов, что получило отражение в концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Согласно данному программному документу, «миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации» [2]. С другой стороны, нельзя не отметить и негативные явления, которые часто сопровождают «неконтролируемые» миграционные процессы, речь идет о повышении уровня преступности, возникновении межнациональных конфликтов, что приводит в целом к снижению уровня безопасности в государстве.

Подобная неоднозначная оценка миграции обуславливает необходимость ее детального анализа.

Представляется возможным согласиться с определением миграционного процесса, предлагаемого К.В. Казарян, согласно которому миграционный процесс — это один из видов юридического процесса, представляющий собой государственно-властную юридическую деятельность государственных органов по реализации определенных функций в миграционной сфере путем

претворения в жизнь норм миграционного права. Миграционный процесс включает в себя три основных элемента: миграционные потоки, миграционные отношения и регулятивные механизмы (политические, институциональные, правовые, организационные, селективные, экономические и иные) [3, с. 19].

Стоит отметить, что в свете последних мировых событий, связанных со сложной обстановкой, проводимая государствами миграционная политика, основанная на традиционных представлениях о миграционном процессе, не справляется с объемами миграций населения и новыми миграционными вызовами. Согласимся с позицией А.В. Семеновской, отмечающей, что «в настоящее время система управления миграционными процессами в целом с необходимой четкостью не определена, твердого порядка и стабильности в этой работе нет, компетенция различных органов исполнительной власти неясна, на уровне закона решение этих вопросов отсутствует, что порождает дублирование и безответственность» [4].

Представляют интерес рассуждения А.М. Реджеи, который в своем исследовании пишет: «Несмотря на обширную правовую часть государственного управления миграцией населения, миграционное законодательство не является самостоятельной отраслью права, почти отсутствует четкая методологическая основа государственного управления миграцией населения, что, в свою очередь, обуславливает неэффективность государственного управления миграцией населения в целом» [5, с. 46]. С учетом проведенного анализа регулирования миграционных процессов А.М. Реджей критически оценивает сложившуюся систему государственного управления в данной сфере.

По мнению автора исследования, управление миграционным процессом можно определить как вид юридического процесса, представляющего собой регламентированный нормами права порядок деятельности органов власти посредством определенных юридических механизмов и средств, направленный на урегулирование общественных отношений, возникающих в связи с перемещением физических лиц. На наш взгляд, в эпоху глобализации важным направлением политики государства в данной сфере должна стать, с одной стороны, выработка единой стратегии государственного управления в сфере регулирования и упорядочения миграции, с учетом имеющегося отечественного и международного опыта в сфере управления миграционными процессами, совершенствование предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере миграции, с другой — разработка и внедрение государственных программ адаптации и интеграции мигрантов.

В рамках обозначенной нами темы наибольший интерес для исследования представляют организационные механизмы реализации государственной политики в сфере миграции, к которым относятся и контрольно-надзорные меры (например, проверки, административные расследования в сфере миграции), осуществляемые специальными органами, наделенными соответствующей компетенцией.

В настоящее время миграционные полномочия предоставлены различным государственным органам, специально созданным учреждениям и общественным объединениям как на международном уровне, так на внутригосударственном, что обусловлено сложностью и многоаспектностью

проблем, связанных с миграцией. Применительно к Российской Федерации отметим наличие разветвленной системы органов исполнительной власти, которые непосредственно участвуют в миграционном процессе и наделены необходимыми полномочиями, а также органов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями в рассматриваемой сфере.

До вступления в силу Указа Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [6] органом, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в миграционной сфере, функции правоприменения, функции по федеральному государственному контролю (надзору) и предоставлению (исполнению) государственных услуг (функций) в данной сфере, являлась Федеральная миграционная служба (ФМС России), территориальные органы службы [7], упраздненная в настоящее время.

Наряду с ФМС России вопросами миграции занимались и продолжают заниматься такие органы, как Комиссия по вопросам гражданства при Президенте РФ, Управление Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан, МВД России, ФСБ России, МИД России, Минобороны России, Минюст России, иные органы государственной власти, учреждения и организации.

Важным звеном системы контроля в настоящее время становится МВД России в силу задач, возложенных на данный орган. МВД России — федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции выработки и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в миграционной сфере, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в указанной сфере.

На основании приказа МВД России «Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации» в структуре МВД России создано Главное управление по вопросам миграции, которое наряду с другими возложенными на него полномочиями выполняет функции головного подразделения Министерства в сфере осуществления государственного контроля (надзора) в сфере миграции, контроль и надзор в сфере внешней трудовой миграции. Данное Положение предусматривает широкий перечень основных функций Управления, к которым, в частности, относятся: осуществление государственного контроля (надзора) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в России; за соблюдением правил привлечения работодателями и заказчиками работ (услуг) иностранных работников в России и использования их труда, за осуществлением ими трудовой деятельности; организация и координация деятельности по осуществлению контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства, должностными лицами, юридическими лицами, иными органами и организациями правил миграционного учета, по осуществлению контроля за соблюдением гражданами РФ и должностными лицами правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и по месту

проживания в пределах России, осуществление мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции, организации иммиграционного контроля за иностранными гражданами и лицами без гражданства, в том числе сообща с контрольно-надзорными и правоохранительными органами [8]. Таким образом, на Главное управление по вопросам миграции возложен объемный круг задач в сфере контроля за соблюдением миграционного законодательства. Отметим, что в соответствии с Положением об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции [9] на сегодняшний день государственный контроль осуществляется МВД РФ с применением риск-ориентированного подхода посредством проведения проверок с использованием проверочных листов (списков контрольных вопросов), что является важным нововведением, направленным на совершенствование и повышение эффективности контрольно-надзорных мероприятий. При этом федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции отнесен к виду государственного контроля (надзора), в отношении которого будут реализованы мероприятия приоритетной программы реформы контрольной и надзорной деятельности, что свидетельствует о значимости миграционных проблем и заинтересованности государства в их решении.

Вместе с тем упразднение миграционной службы как самостоятельного элемента системы исполнительной власти, безусловно, не решает организационные проблемы в рассматриваемой сфере. Ликвидация ФМС России и передача ее полномочий МВД России не отменяют нормативных актов, регулирующих деятельность уполномоченных структур. Продолжают действовать положение о ФМС России, утвержденное Постановлением Правительства РФ, и действующие в соответствии с ним положения о территориальных органах.

Вряд ли можно согласиться с тем, что на данный момент государственный контроль над миграционными процессами является эффективным, поскольку можно констатировать разобщенность механизмов регулирования и контроля над миграционными потоками, отсутствие четкой системы разграничения полномочий государственных органов в данной сфере, что во многом является следствием слабой регламентирующей и законодательной базы. На наш взгляд, необходимо выделить ряд мер по оптимизации контрольных полномочий территориальных органов в области миграции, которые могут быть отражены в нормативных актах, регулирующих их деятельность.

Проанализировав российское миграционное законодательство, которое ориентировано на временное привлечение лиц и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов, мы пришли к выводу о его неполном соответствии современным потребностям государства и общества. Сложности в процессе сбора и подготовки документов затрудняют получение гражданства для многих законопослушных мигрантов, что приводит к незаконной миграции. Этому же способствует несовершенство действующей системы управления миграционными процессами — длительные сроки рассмотрения заявок, введение системы патентов и др. При этом, как нам видится, усиление контрольных функций, по сути новой системы миграционных органов,

должно быть направлено главным образом на противодействие незаконной миграции. Важную роль в данной сфере играет иммиграционный контроль, задачами которого являются создание условий, обеспечивающих управление миграционными процессами, и осуществление мероприятий по пресечению незаконной миграции в нашей стране. Так, требуется совершенствование системы иммиграционного контроля путем приведения в соответствие действующего законодательства в данной сфере и принятия закона об иммиграционном контроле, определение компетентных органов и перечня соответствующих их полномочий. Проект соответствующего федерального закона был подготовлен ФМС России еще в 2014 г., но на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен не был.

Подводя итог, отметим, что важным фактором результативности контроля и надзора в рассматриваемой сфере является совершенствование и систематизация действующего миграционного законодательства; активное использование информационных технологий — обеспечение контролирующих органов средствами автоматизации и унификации паспортно-визового, пограничного и иммиграционного контроля. Достичь поставленных целей, направленных на построение эффективной системы органов, осуществляющих контроль в сфере миграции, возможно при взаимодействии федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления с компетентными органами иностранных государств и общественными объединениями.

Список литературы:

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. — URL: <https://xn--blaew.xn--plai/Dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/13090310> (дата обращения: 07.06.2018).
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Казарян, К.В. Миграционный процесс как разновидность юридического процесса: теоретико-правовой анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 3. — С. 16–22.
4. Семенова, А.В. Современное состояние миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2016. — № 2. — СПС «КонсультантПлюс».
5. Реджей, А.М. Совершенствование управления миграционными процессами в условиях глобализации // Вестник Черниговского державного технологического университету. — 2013. — № 1 (64). — С. 44–49.
6. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 (в ред. от 15 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 15, ст. 2071.
7. О вопросах Федеральной миграционной службы: постановление Правительства РФ от 13 июля 2012 г. № 711 (в ред. от 31 октября 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 30, ст. 4276.
8. Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 апреля 2016 г. № 192 (в ред. от 23 декабря 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции: постановление Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162 (в ред. от 27 декабря 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 января 2018 г.) // Российская газета. — 2012. — № 266.

О.В. Белянская,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина

O.V. Belyanskaya,
Candidate of Law,
Associate Professor of Tambov state
University named after G.R. Derzhavin
520877@mail.ru

Реализация норм права в непосредственной форме (на примере хозяйствующих субъектов)

***Аннотация:** в статье анализируются особенности непосредственной формы реализации права хозяйствующими субъектами. Автор приходит к выводу о том, что специфика непосредственной формы реализации права хозяйствующими субъектами заключается в том, что, как правило, они действуют в рамках частноправовых отношений, без вмешательства властных органов. Для указанных субъектов данная форма реализации имеет особое значение и приоритетна, поскольку именно в ней проявляется свобода действий и быстрое удовлетворение прежде всего материальных интересов, в том числе когда существует спор между участниками правоотношений или когда совершены правонарушения.*

***Ключевые слова:** реализация норм права, непосредственная форма реализации, коллективный субъект права, хозяйствующий субъект, коммерческая организация, некоммерческая организация, индивидуальный предприниматель, прибыль.*

Realization of the law in a direct form (on the example of economic entities)

***Abstract:** the peculiarities of the direct form of realization of the right by collective subjects of economic entities are analyzed. The author comes to the conclusion that the specificity of the direct form of realization of the right by economic entities is expressed in the following: as a rule they operate within the framework of private law relations and this happens without the intervention of the authorities; for these entities, this form of implementation is of particular importance and priority, because it includes freedom of action and the quick satisfaction of one's interests, first of all, material ones, including in those cases when there is a dispute between the participants in legal relations or when an offense is committed, which is connected with the fact that the economic entity will make attempts to agree and resolve the dispute without resorting to specially authorized bodies, as this abstracts the speed of achieving their interests, and as a result, the receiving of a profit.*

***Keywords:** realization of legal norms, direct form of implementation, collective subject of law, business entity, commercial organization, non-profit organization, self-employed, profit.*

В юридической науке довольно длительное время большое внимание уделялось разработке и анализу такой формы реализации права, как правоприменение, что вполне можно объяснить значением в право-реализационном процессе публичных органов власти и значимостью отношений, реализация которых требует принятия акта применения права. Непосредственной форме реализации права отводилась второстепенная роль, что, полагаем, неоправданно, особенно в современных условиях, ког-

да роль и объем частноправовых отношений значительно расширились, соответственно, расширяется сфера действия применения непосредственной формы реализации права.

Непосредственная реализация представляет собой форму реализации норм права, при которой субъект самостоятельно действует в рамках правовых предписаний, определяет процедуру реализации и защиты своего права без участия специально уполномоченных публичных органов власти. В непосредственную форму реализации в качестве самостоятельных видов входят соблюдение запретов, исполнение обязанностей и использование прав.

Непосредственная реализация норм права может проходить как индивидуально, так и коллективно, а деятельность субъектов в рамках данной формы реализации права имеет специфику, определяемую видом субъекта — личность это или коллективный субъект. Коллективные субъекты права образуются гражданами для совместной реализации своих прав, например, право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности или право иметь собственность, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами.

Реализация норм права коллективным субъектом выражается в следующих особенностях: свойства субъекта юридического характера, т.е. его правосубъектности; в процедуре реализации и тех юридических фактах, которые предопределяют существование правоотношений. Кроме этого, реализация в непосредственной форме коллективными субъектами выражается и в особенностях форм защиты нарушенного права и ответственности за неправомерное поведение в процессе реализации норм права. Как отмечает К.Д. Бондаренко, «в процессе непосредственной реализации может возникать значительное количество правоотношений с применением принудительных мер воздействия, которые применяются не государственно-властными субъектами, а, например, субъектами непосредственной реализации» [1, с. 18], в частности, возможность самозащиты нарушенных прав коллективных субъектов. Например, в соответствии с гражданским законодательством хозяйствующие субъекты обладают правом на использование средств принуждения, «сталкиваясь с нежеланием контрагентов по договору исполнять обязательства надлежащим образом. В некоторых случаях неисполнение договорных обязательств допускается как мера обеспечения надлежащего исполнения обязательств контрагентом. В соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ в случае непредставления обязанной стороной обусловленного договором исполнения обязательства либо наличия обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства либо отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков. Пункт 5 ст. 486 ГК РФ содержит право продавца по договору купли-продажи приостановить передачу товаров покупателю, если последний не оплатил продавцу товары» [2, с. 56].

Затронув такие субъекты права, как хозяйствующие субъекты, отметим, что они являются одними из коллективных субъектов права, занимают ведущую роль среди субъектов частного права, что предопределяется их

ролью в экономической системе. Г.Ф. Шершеневич считал, что «многие отношения, складывающиеся в экономике, и прежде всего отношения товарообмена (т.е. рынка) нуждаются в предоставлении их участникам максимальной (хотя и не безграничной) свободы, стимулирующей их инициативу и предприимчивости» [3, с. 3].

Российский законодатель определяет следующим образом термин «хозяйствующий субъект»: «Хозяйствующий субъект — коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации» [4, ст. 4]. Созвучное закону определение хозяйствующему субъекту дает Л.Д. Ревуцкий, в частности, он пишет: «Хозяйствующий (хозяйственный, экономический) субъект — это юридическое или физическое лицо, ведущее хозяйство, осуществляющее те или иные экономические (хозяйственные) операции от своего имени» [5, с. 46]. Из данного определения можно сделать вывод, что основным критерием выделения хозяйствующих субъектов является осуществление деятельности, приносящей доход. При этом не имеет значения, в какой форме выступает субъект — коммерческой, некоммерческой организацией, индивидуальным предпринимателем и т.д. Исходя из этого, под хозяйствующими субъектами мы будем понимать коммерческие организации, некоммерческие организации, индивидуальных предпринимателей и государство.

Бесспорно, что у каждого вида хозяйствующего субъекта существует различный набор прав и обязанностей, вытекающих из их правового статуса, но все они правомочны реализовать свои права и обязанности путем соблюдения, исполнения и использования, т.е. в непосредственной форме реализации права, действуя в рамках частноправовых отношений.

Стоит заметить, что в ряде случаев и само государство проявляет свойства хозяйствующего субъекта, например через государственные корпорации, относящиеся к некоммерческим организациям, которые так же являются хозяйствующими субъектами. Цель государства в хозяйственной деятельности главным образом заключается не в получении прибыли, а в поддержании тех отраслей, которые могут и не приносить большого дохода, но являются необходимыми для достойного существования общества и самого государства. В любом случае государство также реализует свои правомочия в непосредственной форме в определенных правоотношениях.

Анализируя реализацию норм права в непосредственной форме на примере хозяйствующих субъектов, отметим, что свои правовые возможности данные субъекты, как и иные коллективные субъекты, осуществляют в следующем субъектном составе: основной субъект — сам хозяйствующий субъект и взаимодействующие с ним субъекты — индивидуальные и коллективные организации, которые участвуют в правореализационном процессе и могут иметь свои собственные интересы, отличные от интересов определенного хозяйствующего субъекта.

Непосредственная реализация предоставляет возможность для хозяйствующего субъекта осуществлять свои права без помощи правоприменительных актов, что делает процедуру реализации проще и доступнее. При этом хозяйствующий субъект несет ответственность за корректность своих действий, т.к. право может быть не реализовано и могут быть затронуты интересы иных субъектов, участвующих в правореализационном процессе.

Анализ роли и значения непосредственной формы реализации норм права для хозяйствующих субъектов позволяет выделить ряд специфических черт данной формы реализации применительно к данным субъектам.

Во-первых, хозяйствующие субъекты действуют, как правило, в рамках частноправовых отношений без вмешательства властных органов. В данных отношениях нет необходимости в правоприменении, которое требуется лишь в определенных случаях (когда есть спор о праве и стороны не могут договориться, когда требуется контроль правоотношения со стороны государства и т.п.).

Во-вторых, для хозяйствующих субъектов особое значение имеет именно непосредственная форма реализации норм права, т.к. в ней проявляется свобода действий и быстрое удовлетворение своих потребностей и интересов, прежде всего, материальных. Непосредственная реализация, в отличие от правоприменения, происходит в свободном процедурном порядке, в отдельных случаях процедура вообще не определена законом для большей автономии субъектов гражданско-правовых отношений.

В-третьих, непосредственная реализация является более приоритетной формой реализации для хозяйствующих субъектов. Это касается и тех случаев, когда есть спор между участниками правоотношений или когда совершено правонарушение со стороны другого участника, т.к. хозяйствующий субъект будет пытаться договориться и разрешить спор, не обращаясь в специально-уполномоченный орган, т.к. это затруднит скорость достижения собственных интересов и в итоге — получение прибыли. Так, например, нормы гражданского законодательства предусматривают возможность для субъектов права самостоятельно обеспечивать защиту своего нарушенного права. Статья 486 Гражданского кодекса РФ закрепляет право продавца по договору купли-продажи приостановить передачу товаров покупателю, если он не оплатил товары, переданные ранее [6].

Процесс непосредственной реализации прав и законных интересов субъектов права в рамках частного права имеет диспозитивные начала, т.е. в этом процессе участники правоотношений сами договариваются об объеме и содержании процесса реализации субъективных прав или обязанностей. Считаем, что непосредственная форма реализации права является основной и наиболее выгодной формой осуществления своих правомочий именно хозяйствующими субъектами, т.к. позволяет быстро достичь основной цели данного субъекта права — получение прибыли. Правоприменение затрудняет и усложняет для них правореализационный процесс.

Непосредственная реализация права, обладая специфическими особенностями, должна происходить при особой системе гарантирования в связи с тем, что нормы, непосредственно реализуемые в действиях субъектов права, менее конкретизированы правовой нормой, чем те, которые реализуются путем

правоприменения. Однако это одновременно дает свободу при осуществлении экономической и иной деятельности хозяйствующим субъектам и способствует реализации такому фундаментальному экономическому праву — свободного использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Юридическая природа непосредственной формы реализации норм права имеет двойственное начало и основана на объективных и субъективных факторах. Объективные факторы — это наличие правовых норм, закрепляющих право хозяйствующих субъектов на реализацию своих прав, без правоприменительной деятельности. Процедуру их реализации и объем реализуемых полномочий субъект определяет самостоятельно, исходя из своих интересов, лишь в необходимых случаях соблюдая процедуру, установленную в законе. Субъективные факторы выражаются в наличии интересов и потребностей хозяйствующего субъекта, его желанием извлечь прибыль или достичь социально-полезные цели.

Список литературы:

1. Бондаренко, К.Д. Субъекты механизма непосредственной реализации прав и свобод личности: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Д. Бондаренко. — Белгород, 2018. — 22 с.
2. Белянская, О.В. Специфика непосредственной реализации прав и свобод личности в частноправовых отношениях / О.В. Белянская, К.Д. Бондаренко // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 6. — С. 54–57.
3. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич. — М.: Старк, 1995. — 556 с.
4. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1, ст. 3434.
5. Ревуцкий, Л.Д. Термины «хозяйствующий субъект», «предприятие», «организация», «компания», «фирма» и «бизнес», Области и уместность употребления этих терминов в печатных изданиях по оценочной деятельности // Вопросы оценки. — 2006. — № 1. — С. 46–49.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2: федеральный закон РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 5, ст. 410.

В.В. Свиридов,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина*

V.V. Sviridov,

*Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of theory and
history of state and law of Tambov state
University named after G.R. Derzhavin
SviridovV@yandex.ru*

Взаимодействие социальных акторов как генеральный фактор динамики права и правовой жизни: постановка проблемы

Аннотация: модернизация методологического аппарата современной отечественной юриспруденции предопределяет актуальность теоретико-правовых исследований, связанных с апробацией исследовательского потенциала вновь вводимой в юридическую науку методологии.

Очевидно, что эвристический ресурс в наибольшей мере способен себя проявить на фоне применения научных методов к познанию сложных объектов. В статье обосновывается необходимость использования при изучении таких сложных социальных систем, как право и правовая жизнь, широкого спектра не только традиционных и устоявшихся подходов в юриспруденции, но и новых познавательных моделей. Обозначаются недостатки материалистического взгляда на изучение проблем социально-правового развития. В рамках модернизированной социально-философской концепции раскрываются базовые социальные предпосылки динамического развития права и правовой жизни. В качестве генерального фактора динамических процессов в правовой сфере жизни общества рассматривается феномен взаимодействия социальных акторов.

Ключевые слова: право, правовая жизнь, юридическая методология, взаимодействие социальных акторов, генеральный фактор в праве, дилемма права, динамические правовые процессы.

Interaction of Social Actors as a General Factor of the Dynamics of Law and Legal Life: Problem Statement

Abstract: The modernization of the methodological apparatus of modern domestic law determines the relevance of theoretical and legal researches related to the testing of the research potential of the methodology newly introduced into the legal science. It is obvious that the heuristic resource is most able to manifest itself against the background of the application of scientific methods to the knowledge of complex objects. The article substantiates the need to use in the study of such complex social systems as law and legal life a wide range of not only traditional and established approaches to law, but also new cognitive models. The disadvantages of the materialistic view on the studying of the problems of social and legal development are denoted. Within the framework of the modernized social and philosophical conception, the basic social prerequisites for the dynamic development of law and legal life are revealed. The phenomenon of interaction of social actors is considered as a general factor of dynamic processes in the legal sphere of society.

Keywords: law, legal life, legal methodology, interaction of social actors, General factor in law, dynamics of law, dynamic legal processes.

Современная отечественная теория права, оперируя новыми, претендующими на универсальность теоретико-методологическими моделями познания мира правовых явлений, создавая масштабные самостоятельные юридические категории, демонстрирует все более наглядную тенденцию к необходимости междисциплинарного анализа правовых явлений. Одной из активно развивающихся в настоящее время категорий является «правовая жизнь общества». Именно она дает возможность выйти за рамки догмы правовой теории и проникнуть в смежные сферы научного знания, такие как философия, социология и ряд других дисциплин.

А.В. Малько дает следующее определение правовой жизни общества: «это форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [1, с. 5]. В настоящее время данное определение стало во многом классическим и используется в различных исследованиях, посвященных праву во всем многообразии его проявлений. Однако учитывая эвристический потенциал обозначенного концепта, представляется возможным расширить указанное толкование за счет использования такого явления, как взаимодействие.

Правовую жизнь общества можно отнести к сложным социальным системам. Именно взаимодействие различных социальных акторов в таких структурах является тем «энергетическим» ресурсом, который придает

динамику развития тому или иному сложному социальному образованию. Заимствуя одну из характеристик сложной социальной системы авторства В.Г. Афанасьева, можно добавить к пониманию правовой жизни общества следующее уточнение — это не условный «механический» конгломерат, не произвольно созданное образование, а объективно существующая совокупность органично взаимодействующих в связи с правом социальных акторов [2, с. 19]. Именно они, вступая в правовые связи (экономического, политического и прочего форматов), в данном случае и определяют динамику метасистемы правовой жизни общества.

В рамках гуманитарной научной парадигмы главным двигателем, придающим ускорение естественному ходу исследовательских размышлений, является научное стремление к познанию фундаментальных факторов бытия: факторов, позволяющих выделить основные детерминанты функционирования сложных социальных систем. По этой причине в числе главных методологических приемов, способствующих тому, чтобы адекватно реагировать на возникающие задачи научного поиска, является факторный анализ, который в настоящее время активно используется в статистике, психологии, социологии и экономике, а также заметно проявляет себя в юриспруденции [3–4].

Вопрос состоит в другом, какой из факторов принять во внимание в качестве центрального? Задается этим вопросом и современная теория права, которая где-то в противовес, а где-то в рамках закономерного эволюционного развития выдвигает на первый план обновленные основания права. На смену традиционным и устоявшимся подходам в юриспруденции (марксистский, позитивистский, классический социологический и другие) приходят новые направления правопознания вроде феноменологического, экзистенциального, коммуникативного и социально-интерактивного.

Однако, несмотря на наметившийся процесс обновления научно-правового знания, современная российская юриспруденция во многом еще находится в заложниках устаревших советских клише. Проблемы сущности права и социально-философских оснований его понимания, безусловно, волновали советских ученых, однако высшим теоретическим уровнем подобных изысканий в советской социальной науке того времени был исторический материализм. Он объяснял социальное развитие и закономерности динамики социальных явлений (в нашем случае — права и правовой жизни) через доминантную роль способа материального производства, обуславливающего деление общества на классы, где воля господствующего класса определяла сущность права как регулятора общественных отношений. Одним из таких примеров опоры на макросоциальные величины при отыскании факторов динамики права является работа А. Нашиц, в которой «обезличенные» общественные отношения рассматриваются в качестве онтологической основы права [5, с. 23, 34 и др.]. Рассуждения автора также показательны в том плане, что ученый вроде бы и признает необходимость микросоциального анализа, но фактически отказывает ему в полноценности и самостоятельности, фактически, на наш взгляд, «отодвигая» право от личности, а последнюю от права, «погружая» их в единую материю общественных отношений. Признавая без сомнения фундаментальность данной научной работы по многим параметрам, все же

полагаем, что социологический анализ феномена права не может замыкаться только на предложенном варианте, необходим (в том числе в целях практики) более глубокий (предельно-социальный) взгляд на правовую жизнь.

В рамках проводимого нами социально-интерактивного подхода основным фактором, определяющим право, выступает феномен социального взаимодействия акторов. Наиболее полно социальное взаимодействие раскрывает свою сущностную сторону в момент соприкосновения права и социальной реальности; именно здесь кроются истоки и формы эволюции окружающей нас правовой жизни общества. Явление взаимодействия, по мнению В.В. Трофимова, отнюдь не пассивно, оно не сводится лишь к тому, что представляет собой предмет правового регулирования. Роль социальных взаимодействий «активна, что позволяет рассматривать данный феномен как фактор объективного характера, который воздействует на процессы правовой динамики, т.е. как культурно-универсальный фактор, определяющий содержание и конечные цели права» [6, с. 318].

Динамика социального взаимодействия в правовой жизни общества проявляется по-разному. Примером могут послужить правовые отношения. Так, А.В. Поляков отмечает, что право не существует без правовых отношений. Однако «в любом государстве имеются и такие “нормы” законов и других актов, которые никогда не применялись, не влияли на поведение членов общества, находились вне социально-правовой коммуникации, не вызывали никаких правовых последствий» [7, с. 21]. Это может происходить по разным причинам. Например, правовая жизнь в лице своих акторов отказалась принимать и следовать данным нормам из-за изменившихся социальных условий или же их изначальной неадекватности социальному контексту. Однако результат во всех случаях будет аналогичным. Такие нормативные акты так и не станут правом вследствие того, что «объективно утрачены правовые свойства» [7, с. 22], обуславливающие сущностную и целевую установку правовой нормы. Такая норма просто не в силах породить права и обязанности, в рамках этой нормы не может возникнуть взаимодействия социальных акторов (правоотношение), ее попросту не существует для социально-правового взаимодействия. Отсюда нет и динамики, проявляющейся в переходе от одного цикла к другому или в каких-то иных количественных и качественных изменениях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальное взаимодействие выступает не только ключевым условием существования права, но и базовым условием динамики правовой жизни общества.

Изучая динамические процессы в праве, следует отметить, что в целом отечественная юриспруденция не жаловала категорию «динамика», которая представляла собой нечто само собой разумеющееся. Лишь в последнее время стали появляться научные исследования, использующие понятие «динамика» как теоретическую научную конструкцию, которая не только раскрывает те или иные процессы в праве, но и является его объективным имманентным свойством [8–10]. (Говоря о динамике права как теоретической правовой конструкции, мы имеем в виду такие элементы правовой жизни общества, как правообразование, правотворчество, правовые отношения и др.). Это

довольно важная, по нашему мнению, тенденция развития научного знания, которую необходимо пролонгировать.

Одновременно важно понять, что генерирует искомую динамику в праве. Ответ может быть таким: динамику развития правовой жизни общества определяет прежде всего взаимодействие людей как основной компонент любой социальной системы. Взаимодействие социальных акторов проявляет себя как *генеральный фактор*, поскольку именно на этом феномене замыкается вся правовая жизнь (от моментов ее возникновения до последующих трансформаций). Все динамические процессы в праве и правовой жизни происходят лишь постольку, поскольку есть заданный природой социума социально-правовой контакт между разного рода социальными акторами.

Раскрывая субъектный состав социально-правового взаимодействия, отметим также, что люди не единственный элемент. В роли взаимодействующих друг с другом субъектов и окружающей их социальной реальности в качестве самостоятельных единиц может выступать государство, общество, другие структуры. Как следствие, возникают разные типы взаимодействия, появляется различный правовой продукт (по качеству, по масштабу и пр.).

Суть начального или базового взаимодействия заключается в отношении одного человека к другому, где каждый из них выполняет определенный функционал или же играет взятую на себя социальную (юридическую) роль. Примером простейшего протоправового (или собственно-правового) взаимодействия между членами социума могут стать элементарные, вырабатываемые в ходе обычно-правовой практики правила поведения и нормы взаимного сосуществования (права и обязанности членов семьи, возможные способы и варианты разрешения внутрисемейных конфликтов и пр.).

В качестве образца более сложного типа взаимодействия, который может быть направлен на решение масштабных задач, таких как выработка направления развития отрасли права, стимулирование развития отдельных элементов правовой системы государства, является взаимодействие государства и общества. Например, в настоящее время в современной России почвой для такого общественно-политического и правового взаимодействия становится процесс реализации реформационных начинаний в пенсионной системе. Принятое распоряжение Правительства РФ от 16 июня 2018 г. № 1192-р «О проекте федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий"» [11], думается, существенно активизирует известные политико-правовые процессы. Тем самым вследствие коммуникации всех заинтересованных акторов (субъектов) сложной социальной системы может быть выработано верное направление дальнейшего развития государственно-правовой политики.

Подводя итог, следует отметить, что основные факторы, влияющие на развитие права и правовой жизни общества, находятся в них самих, в их внутренних силах, в тех условиях, в которых право и правовая жизнь зарождаются и существуют. Речь идет о социальном контексте права, в качестве неких «внутренних сил» выступают ситуации социально-правового взаимодействия.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. — 2001. — № 5. — С. 5–13.
2. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление / В.Г. Афанасьев. — М.: Политиздат, 1981. — 432 с.
3. Грушин, Ф.В. Факторный подход в отраслевых юридических науках // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 2. — С. 31–36.
4. Грушин, Ф.В. Факторный подход в теории права // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 107–108.
5. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. — М.: Прогресс, 1974. — 256 с.
6. Трофимов, В.В. Социально-интерактивная (коммуникативная) среда и ее культурно-универсальная роль в процессах правовой динамики // Юридическая техника. — 2016. — № 10. — С. 316–321.
7. Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. — СПб., 2002. — 22 с.
8. Медяков, Т.С. Динамика и системный характер движения (перемещения) в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. — 2016. — Т. 26. Вып. 5. — С. 124–128.
9. Сафонов, А.Е. О мнимости и реальности динамизма права // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2-1. — С. 108–109.
10. Кардашов, М.В. Динамизм права как теоретико-правовая категория // Источники права. — Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. — С. 271–278.
11. О проекте федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»: распоряжение Правительства РФ от 16 июня 2018 г. № 1192-р. — URL: <http://government.ru/activities/selection/301/32902/> (дата обращения: 21.06.2018).

К юбилею А.П. Мазуренко
To the jubilee of A.P. Mazurenko

В начале ноября исполняется 50 лет со дня рождения руководителя департамента государственно-правовых исследований Северо-Кавказского научного центра, доктора юридических наук, профессора Северо-Кавказского федерального университета Андрея Петровича Мазуренко.

Андрей Петрович родился в г. Пятигорске Ставропольского края. Окончил юридический факультет Северо-Кавказского государственного технического (ныне федерального) университета. В 2004 г. под научным руководством доктора юридических наук, профессора А.В. Малько защитил кандидатскую диссертацию в Северо-Кавказской академии государственной службы. В 2012 г. в Саратовской государственной юридической академии защитил докторскую диссертацию на тему «Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России». За годы работы в системе высшего образования проявил себя высококвалифицированным, творческим педагогом, пройдя путь от старшего преподавателя кафедры до декана факультета.

Доктор наук А.П. Мазуренко успешно руководит аспирантами, является автором и научным руководителем двух магистерских программ. За годы своей научно-педагогической деятельности Андрей Петрович внес существенный вклад в воспитание и подготовку квалифицированных юридических кадров, которые работают сегодня не только в России, но и за ее пределами. В настоящее время под его научным руководством готовятся 7 кандидатских диссертаций.

Одним из первых в российской юридической науке А.П. Мазуренко обратился к фундаментальной разработке проблем правотворческой политики как новой перспективной проблемы современного правоведения. По справедливому мнению ученого, правотворческая политика есть путь к усовершенствованию и обновлению правотворчества, повышению его эффективности. В разработанной им концепции содержатся конкретные предложения по преодолению выявленных в ходе многолетних исследований недостатков в сфере отечественного правотворчества и механизм реализации указанных мер. Ученым предлагаются новые подходы, касающиеся назначения и места правотворческой политики в российской социально-правовой и государственно-политической практике, раскрывающие возможности ее позитивного влияния на правотворческий процесс в условиях глобализации и бурного развития информационных технологий. Им всесторонне обоснована необходимость повышения значимости институтов гражданского общества и общественного мнения при принятии социально важных правотворческих решений, а также ведущая роль высших органов власти в формировании эффективной правотворческой политики государства.

Оценивая вклад А.П. Мазуренко в разработку проблем правотворческой политики, профессор В.М. Баранов отмечает, что «автор — достаточно известный (и не только в нашей стране) исследователь проблем правотворчества и правовой политики, широко заявивший о себе многочисленными публикациями... К его несомненным заслугам следует отнести стремление обосновать роль правотворческой политики в качестве фактора модернизации правотворчества и вполне удачную попытку концептуализации такой политики»¹.

А.П. Мазуренко — автор и соавтор более 300 научных и учебно-методических работ, опубликованных в центральных изданиях в России и за рубежом (США, Канаде, Великобритании, Швеции, Норвегии, Австрии, Германии, Испании, Венгрии, Польше, Чехии, Болгарии, Украине, Казахстане), в том числе более 20 учебных пособий и учебников, 10 монографий. Наиболее известными из них являются книги «Региональная правотворческая политика» (Ставрополь, 2006); «Правовая политика и правовое развитие общества» (М., 2007); «Актуальные проблемы формирования института правотворческой политики» (М., 2009); «Российская правотворческая политика: концепция и реальность» (М., 2010); «Правотворческая политика и правотворчество» (Саарбрюкен, Германия, 2011); «Правотворческая политика России: история и современность» (М., 2013); «Law-making policy in the context of globalization» [Правотворческая политика в условиях глобализации] (North Carolina — США, 2015); «Специальные правовые режимы как средство правотворческой политики» (Саарбрюкен, Германия, 2017). В издательстве «Юрист» готовится к выходу в свет новый фундаментальный труд под названием «Теория правотворческой политики».

А.П. Мазуренко активно участвует в научных конференциях, симпозиумах, круглых столах и методологических семинарах как регионального, так и всероссийского и международного уровня. Его отличает высокая работоспособность, добросовестность, сочетающиеся с требовательностью к себе и вниманием к окружающим. Помимо организационной и исследовательской деятельности в Северо-Кавказском научном центре, объединяющем ученых различных отраслей знания, Андрей Петрович является руководителем Научно-образовательного центра антикоррупционной правовой политики в Северо-Кавказском федеральном округе, председателем редакционной коллегии вузовского журнала-ежегодника «Антикоррупционная политика», членом редакционного совета (ответственным секретарем) ежегодника «Правотворческая политика», членом редакционных коллегий «Международного научно-исследовательского журнала» и журнала «Современная наука и инновации».

При его личном участии регулярно проводятся конференции и круглые столы, посвященные проблемам современной российской правотворческой политики, а также вопросам формирования антикоррупционной правовой политики государства. По результатам этих мероприятий выпускаются

¹ Из отзыва профессора В.М. Баранова на автореферат диссертации доктора юридических наук А.П. Мазуренко «Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России». — Саратов: Изд-во СГУОА, 2012.

сборники научных трудов и материалы конференций, которые всегда находят широкий положительный отклик научного сообщества.

Андрей Петрович является членом Российского профессорского собрания, экспертом регионального отделения Ассоциации юристов России, координатором Научно-образовательного центра правотворческой политики в современной России и, несомненно, одним из видных представителей юридической науки не только регионального, но и общероссийского масштаба.

За внесенный им вклад в развитие образования и науки в области фундаментальных и прикладных исследований А.П. Мазуренко награжден Медалью им. М.В. Ломоносова, многочисленными грамотами, дипломами и благодарностями, его имя внесено в энциклопедию «Известные ученые России». Как чуткий, отзывчивый и доброжелательный человек Андрей Петрович пользуется заслуженным уважением коллег, студентов и многочисленных учеников.

Присоединяясь к поздравлениям в адрес юбиляра, желаем ему крепкого здоровья и новых творческих достижений на благо отечественной юридической науки.

*А.В. Малько,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

Памяти ученого. Николай Игнатьевич Матузов
In memory of the scientist. Nikolay Ignatievich
Matuzov

10 июля 2018 г. на 90-м году жизни скончался доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования России Николай Игнатьевич Матузов. Он был одним из ведущих ученых-правоведов страны, посвятил 60 лет своей жизни научной, педагогической и общественной деятельности.

Николай Игнатьевич родился 19 октября 1928 г. в Воронежской области, учился в школе, служил в рядах Вооруженных Сил (Группа советских войск в Германии). В 1956 г. поступил в Саратовский юридический институт, окончил его с отличием и был оставлен в нем для преподавательской деятельности. С тех пор, на протяжении более полувека, постоянно работал в названном вузе (ныне — Юридической академии). Прошел все ступени образовательной системы: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор. В 1965 г., обучаясь в целевой аспирантуре на юридическом факультете Ленинградского университета, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Субъективные права граждан СССР» (научный руководитель — член-корреспондент АН СССР Д.А. Керимов). В 1973 г. в Харьковском юридическом институте защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы субъективного права».

Н.И. Матузов — знаковая фигура в отечественной юридической науке и за рубежом. Награжден медалью ООН «Международное признание» (Европейский комитет по наградам и премиям).

Им опубликовано свыше 200 научных работ, среди которых монографии «Субъективные права граждан СССР» (1966), «Право и мораль в их взаимодействии» (1969), «Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права» (1982), «Правовая система и личность» (1987), «Актуальные проблемы теории права» (2004), «Возможность и действительность в российской правовой системе» в соавторстве с Н.В. Ущановой (2012). В последнее время работал над книгой «Учение о праве в объективном и субъективном смысле», но, к сожалению, не успел ее завершить.

В последние годы под редакцией и при авторском участии Н.И. Матузова вышли такие фундаментальные труды, как «Современные методы исследования в правоведении» (Саратов, 2007); «Поощрительные санкции в российском праве. Реальность и юридическая конструкция» (Саратов, 2008); «Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты» (Саратов, 2010); «Публичная власть: проблемы реализации и ответственности» (Саратов, 2011).

Диапазон научных интересов Н.И. Матузова был весьма широк. Он был одним из первых разработчиков теории субъективных прав и обязанностей граждан, юридического статуса личности, концепции

общерегулятивных правоотношений, правовой системы общества, основ правовой политики государства.

За многие годы сложилась научная школа профессора Н.И. Матузова, включающая в себя свыше 50 подготовленных им кандидатов наук, 11 из них стали докторами наук, профессорами (В.И. Абрамов, Р.С. Байниязов, А.Г. Братко, П.А. Гук, В.Н. Карташов, С.А. Киреева, А.Б. Лисюткин, А.В. Малько, А.С. Мордовец, В.Н. Синюков, О.И. Цыбулевская). Воспитанники школы Н.И. Матузова внесли и продолжают вносить существенный вклад в развитие российской правовой науки и практики. Многие имеют уже своих учеников, свои достижения.

Многолетний труд Николая Игнатьевича отмечен орденами и медалями. Он был награжден орденом «Знак Почета», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Николай Игнатьевич руководил постоянно действующим семинаром по методологии современного правоведения Саратовского филиала Института государства и права РАН. На протяжении 20 лет возглавлял семинар молодых преподавателей вуза «Педагогические чтения».

Николаю Игнатьевичу были присущи такие качества, как широкая научная эрудиция, профессиональное педагогическое и лекторское мастерство, стремление оказать помощь всем, кто в ней нуждается. Он охотно делился своими знаниями и опытом.

Коллектив Саратовской государственной юридической академии, Института государства и права Российской академии наук выражает искренние соболезнования родным и близким профессора Николая Игнатьевича Матузова, всем, кто имел честь учиться у него, работать с ним.

Светлая память...
